

Семен Резниченко

РУССКИЕ И РУССКОСТЬ

Библиотека журнала «Голос Эпохи»

Семен Резниченко

Русские и Русскость

«Традиция»
Москва 2015

УДК 82.3

ББК 84

С. Резниченко. Русские и русскость
– М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2015. – 224с.

ISBN 978-5-905074-66-0

Про русский народ написано много идеологизированной публицистики, чёрных и золотисто-розовых легенд, содержащих выдумки и усечённую полуправду. А мы попытаемся рассказать правду о русском менталитете и близко лежащей проблеме сути славянства: правду выпуклую, объёмную, неоднозначную о специфике русской государственности и её непростых отношениях с русским народом, о реальной роли православия в русской жизни, а также о роли либералов, о некоторых таких спорных вопросах, как причины победы большевиков в 1917 году. Также сообщим вам о том, что ждёт наш менталитет и народ в недалёком будущем.

© С. Резниченко, 2015
© ИП Бурина А.В., 2015,
оформление

Содержание

Что мешает изучению русского менталитета?.....	5
1. Некоторая общая славянская и восточнославянская специфика.....	6
Роль славянства в европейской культуре	6
Этническая идентичность у восточных славян.....	11
Русские: какие мы и почему?.....	16
2. Русский менталитет как он есть	21
О русской покорности	32
Основная суть русскости.....	45
Как правильно понимать русскость	45
3. Русские и государство.....	46
Политическая традиция славянства на примере России и Польши	46
Причины появления русского централизованного государства	58
Русские – белые арабы?.....	59
Суть великорусской истории.....	63
Империя vs традиционализм	69
Русские и западная демократия	78
Роль коммунистов в жизни русских	80
Причины победы коммунистов в России.....	81
Сталин: реальные цели.....	82
Причины сталинских репрессий	86
Памяти СССР	90
Российский либерализм в роли набегов кочевников	99
Либералы как квазисубэтнос	102
Специфика позднесоветских почвенников.....	107
Конец западников и почвенников	108
Наш родной симулякр или общество ряженных.....	113
Но началось это не сейчас.....	114
Российская государственность: цель и инерция	120
4. Православие, идеократия, кротость, выпивка, казаки и прочее	123
Православие в жизни русских	123

О русской идеократии.....	131
Консерватизм у русских	133
Суть казачества.....	139
Семейные и гендерные отношения у русских.....	152
Подавление индивидуальности у русских.....	156
Вынужденность в русской культуре.....	158
Доминирование через сострадание	159
Русская кротость или о китайском культурном влиянии.....	162
Криминал, выпивка и другое	166
Главное проявление русского индивидуализма или похвала хвостовству.....	168
Что такое «всечеловечность»?	172
Причины русской зависти	173
Специфика русской воинской традиции	173
Русская национальная идея как она есть	175
5. Русская русофобия	181
Русская русофобия: реальные причины.....	181
Социопсихологические причины русской русофобии	184
Основные причины русской русофобии	185
6. Русские и нерусские	186
Восприятие русских иностранцами.	186
Почему нерусские становились русскими, а русские – нерусскими (подробнее).....	188
Чем сильны русские, чем – другие народы	190
О русской диаспоре.....	191
Почему русских не любят	192
Мы для них вне закона	195
7. Варианты будущего	198
Поствеликороссы	198
Выводы.....	204
Вместо рекомендаций.....	215
Какие качества будут востребованы у русских людей при неофеодализме?	222

Что мешает изучению русского менталитета?

Недостаток источников о ранних периодах русской жизни и жизни многих социальных слоёв вплоть до XVIII–XIX столетия.

Недостаток массовости многих видов имеющихся источников.

Серьёзные изменения в русских периферийных слоях русского менталитета с течением времени.

Чрезмерное обилие публицистических описаний при недостатке научных. Изобилие огульного очернения и восхваления, чрезмерная оценочность.

Попытка подогнать русских под некий единый шаблон. Отсутствие учёта внутреннего разнообразия русских.

Попытки объявить «истинно русскими» свою или, наоборот, чужую социальную группу или субкультуру.

Путаница между элементами собственно менталитета и ценностями культуры. Именно последние официально декларируются, рефлексированы, проговариваются, хотя очень часто они прямо противоположны ментальным установкам, так как созданы для их коррекции.

1. Некоторая общая славянская и восточнославянская специфика

Роль славянства в европейской культуре

Какова роль славянства в истории Европы и всего западного мира? Существует мнение, что славянство – некая аграрно-сырьевая периферия Запада, обречённая на вечное отставание и копирование «старшего брата». Некоторые фактические основания для этого есть, например относительный уровень социально-экономического развития и общий относительный консерватизм славянских народов. Однако в целом такой подход в корне неверен.

Славяне – это европейцы «старого образца», европейцы доримской и догерманской традиции, какими были античные греки и древние кельты – свободолобивыми индивидуалистами. В их среде многое определял личный произвол. В их социальной организации не хватало рациональных принципов и незыблемых институций.

Слабость правил и стандартов имела и свою положительную сторону. Это помогало давать самый верный и адекватный ответ на возникающие вызовы – ответ, продиктованный необходимостью, а не предрассудками и шаблонами или недостатком способностей, и поэтому зачастую гораздо более действенный. Поэтому славяне совершили немало открытий и изобретений в разных сферах, создали массу новаций. Нередко славяне оказывались пионерами по отношению к остальной Европе. Это проявилось в явлениях, которые можно оценивать с совершенно разным знаком.

Славяне южного побережья Балтийского моря ещё в раннем Средневековье первыми создали за пределами территории античного наследия богатейшие города-го-

сударства, которые к XII столетию были уничтожены западными, преимущественно немецкими, крестоносцами.

Однако и онемечившись, эти города оставались богатейшими торговыми центрами, входившими в знаменитый торговый союз – Ганзу.

Гораздо более широко известно гуситское движение в Чехии. Это было первое массовое протестантское движение в Европе, которое получило массовую поддержку и добилось успеха на государственном уровне. Гусизм активно действовал с XV по XVII век, пока не был подавлен силами Австрийской империи.

В XVI–XVII веках в Европе царил авторитаризм и абсолютизм, а в Речи Посполитой существовала развитая сословная демократия с выборностью высших должностей, которая перестала существовать в конце XVIII столетия. Попытки модернизироваться и выйти из внутреннего кризиса были подавлены соседними империями.

Многие инновации были впервые внедрены русскими: начиная с системы контроля за государственной территорией и передвижением граждан и заканчивая многочисленными научными открытиями и техническими изобретениями. Взять хотя бы периодическую таблицу Менделеева. Русские первыми вышли в космос. Автомат Калашникова произвёл настоящую революцию в подготовке бойцов в самых разных уголках мира, которая резко ускорила и упростилась.

Несколько менее известен вклад русских в становление разных сторон западной массовой культуры: основу школы подготовки голливудских актёров заложил Михаил Чехов, а кинескоп был изобретён Зворыкиным, видеомэгафон – Понятовым.

Широко известно, что японцы во второй половине XX века многие высокотехнологичные решения заимствовали из советского журнала «Юный техник».

Автор этих строк был весьма удивлён, узнав, что сербов всего восемь миллионов. Такая численность на удивление мала по сравнению с вкладом представителей этого народа в политическую историю Европы или, к примеру, мировую литературу.

Славяне первыми опробовали и некоторые инновации, которые трудно характеризовать однозначно положительно.

Известно, что образованные слои русского общества во второй половине XIX столетия отличались рафинированной культурой и известной свободой нравов. Ещё раньше маркиз де Кюстин сравнил представителей этого социального слоя с древними афинянами. (Надо иметь в виду, что разные социальные слои тогдашнего русского народа жили совершенно по-разному.)

А после отмены крепостного права образованный слой резко расширился, и появились так называемые нигилисты – люди с радикальными политическими взглядами и, главное, отрицающие устоявшийся образ жизни. Исследователи находят в нигилистах на удивление много сходств с европейскими неформалами (хиппи, панками), которые появились в Европе лишь сто лет спустя.

А после победы большевиков в 1920-х годах в России проводилась масштабная политика поддержки национальных и прочих меньшинств. В течение всего периода проходила масштабная кампания в поддержку нерусских народов, сопровождавшаяся передачей им административной власти на значительных территориях, форсированным развитием национальных языков и культур.

Но поддержкой пользовались не только этнические меньшинства. 31 декабря 1918 года в Советской России состоялся первый в мире парад сексуальных меньшинств.

Недаром классик мировой экономической науки Дж.

М. Кейнс называл советский социально-политический проект экспериментом...

Уже в 1930-е годы эти нововведения стали сворачиваться, особенно в сфере семьи и брака. Во многом – под влиянием выходцев из консервативного крестьянства, которые активно пополняли в тот период городское население, госаппарат, интеллигенцию. В сфере национальной политики отход от ранних советских принципов был гораздо менее последовательным.

А на Западе подобная политика стала проводиться только после 1960-х годов, но гораздо последовательнее и в поистине устрашающих масштабах. И уже с Запада элементы этой политики теперь транслируются в Россию.

Итак, славяне были источником инноваций для европейской цивилизации. Они играли во многом ту же роль, что и Италия эпохи Возрождения, но делали это на протяжении более чем тысячелетия. Славянство было своеобразной «лабораторией креативных идей».

Однако в самой «лаборатории» всегда были проблемы со стабильным воплощением этих идей в жизнь. Воплощались они нередко достаточно масштабно, только очень часто проекты сворачивались как под влиянием внешних, так и внутренних сил. Отчасти – по причине геополитической ситуации, отчасти – по причине нестабильности внутреннего устройства славянских обществ, в которых слишком много зависело от воли личностей, а не от правил и установлений.

В более западных регионах Европы зачастую не было такого уровня личного самовыражения, зато существовали сильные стабилизирующие системы правил и социальные институты, которые позволяли долговременно и в большом масштабе реализовывать заимствованные инновации, исправлять недостатки и оттачивать механизмы применения, но делали культуру менее гибкой и более инерционной.

Различие между славянами и западными и восточноазиатскими народами можно сравнить с различием между научно-исследовательским институтом и крупной промышленной корпорацией. В исследованиях много от озарения и индивидуальности, они всегда уникальны и не похожи на другие. Для промышленной корпорации важна организация, масштаб, последовательность и постоянство, чёткий, отлаженный алгоритм производства и сбыта.

Такая специфика ещё в большей степени характерна для восточноазиатских стран: Японии, Кореи и Китая. Такие страны как Япония, Южная Корея и Китай добились большого успеха во внедрении «не своих» научно-технических и политических инноваций, а Северная Корея – политической инновации.

Но славяне, благодаря своей креативности, могут сыграть важную роль в ходе происходящего исторического перелома. В настоящее время либеральная модель общества начисто исчерпала себя. Несмотря на внушительную экономическую базу и аппарат принуждения, либерализм нужно признать полностью морально устаревшим. Носители либерального западного образа жизни очень скоро могут просто-напросто физически вымереть по причине отсутствия у них детей.

Западноевропейцам будет не просто освободиться от либерализма. Как уже говорилось, у них слишком сильны устоявшиеся нормы и социальные институты – а они целиком работают на либерализм. Славянам, в силу их ментальности и меньшей инерционности мышления, будет это сделать проще, тем более что установки современного толерантного и мультикультурального общества в славянских странах существенно слабее.

Этническая идентичность у восточных славян

На территории по крайней мере России и Украины Великое переселение народов так толком и не заканчивалось, точнее, начавшееся в то время движение славян на Восток. Оно продолжалось и в Московской Руси, и в Российской империи, и в СССР. Например, украинцы расселились от побережья Чёрного моря до Тихого океана.

Потом Первое переселение народов плавно перешло во Второе, из Азии в Европу.

Всё это не могло не сказаться на специфике этнической идентичности восточных славян. В период Великого переселения народов некоторые её аспекты могли очень быстро меняться. Гуннами были в том числе славяне и германцы. Антами, кроме славян, ещё иранцы и турки. Точно так же много кто был готами и вандалами.

Также консервации такой ситуации способствовало монголо-татарское нашествие, приведшее к перекройке сложившихся этнических границ.

Сохранение ситуации перемещения у восточных славян и многие другие специфические особенности привели к сохранению подвижности восточнославянской идентичности. Этничность не стала неподвижной и изолированной, неизменной константой, как у западнославянских и по крайней мере у некоторых южнославянских народов.

Это выразилось в малой дистанции этнической идентичности от других её видов, сильном взаимном влиянии идентичностей друг на друга, образовании из их разных видов сложных комплексов.

Разные виды идентичности достаточно легко принимают этническую и квазиэтническую специфику. Одновременно этническая специфика многое воспри-

нимает от других видов идентичности: политической, религиозной и пр. В той или иной степени такое взаимопроникновение идентичностей существует везде. Но у восточных славян она особенно развита.

В целом идентичность многих представителей восточного славянства сравнительно изменчива и подвижна, хотя далеко не всех.

Взять территориальную идентичность. В Киевской Руси отдельные земли переросли в субэтноты древнерусской народности.

А вот политические события нашего времени: многие русские киевляне на стороне украинских националистов, в то время как украинцы Донбасса поддержали самопровозглашённые республики. Совершенно по-другому дело обстояло в бывшей Югославии, где сербы и хорваты – земляки – жестоко враждовали.

Здесь мы можем наблюдать и «политизацию» украинской этнической идентичности – частичную её трансформацию из собственно этнической в партийно-политическую.

Пример одновременно и территориальной, и социальной этнизации – этнизация крупнейших казачьих войск на рубеже XIX–XX столетий.

Но наиболее яркий пример этнизации по социальному принципу – это представители российской власти, которая всегда осознанно отделяла себя от русских, называя себя «единственным европейцем». Она же сделала официальной норманнскую теорию генезиса российского государства, постулирующую его происхождение от иноплеменников. О бытовом поведении «начальников» и говорить нечего. Со своими соотечественниками они обращаются как с военнопленными рабами...

Характерный признак далеко зашедшей этнизации политической идентичности – российский либерализм, степень этнизации которого долгое время непрерывно

росла. Очень многие его странности можно объяснить именно высокой степенью этнизированности этой идентичности. Либералы, часто этого не осознавая, вели и ведут борьбу за отделение от русского государства и русского народа. Нахождение во власти либералов можно воспринимать именно как нахождение там представителей нерусского этноса. Так они и сами себя воспринимали, по крайней мере подспудно.

Высокий уровень этнизации был и у ранних большевиков, Недаром они говорили о союзе коммунистов с теми или иными народами.

В связи с этим в довольно тяжёлой и двусмысленной ситуации находились русские патриоты и славянофилы. Они позиционировали и позиционируют себя как выразители интересов всех русских. Но и они не избегли этнизации. Большинство русских воспринимали и воспринимают их как нечто особенное и внешнее. И они весьма остро чувствуют своё отличие от «средних» русских, от которого, в отличие от либералов, стараются бежать, хоть и безуспешно. Бегство от своей osobости приводило к стремлению опираться не друг на друга, а на народ или государство. Но патриоты не находили настоящей поддержки ни в «народе начальников», ни в народе «простых русских», что делало патриотов (националистов) слабее либералов. (В идее Дм. Бькова о «варягах» и «хазарах», несомненно, есть рациональное зерно.)

Хотя делались и противоположные попытки. В позднем РНЕ поговаривали, что вместо неэффективного русского нужен особый РНЕшный патриотизм. Некоторые члены этого движения на волне подобных идей стали русскими мусульманами.

При этом надо иметь в виду, что либералы – это квазиправительственное, квазигосударственное начало, один из вариантов «теневого правительства» наряду с уголовниками. Отсюда в рядах либералов сплочённость и единомыслие, дружность и относительная эффективность

действий. Только стать действительно властью либералам не суждено. Они борются с имперской системой, лишь в рамках которой они жить и могут. Если рухнет империя – и либералы исчезнут, будто их и не было.

Условные патриоты – это квазинародное начало, оттого в нём царит жуткий разброд и полное отсутствие единомыслия: деление на левых, правых, националистов, имперцев советских и монархических и несть им числа, жесточайшая анархия при иногда декларируемом радикальном государственничестве. В случае крушения империи многие из «патриотического лагеря» также прикажут долго жить, другие же могут развиться в нечто принципиально новое.

Думать о создании нации русских националистов мало продуктивно, но вот уметь эффективно взаимодействовать друг с другом и опираться друг на друга очень нужно. Но к народу идти не с повесткой дня своего «субэтноса», а с тем, что волнует народ. Тогда «народ русских националистов» сможет возглавить «простых русских».

Но у восточных славян были случаи и частичной ассимиляции этничностью других идентичностей. Так произошло с русским православием. Возможно, ещё в большей степени – с униатством на западе Украины.

Белорусская же идентичность долгое время была конгломератом территориальных, религиозных и социальных идентичностей между русскими, украинцами и поляками. Во многом актуализация белорусскости произошла только в первой половине XX века на фоне научного признания белорусов, появления БССР и особенно партизанской борьбы с гитлеровцами. Именно она создала белорусов, а режим Лукашенко закрепил это создание.

Ещё одно важное качество восточнославянской ментальности, вытекающей из всего вышперечисленного, – относительно большая дистанция между языковыми и этнографическими характеристиками индивида и его

идентичностью. Идентичность не слишком привязана к языковым и прочим характеристикам, а находится в «свободном плавании».

Специфика этничности восточных славян (на примере русских и украинцев)

1. Сравнительно большая дистанция между языком, культурой и этнической идентичностью, относительно большая возможность их несовпадения.

2. Большая степень этнизации социальных и мировоззренческих различий, а также отождествление этничности с социальным положением или мировоззрением.

3. Сила и устойчивость этнической идентичности в случае её объединения с социальной или идеологической идентичностью (Кубань, Донбасс, Галичина).

4. Значительная роль территориальных идентичностей.

5. Наличие развитых территориальных субэтносов социальных и идеологических квазисубэтносов, не имеющих собственной территории.

Русские: какие мы и почему?

Определённая часть русской политической элиты любит порассуждать о русском коллективизме, стремлении ко всеобщему единению, соборности, почитании традиций и пр. Сравнительно недавно это сделал известный литературный критик В. Бондаренко на сайте «Свободная пресса». В целом таких публикаций было море, особенно в перестроечный и постперестроечный периоды. Картины они рисуют красивые, но далёкие от реальности, наблюдаемой вокруг.

А что же есть на деле? Начнём с самого начала.

Славянская культура в древние времена подразумевала нахождение небольшого автономного коллектива на достаточно обширной территории – коллектива, максимально независимого от других родственных коллективов и одновременно максимально компактного и простого. Расширение единого, усложнение структуры не приветствовалось. Должен был сохраняться status quo. Одновременно набор отношений между автономными минимальными общностями и правил, их регулирующих, должен был быть сведён к необходимому минимуму.

Трудно сказать, почему возникла такая традиция: то ли славяне – потомки доиндоевропейского населения, усвоившего новый язык, но сохранившие старые социопсихологические установки, или же славяне – автохтонная часть индоевропейцев, позже других своих собратьев начавшая куда-либо мигрировать и участвовать в бурных политических процессах. Ведь именно миграции и политические катаклизмы приводят к перестройке общества и созданию обширных структурированных общностей, воображаемых сообществ.

Такой период в истории славян продолжался долго.

Но и славяне к эпохе Великого переселения народов стали активно мигрировать, завоёвывать соседей,

отбиваться от более сильных – и в любом случае создавать государства.

Во многом именно стремление сохранять невысокую плотность населения и небольшое количество социальных структур на одной территории привело к крайне активной славянской миграции после начала бурного демографического роста и социального развития I века нашей эры.

Впоследствии у южных и западных славян общество эволюционировало в сторону создания сравнительно более плотной, разветвлённой, формализованной и стабильной социальной структуры. Ситуация, относительно близкая к условиям Великого переселения народов и славянской миграции, сохранялась у восточных славян. Они продолжали активно расселяться и политически дробиться. Хотя социальная структура и развивалась быстро, но возникали огромные многолюдные города.

Монголо-татарское нашествие и создание Московского государства показали другую черту славян – удивительную гибкость и рациональность. Ведь они создали совершенно чуждое им по форме государство, скорее, дальневосточного типа. Рациональность нарождающихся русских объясняется традиционной свободой принятия решений руководителями даже самых мельчайших коллективов и просто отдельными людьми, которая не была скована чрезмерным обилием ограничений и традиций. Гибкость и свобода принятия решений были закреплены на ментальном уровне в ходе многочисленных и продолжительных миграций.

В условиях миграций и военно-политических пертурбаций у восточных славян закрепились установка на то, что отдельный малый коллектив или полноправный человек может сам определять свою этносоциальную принадлежность, подданство государству или правителю. Всё это можно было менять. А иногда это

становилось единственной возможностью выжить в условиях краха очередной потестарной системы. Но иногда локальная идентичность «намертво» сплачивалась с членством в воображаемом сообществе в случае имеющихся каких-либо привилегий либо других обстоятельств. Вот почему этноязыковая принадлежность у некоторых восточных славян и происхождение не слишком жёстко привязаны к идентичности, в то время как у других – спаяны намертво.

Но после создания Русского государства основные установки ментальности пришли в противоречие с государственной моделью. Русские продолжили активно мигрировать, осваивая гигантские просторы Сибири, уходили в казаки, бежали за рубеж.

Но появилась необходимость к совместному проживанию большого числа самых разных русских в одном и том же месте в рамках общества с огромным количеством правил и установлений, что вызвало жестокий ментальный диссонанс, приведший к опричнине и Смуте.

Очень скоро, чтобы как-то разрядить ситуацию, русские вновь начали отпочковываться друг от друга, но теперь уже не территориально, а социально-ценностно: кто-то стал старообрядцем, а дворяне переоделись в заграничное платье и начали говорить на иностранных языках.

Появился феномен ложных общностей, когда находящиеся на одном пространстве и социально взаимодействующие друг с другом русские люди максимально ценностно-психологически обособляются друг от друга, стремятся создать свои небольшие миры, максимально закрытые для других.

А где же коллективизм? В русской традиции коллективизм – это качество, практикуемое между своими в узкой группе или в самых больших масштабах, но короткое время, в какой-нибудь экстремальной си-

туации. В условиях затянувшегося Великого переселения и набегов кочевников такие ситуации не являлись редкостью. И у русских индивидуалистов, восприимчивых и гибких, выработалась способность «в случае чего» вести себя подобно коллективистам. Государство восточного типа старательно внедряло чрезвычайные практики в повседневность (передельно-паевая община, колхозы). Такие практики, будучи в определённом отношении успешными, деформировали русскую повседневность, и отнюдь не переставали быть чрезвычайными.

Ко времени падения империи Романовых русское общество было разделено на огромное множество и социальных (интеллигенция, крестьянство), и территориальных (казачество), и идеологических (различные политические течения) «миров», которые активно стремились жить свободно и независимо друг от друга. И так как это было физически невозможно (не может интеллигенция жить в другом государстве по отношению к товаропроизводителям), борьба за независимость превратилась в борьбу за власть.

Победившие коммунисты попытались уничтожить дихотомию менталитета и государственного устройства. Образ жизни и душевное устройство русских они попытались переделать в соответствии с нуждами деспотического государства. Поэтому была разрушена любая традиционная самоорганизация и автономность, что привело к массовой десоциализации и маргинализации русских, которые массово замкнулись в своих личных мирах, ставших для них единственной абсолютной ценностью. Этому не в меньшей степени поспособствовали успехи коммунистов в улучшении уровня благосостояния и развития социальной сферы, науки и промышленности. Вызовы, ответом на которые являются социальная солидарность, коллективизм и патриотизм, были временно ликвидированы.

Эти вызовы – необходимость бороться с голодом, набегами врага, природными стихиями. Если их убрать или просто ослабить – человеческое общество стремительно деградирует, и люди начинают жрать друг друга.

Сейчас мы имеем дело с распадом самых разных воображаемых сообществ, связанных с русской идентичностью, – национального, а также и различных социальных и политических идентичностей. Они становятся именно воображаемыми, принадлежность к ним слишком часто не ведёт ни к каким действиям. После большевистского единообразия возникает стремление к созданию малых независимых общностей. Этому способствуют и общемировые тенденции постмодерна.

Но созданию малых объединений русских (коллективов выживания и пр.) препятствует отсутствие соответствующих социальных навыков, непрерывной традиции, а также пока ещё существующая возможность обходиться без них.

Русские апеллируют к государственности, которая занимается саморазрушением. При этом слабость самоорганизации не даёт опять-таки реально спасти это столь нужное государство.

2. Русский менталитет как он есть

Нам, русским, изрядно навредили национальный самообман, неверные представления о самих себе, стремление «закрыться» как от реальных недостатков, так и от неоспоримых достоинств. Не было в природе кротких и высокодуховных славянофильских коллективистов, думающих лишь «о небесном», не было западных лентяев, которые якобы не способны к какой-либо инициативе, и чтобы стать «кем-то», они должны были отказаться от самих себя.

Высокодуховный «народ-богоносец» породил Смутное время и уничтожил романовскую империю.

«Обломовы» принесли цивилизацию и высокую культуру на огромные просторы Евразии и стёрли в порошок лучшую армию всех времён и народов – германский вермахт.

А советские самоотреченцы и коллективисты оказались вещистами и оголтелыми индивидуалистами, тотально превзошедшими «западных учителей» – и почвенникам оказалось фактически не к кому взывать.

И одновременно правы оказались все понемногу. Среди русских можно было найти и высоконравственных коллективистов, и фанатичных рвачей, и эгоистов, а также людей весьма ленивых и весьма трудолюбивых.

Мы – русские – очень разные, даже слишком. Но дурить самих себя надо перестать всем.

***

Начнём немного издалека. Славяне – это европейцы «старого образца», европейцы доримской и догерманской традиции, какими были античные греки и древние кельты – свободолюбивые индивидуалисты. В их среде многое определял личный произвол. В их социаль-

ной организации не хватало рациональных принципов и незыблемых институций. Поэтому традиционные европейские свободы сменил более твёрдый и рациональный германо-романский порядок.

Было «рационализировано» и «стандартизировано» и большинство славянских народов. В основном – в ходе многовековой борьбы с каким-либо иноземным игом.

Русские отразили все попытки непосредственной иноземной оккупации (монголо-татарское иго таковым не было). Для этого они создали деспотическое государственное устройство, по формальным признакам напоминающее азиатское, то есть государство, противоречащее славянскому мировоззрению, с которым у русских произошёл неизбежный конфликт, ставший хроническим.

Но под панцирем «своего – чужого» государства русские сохранили ядро традиционного менталитета в гораздо большей степени, чем другие славяне, хотя ментальная периферия и претерпела значительные изменения.

Составляющие ядра русского менталитета – это индивидуализм, иррационализм, анархизм и авторитаризм. Вследствие этого русские весьма отличаются друг от друга. Среди них очень много людей, не соответствующих основному ментальному облику, – иными словами, рациональных коллективистов, не склонных ни к анархизму, ни к авторитаризму. Разброс индивидуальной ментальности в рамках одного народа наблюдается практически всегда, но у русских он, скорее всего, выше среднего показателя.

Наблюдаются существенные различия в ментальности различных групп русских, например этнотерриториальных групп крестьян, иногда живущих на разных территориях. А иногда – на одной и той же, в частности на территории Центрально-Черноземного

региона. Прослеживается ярко выраженное различие ментальности крестьян и казаков, хотя во всех случаях речь идёт о русских земледельцах-общинниках. О представителях разных сословий и социальных групп говорить не приходится, так как говорилось слишком часто.

Как образно написал публицист Игорь Васильев в журнале «Голос эпохи», одни русские крестьяне походили по своему менталитету скорее на швейцарцев, а другие – на негров.

На многие важные вопросы русские давали совершенно разные ответы. Идёт хронический спор националистов, с одной стороны, и либералов и евразийцев – с другой. Одни утверждают, что русские рьяно хранили свою национальную чистоту и в смешанные браки не вступали. Другие – что на чистоту нации русским было наплевать, и они только и делали, что смешивались со всеми.

На практике разные группы, например, сибирских крестьян вели себя совершенно по-разному. Одни долгое время женились исключительно на туземках и создали практически метисные группы, антропологически и культурно чрезвычайно близкие к неславянскому населению, но сохраняющие русское самосознание. А иногда – даже былинный эпос.

Другие смешивались с местным населением, но в незначительной мере.

Третьи жили чуть ли не по Нюрнбергским расовым законам.

Но всё же думается, что очень плодотворна идея Константина Крылова о том, что в старой России смешивались с другими народами преимущественно «социально продвинутые» категории населения – аристократия, интеллигенция и пр. Основная масса населения – крестьяне – смешивалась с представителями других этносов незначительно. В том числе и потому,

что социальный статус и экономические возможности крестьян были низки, и они не были привлекательными брачными партнёрами как для представителей других народов, так и для других социальных групп. Исключение среди русских земледельцев являли собой достаточно зажиточные и высокостатусные казаки и сибирские крестьяне. С ними было немало желающих породниться. И они могли выбирать, стоит ли их общине разрешать смешанные браки или нет.

Для русского человека в большей степени значимы не какие-либо общенациональные идеологемы, а «понятия», правила, регулирующие жизнь в некоей узкой, замкнутой группе, зачастую противопоставляющей себя «большому» обществу. Если русский – член такой группы, то она значит для него весьма много, гораздо больше «народа» и «общества». Эта группа может быть воровской малиной, старообрядческой или казачьей общиной, обществом либеральных интеллигентов, полицейских или националистов. И так далее.

Этот элемент менталитета возник в период, когда Русская земля делилась на независимые общины – земли, которые были и государственными субъектами, и субэтносами. Они никому долгое время не подчинялись, отличаясь обычаями, говором. В принадлежности к такой самодостаточной общине заключалась самоидентификация русского, его статус и достоинство. Такую теорию блестяще обосновали выдающиеся историки И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко.

Разделению на такие группы способствовало появление упомянутых выше дробности и неоднородности менталитета.

Вследствие исчезновения среди русских значимых культурных различий эта неоднородность продолжала существовать. Исчезли коллективы выживания, но сохранялось желание иметь свою общность, отличную от других. И таковые стали создаваться среди русских

искусственно, во многом через противопоставление другим группам. Отсюда и возникли все «онтологические» споры «почвенников» и «западников», «совков» и «антисовков».

Внутренняя неоднородность, стремление придавать повышенное значение внутринациональным различиям не способствовало созданию у русских национального государства и сохранению имперского порядка, когда над «независимыми» группами должна быть независимая надстройка – медиатор и организатор. Причём за редким исключением (вроде опасности нашествия Наполеона или Гитлера) субъектом отношения с государством или другим этносом выступал не русский народ как таковой, а некая отдельная группа, претендующая на независимость и статусность. Показательно, что некий партийный пропагандист начала 1930-х годов призывал «крепить союз коммунистов и украинцев».

Вот поэтому-то при коммунистах отдельной самостоятельной общественно-политической субъектности русский народ не имел. А другие народы имели. Коммунисты просто исходили из наличного положения дел.

Олег Неменский в своей статье об охранительстве выразил недоумение по поводу специфики русской государственности. Попробуем его развеять. Государственный аппарат во главе с государем (назывался по-разному) – это независимая община (гегемон), которая осуществляет власть над другими общинами в своих собственных целях. Для других она делает минимум того, чтобы продлить гегемонию, осуществляемую диктаторскими средствами. Практически ситуация аннексии Москвой Твери и Новгорода продолжается и в настоящее время. Общины покорены, но не слиты с господствующей.

Эта диктатура держится на жёсткой вертикали со-

подчинённости внутри господствующей «общины» начальников, которая благодаря лучшей организации преобладает над всеми остальными, более аморфными. Вообще в России более организованная община побеждает менее организованные. Так, в 1917 году в результате двух переворотов власть перешла от восставших против ослабевшей верхушки иерархии дворян, чиновников и интеллигентов к организованным и авторитарным большевикам, у которых были жёсткие лидеры, подавлявшие любое недовольство. Об отношениях власти подчинения в среде русских будет сказано ниже.

Сугубо гипотетический приход к власти националистов был бы не созданием единой русской нации, а приходом к власти «общины националистов».

Так что русофобская идея о том, что русских вообще нет, имеет под собой определённый базис. Однако она не верна. Есть и другие народы с серьёзными внутренними этнографическими и (или) ментальными различиями, например китайцы или швейцарцы, в существовании которых никто не сомневается. В появлении этих народов, как и русского, большую роль сыграло долговременное политическое единство.

Практически экспериментальным доказательством существования русских является сохранение русской идентичности некоторыми группами старообрядцев, веками живших вдали от России (например, казаками-некрасовцами).

Можно согласиться со Светланой Лурье в том, что конфликт господствующей общины и всех остальных имел и функциональный характер. Для удержания господства «начальству» нужно было сильное государство, а жизнеспособные «низовые общины» могли поддержать начальство в трудную минуту.

***

Всё это отразилось и на специфике русского патриотизма. Русский патриот зачастую защищал не своё, а некое «общее достояние», хранителем которого является «правительственное начало». Достояние всей этнокультурной общности России – русские, а отнюдь не «своё», не реальный политический субъект, к которому он принадлежал. Защита «своего», конкретного политического субъекта нередко приводила к социальным конфликтам и смуте – революциям, крестьянским войнам и т. д. Поэтому в русском патриотизме акцент был смещён на самоотречение, самозабвение, отказ от себя и всего своего. Это был патриотизм государственнический, в отличие от этнического, который предполагает значительно больший акцент на защите себя и своих интересов. Хотя также не чужды самопожертвование и самоотречение. Этнический патриотизм у русских сознательно не слишком культивировался, государством и подавно, хотя и не был совершенно чужд русским. Его, например, проявляли партизаны, насмотревшиеся на гитлеровский «новый порядок».

***

Индивидуализм в сочетании с иррационализмом резко понизили в среде русских действие внеличных социальных регуляторов, таких как законы и обычаи, религиозные установки. Регулятором выступает авторитет конкретных личностей и групп.

Этим-то русские отличаются и от «классических» европейцев, и от носителей восточной ментальности. Европейцы, рациональные индивидуалисты, большое значение придавали законодательным нормам и формально закреплённым договорным отношениям, а также стабильно существующим легитимным институтам – источникам права.

На Востоке большое значение придавалось обычаю, традиции, религиозной норме, мнению большинства.

В русской среде тоже очень важную роль играли и законы, и обычаи, и религиозные установления. Однако большую роль, чем на Востоке или на Западе, имел произвол отдельной личности или групп личностей.

Произвол не обязательно «негативный» или «позитивный», но порождающий изменчивость и нестабильность.

Отсюда – масштабные революционные сломы национальной жизни (петровские реформы, большевистская революция, распад СССР), недостаток традиционности в культуре, вольное отношение к соблюдению законов.

А также широко растиражированная склонность русских к крайностям: и негативные, и позитивные стремления русских в меньшей степени ограничивались рамками и правилами.

***

Есть ещё одна специфическая особенность, способствующая проявлению в русском обществе деспотизма и нестабильности: у нас не было и нет признанной иерархии социальных групп. У нас, грубо говоря, любая каста – высшая, по крайней мере, потенциально и в собственном восприятии, так же как и любой древнерусский город ощущал себя чем-то самозначимым и потенциальной столицей. Частичную верность этого тезиса с блеском доказала Москва.

Единственной легитимной высшей кастой всегда был правящий род, княжеский или царский. Его харизма потом отчасти перешла на генсеков и президентов. При этом не один из внутрирусских социальных псевдосубэтносов по-настоящему не признавал легитимность псевдосубэтноса – гегемона, если только он не был им сам. Отсюда и объявление номинальным гегемоном рабочих после Октябрьской революции, и гонор уголовников, и шаткость положения любой элиты,

если она не объединена напрямую с высшей единодержавной властью, которая была необходима для закрепления иерархии псевдосубэтносов.

***

Русские – это европейцы, которым пришлось построить для себя псевдоазиатское государство, которое на деле является гегемонией одной из земель или заменяющей ее социальной группой (начальство), которая имеет свои собственные интересы и не сливается с другими землями (социальными группами). Такой была гегемония и Киева, и Москвы, и дворян, и коммунистов. Недаром историки утверждают, что становление московской военно-служилой системы началось ещё до возникновения Османской империи, считавшейся одним из «примеров для подражания».

Подобная гегемония появилась из славянского наступательно-оборонительного союза наподобие склаввинов и антов, которые помогли объединить разрозненные усилия славиний для достижения серьёзных политических целей, хотя это и стеснило их свободу и мешало реализации ментальных установок.

Подобные союзы оказались слишком непрочными, и на их место пришли гегемонии в формате известных раннеславянских государств, превратившихся в европейскую государственность у чехов, и в более масштабную славинию у поляков, и в гегемонию под видом восточной деспотии у русских.

Но менталитет наступательно-оборонительного союза продолжал сохраняться и под оболочкой деспотии, взять постоянную грызню различных категорий русских и дружный внешний отпор супостату. Идеология союза оказалась для русских чрезвычайно важной. Однако она так и осталась идеологией союза разных славиний, а не монолитного этноса.

Государство (в своих восточно-деспотических проявлениях) во многом не соответствует русской ментальности. Отсюда – раздвоенность русского существования, внутреннее неприятие того, что самим кажется вроде нужным и полезным: огромная роль фасадов, потёмкинских деревень и «парадных», декларативных ценностей, за которыми скрывается нечто совершенно противоположное декларируемому. Вместе со склонностью к произволу, анархизму это привело к тому, что внутри имперского порядка всегда сидела его смерть.

Но в изменённом виде империя с азиатским фасадом возрождалась после петровских, большевистских и постбольшевистских потрясений. И причина тут чисто русская. Просто одних русских очень вдохновляет перспектива собственной свободы (анархизм) и неограниченной власти над другими (авторитаризм). Одна часть русских получала возможность быть действительно русскими за счёт другой, большей, которую использовали как инструмент и полноценно русскими быть не давали, то есть не давали возможности реализовывать свой менталитет.

Жизнь в мире личностей и отношений, а не в мире правил специфически влияет на отношение русских к нарушителям этих правил. Иногда к ним чрезмерно терпимы. Но нередко кто-то где-то (или во всей стране на определённый период) пытается «навести порядок», заменить благодушничание и чужой произвол «правилами», также являющимися плодом чьего-либо индивидуального или группового произвола. Тогда воцаряются относительно строгий порядок, соблюдение правил и «хождение по струнке», но только на определённое время. В случае уничтожения диктата личности или группы всё это может легко исчезнуть.

Когда русские протестуют против произвола и (или) отсутствия порядка – наш протест обоснован. Но есть ещё (а раньше особенно процветал) и протест против

«косности» и «отживших условностей». Это при том, что опутывающих человека правил у русских было меньше, чем у других народов. Этот протест объясняет только наличие чрезмерного свободолюбия, переходящего в анархизм и нарушение чужих прав.

Есть мнение, что в появлении различных «свободолюбивых» течений Россия обогнала Запад, взять хотя бы наших нигилистов или «толерантность и политкорректность» ко всякого рода меньшинствам в 1920-е годы.

***

В каких условиях сформировался русский национальный характер? Ответом на какие вызовы он стал? Прежде всего на нестабильность, изменчивость и разнообразие – разнообразие природного ландшафта, непохожесть друг на друга окружающих народов, врагов и союзников, их периодическая смена, изменчивость политической, геополитической и экономической ситуации, что иллюстрируется древней пословицей: «Рать стоит до мира, а мир – до рати». Иными словами, длительные периоды военной опасности могли сменяться также относительно длинными периодами спокойствия, тогда как у других народов последовательно преобладало что-то одно.

Ситуация не только менялась постоянно, но для разных групп русских менялась по-разному. От различных русских людей и в разное время требовалось очень разное поведение.

История готовила русского человека к непостоянству, которое также непостоянно и готово смениться периодом стабильности.

***

О русской покорности

Покорны и жители Востока, и жители Запада. Над ними тяготеют всевозможные обычаи, законы стандарты и принципы. То, чему покоряются западные и восточные люди, они считают верным и законным, какими бы чудовищными, нелепыми и вредными ни были эти принципы.

Русский человек слишком часто покоряется тому, что не считает ни верным, ни законным. Пусть даже это неверное и незаконное не так уж чудовищно и жутко. Русский человек покоряется тому, что не приемлет, потому, что иначе «будет ещё хуже» или хоть какой-то порядок сменится развалом и хаосом. Но это понимание и покорность всё же не позволяют русскому искренне смириться с тем, чему он «логически» или вынужденно покоряется.

В Европе революции происходили, когда представления властей о мире, и своём месте в нём переставали соответствовать изменившейся реальности. На Востоке революции происходили тогда, когда власти нарушали правила и устои.

В России революции происходят в тот момент, когда власть недостаточно доминантна и недостаточно подавляет нижестоящих. Это признак слабости. Власть не считается с нижестоящими, когда сильна и доминантна. (О феномене так называемой «русской власти» писал историк Фурсов.) Когда власть не подавляет — перестают считаться с ней, пусть даже она компетентна и проводит необходимые мероприятия.

Талантливый правитель Борис Годунов недостаточно «возвышался» над другими боярами, за что и был уничтожен ими. В отмене крепостного права тоже почувствовали слабость, хотя в целом это было нужно и полезно. Сначала был убит государь-освободитель Александр II. А через несколько десятилетий пало са-

модержавие. Генсек Брежнев уже никого не пугал, поэтому вскоре после его смерти началась перестройка... Ельцин и Путин держались за счет того, что оседлали и возглавили процесс всеобщего растаскивания – процесс самоликвидации государства. Плюс Путин имитировал некоторую «грозность». В условиях всеобщей слабости и трусости имитация неплохо работала, но сейчас ВВП уже раскусили. Сильные мира сего ничего не опасаются. Вот и гадают политологи, кто президента «съест»...

К вопросу о том, почему многие русские «сильные мира сего» так куражатся над более слабыми: они знают, что слабые, если что, сожрут и не поперхнутся.

Специфическая русская покорность – не часть ментального ядра, а элемент периферии, сформировавшийся под воздействием государства и политической эволюции общества. Именно к периферии относятся многие качества, традиционно приписываемые современным русским, например слабая склонность к общественной активности и самоорганизации. Такие черты национального поведения появились под давлением государства сравнительно недавно.

Точно так же неприятие русскими пафоса и риторических красот – это следствие разочарования в само разрушающемся государстве.

***

Особую специфику имеет и появление цветистой, развитой и популярной русской криминальной субкультуры. С одной стороны, сыграли традиции внегосударственных свободных полисов, таких как казачьи общины.

С другой – в конце XIX – первой половине XX века очень многие русские усвоили уже «государственный» взгляд на жизнь: почетно жить за счет обычных людей.

ничего им взамен не давая, так же как и представители «правительственного начала».

***

Внеличные социальные регуляторы – важнейшая часть любой культуры. При их слабости обществу существовать весьма трудно. И достойно удивления, как Россия и русский народ просуществовали более тысячи лет, причём с блеском и огромными достижениями.

Основное объяснение этому – среди русских раньше было много сильных людей (в самых разных смыслах этого слова): сильных и физически, и интеллектуально, людей с большими способностями к чему-либо – от военного дела и политики до симфонической музыки. Благодаря сильному личностному, индивидуальному началу русские отличались повышенной личностной одарённостью по сравнению с более организованными и «правильными» соседями и соперниками.

И не только. Слабость правил и стандартов имели и свою положительную сторону. В сочетании с повышенными интеллектуальными, волевыми и физическими данными это помогало давать самый верный и адекватный ответ на возникающие вызовы, ответ, продиктованный необходимостью, а не предрассудками и шаблонами или недостатком способностей, и поэтому зачастую гораздо более действенный.

Умение «действовать по обстоятельствам» очень способствовало, например, феноменальным военным успехам русских. Оно позволяло им достойно выходить из ситуаций, в которых более «правильные» римляне или поздние европейцы неминуемо были бы уничтожены.

Поэтому долгое время русские достойно справлялись с трудностями, в том числе и с теми, которые наши предки создали сами для себя.

Вспомним банальные рассуждения о традиционной русской сообразительности и смекалке, не скованные лекалами и шаблонами.

Или взять заимствование принципов деспотического государства. В русской политической традиции его не было, но деспотия соответствовала геополитическим интересам – и она появилась.

Плюс к этому – очень многие русские имеют не слишком русский менталитет. Они традиционны, рациональны, склонны следовать правилам и не склонны нарушать чужие права. Такие русские очень способствовали сохранению стабильности и закреплению успехов.

Уже упомянутый Игорь Васильев верно писал в своей статье об огромной роли русской культуры в ограничении негативных сторон менталитета. Особенно это касается православия. И пока культура (в особенности традиционная, народная) была сильна, на пути индивидуализма и произвола стояла пусть и не идеальная, но достаточно действенная система защиты. Взять хотя бы воспетые славянофилами и почвенниками идеалы крестьянского мира. Они не всегда реализовывались в полной мере на практике, но и не были пустым звуком.

Русский человек не жил в мире бескомпромиссных догм, которые он был обязан выполнять в обязательном порядке. Но культура заключала его свободу в рамки, внутри которых существовали разные варианты выбора. Но за рамки выходить было нельзя: есть такие выражения, как «видеть берега», «не видеть берегов».

В рамках традиционной русской культуры русский человек как носитель определённого менталитета мог минимизировать конфликты и достаточно эффективно взаимодействовать с соотечественниками.

Соборность, коллективизм, общинность, которыми так восхищались консерваторы и народники, были ценностями культуры. А такие ценности часто не вытека-

ют из менталитета, но противостоят ему. Ценностями культуры нередко становится то, чего нелегко достичь. Об этом весьма тонко написал еще Фридрих Ницше.

Американский индивидуализм – такая же ценность культуры, как и русский коллективизм. И реализовывать на практике этот принцип зачастую нелегко. В быту американец гораздо менее свободен и зависим от мнения окружающих, чем русский, и от соседей, которые бдительно за ним надзирают, и от принципов политкорректности, и от чего угодно.

Американское общество, в отличие от русского, тяготеет не к анархии, а к технократическому фашизму, в чём-то сходному с муравейником, где человек – всего лишь производственная функция. От окончательной фашизации США спасают культурные герои-индивидуалисты, ярко выраженные свобододолюбцы, такие как Сноуден.

Такие индивидуалисты в Америке относительно редки, но очень важны для сохранения стабильности культуры, избавления её от перекосов, так же как для русской культуры важны коллективисты и альтруисты.

Неудивительно, что в старину немалое количество представителей нерусских народов делали выбор в пользу русской национальной идентичности. Можно было более свободно выразить свою индивидуальность и реализовать заложенный потенциал и одновременно быть защищённым традициями и правилами, особенно когда речь идёт о представителях «продвинутых» социальных групп (аристократов, интеллектуалов, предпринимателей). Такой выбор был нередок как среди представителей европейских, так и восточных народов.

***

Немного о русском способе управления, так называемой русификации. На деле это совсем не пропаганда

и не навязывание русского языка и культуры. Её могло и не быть. И этноязыковое обрусение происходило почти всегда добровольно. И вообще, русификации по большей части подвергались сами русские и в большей степени восточные славяне.

На практике русификация представляла из себя копирование социально-государственного устройства, принятого в России, чёткое деления народа или какого-либо социального организма на две части – на некое великое и могущественное «правительственное начало» и бесправную и ничтожную массу. Хотя если речь идёт о нерусских, то эта масса унижалась и подавлялась гораздо меньше, чем русская. Нередко после вхождения в империю её положение даже улучшалось.

Но в любом случае вбивался клин между правительственным началом и основной массой. Отчуждение доводилось до максимального уровня. Местное правительственное начало интегрировалось в общероссийское и получало неограниченные права, в том числе и по отношению к простым русским. Социальное тело оказывалось расколотым и управляемым тем же общероссийским правительственным началом.

Лучше всего это проходило и проходит с собственно русскими социально-профессиональными общностями, такими как церковь или армия, что сделало их подконтрольными государству. Дореволюционная интеллигенция сопротивлялась такой русификации относительно успешно.

Также достаточно успешно эта модель работала с восточными славянами. До революции подавляющее большинство привилегированных малороссов однозначно ощущали себя русскими, и если бы не революция и австро-венгерская Галичина, то особый украинский народ мог бы и не сложиться до сих пор. Многие неславянские народы были гораздо устойчивее к русификации и принимали её лишь частично.

Наиболее наглядное проявление русификации – большевизм, возникший тогда, когда носители власти пытались разбить любое более или менее жизнеспособное социальное тело, включая отдельную семью.

Интересен пример того, как поступили с крестьянством. Оно долгое время оставалось «внесистемным» по отношению к остальному обществу. Значительная часть его жизни оставалась вне государственного законодательства, было вписано, скорее, в природные ритмы, чем в социальную среду. Оно служило постоянным источником напряжённости, неподконтрольности. В первой половине XX столетия «правительственное начало» решило с крестьянством покончить, по крайней мере в прежнем его виде.

Первым вариантом была столыпинская реформа, которая планировала выделение самой «модернизированной» части крестьянства во внутрикрестьянское правительственное начало, а также изъятие значительной части крестьян из густонаселенных регионов и в массе переселенных в города. Это был традиционный вариант «русификации» с сохранением русифицированного крестьянства.

Однако реализован был другой вариант ликвидации (русификации) – колхозный, с лишением крестьянства внутренней структуры и какой-либо субъектности. Оно становилось полностью подконтрольным непосредственно государству, в то время как с национальными меньшинствами государство поступило куда более традиционно, сохранив их внутреннюю структуру и субъектность.

***

В чём истоки европейской и не только европейской русофобии? Есть и конкретные геополитические мотивы: сильная страна с чрезмерными ресурсами, опасно нависающая с востока, и ресурсами не делящаяся.

И отторжением было то, что европейцы-русские живут в азиатском государстве и что трудности жизни в нём могут гипотетически угрожать и им.

Но прежде всего – неприятие рационализированными индивидуалистами индивидуалистов иррациональных. Европейцы видят в русских отнюдь не чужаков, а самих себя, но в более откровенном, не отлакированном виде. Они видят то, что скрывают от себя и друг от друга. Они видят то, что есть и никуда не денется, но о чём хотелось бы забыть.

Большое значение играла и играет зависть к русским, совмещённая с ценностным неприятием наших успехов. Считалось и считается, что люди, не опирающиеся на внеличностные принципы социальной регуляции, должны были потерпеть фиаско ещё в древности и исчезнуть без следа. Поэтому достижения русских воспринимались и воспринимаются и западными, и восточными людьми как «дурной пример», могущий подорвать принципы и устои «своего» общества.

Отношение европейцев к России достаточно точно передаёт образ русской женщины из рассказа Сомерсета Моэма «Нил Макдам», женщины в высшей степени свободной и непредсказуемой, умной, сильной и талантливой, и – пугающей.

Из-за слабости внеличностных социальных регуляторов в истории России гораздо резче проявляются многие явления общеевропейской истории. К примеру, в Европе появились коммунисты, а в России произошла Октябрьская революция.

Произошёл распад СССР. Его крайне наивно объявили триумфом западной цивилизации. На деле это был первый серьёзный признак скорого крушения всей европейской цивилизации, резкого ослабления западного человека. По причине слабости внеличностных социальных регуляторов слабость западной цивилизации в России проявилась гораздо резче и раньше.

Есть и ещё один момент, за который некоторую часть русских не любят и не уважают как другие русские, так и нерусские: за специфическое русское лицемерие. Лицемерие и лживость – неотъемлемый признак разумного существа, но у разных представителей рода гомо сапиенс они разные. Как и все люди, русские много лгали и лицемерили, чаще всего – перед другими и ради очевидной выгоды, как и все люди.

Но определённая часть русских, хотя и их меньшая часть, активно занимается самообманом. Существует зачастую искренняя приверженность к неким парадным ценностям, которые, несмотря на свою значимость и статусность, на жизненную практику никак не влияют. Её зачастую определяют диаметрально противоположные установки, нередко бурно и искренне отрицаемые. Русских людей с такими установками А. А. Зиновьев назвал «ибанцами».

Причина появления таких нежизненных и абстрактных установок, навязчивое их педалирование происходит от попытки найти «общий знаменатель» для слишком разных людей со слишком разным восприятием мира.

Сам приход к власти коммунистов оказался возможным благодаря тому, что идеалы и ценностные установки были слишком уж далеки от бытовой реальности и бытового поведения.

Таких русских, которых достаточно много, презируют как соплеменники, не занимающиеся самообманом, так и иноплеменники, одновременно во всю используя комплексы «самообманщиков» в своих целях. Взять хотя бы полуискреннюю любовь многих русских к «державности». Она позволяет манипулировать ими политикам определённого сорта. Но даже эти манипулируемые не станут ничего предпринимать ради спасения любимой державы. Современные русские склонны чрезмерно делать акценты на своей единственности и

неповторимости и дарить себе свободу от «моральных оков». При этом они ожидают от всех других скрупулезного соблюдения всех правил и установлений, навивно полагая, что другие чем-то от них отличаются...

***

Помогло бы нам то, если бы мы имели другую историю – без деспотической империи? Альтернативой является судьба родственного народа – поляков, которых вместо имперского бремени подавляло иностранное господство, но которые от борьбы с ним многое приобрели и многое потеряли, например возможность построить мировую империю вместо русских. Этого они нам до сих пор не могут простить. Или, скажем, судьба крайне вольнолюбивых ирландцев, которых на три четверти вырезали и уморили голодом, а потом ещё половину из них изгнали с родной земли.

Такой вариант предпочтительнее реальному?

Либералы советуют вступить России на «европейский путь развития». Но Россия никогда с него по-настоящему и не сходила, несмотря на азиатское государственное устройство и иррациональность. Русские всегда приходили к тому же, что и западноевропейцы, только другим путем.

Когда страны Европы переживали экономический и культурный подъём – Россия тоже его переживала, может, лишь с небольшим опозданием. Когда Европа вступила в фазу деградации, то в эту фазу вступила и Россия. Со времён падения СССР прослеживается системное разложение России и русских. Но русские не стали от этого ни ближе к западноевропейцам, ни дальше от них.

Но одно верно: дальше русские уже не могут жить по-прежнему, сохраняя прежний менталитет, прежде всего, потому, что ослабел и испортился человеческий

материал вследствие репрессий и военных потерь в среде сильных и выживания и социального роста заведомо слабых; вследствие развития советской медицины, позднего партийного выдвигенчества с «отрицательным отбором» и пр. Русские больше не могут выдерживать прежних нагрузок. Потерявшие былую «личную силу» русские теперь мало способны на масштабное историческое творчество.

Приход к власти большевиков стал переломным в судьбе русских. Большевики разрушили низовые, потенциально претендующие на независимость и господство общины, а вместе с ними и мелкие коллективы выживания. (Общины – идейно-социальные группы, коллективы выживания – сельские миры, семьи – элементарные ячейки.) Большевики хотели сделать из русских полностью лояльных конформистов и объединить их в единой «общине» советских граждан. (Обычные люди – низшая часть общины, которая теперь едина.) Так они хотели в корне изменить русский менталитет.

Но одновременно сами большевики оказались чрезмерно свободолюбивыми. Они сильно ослабили «удерживающего» – традиционную русскую культуру.

Русские остались теми же русскими, но без духовных ориентиров и ограничителей, которые ранее базировались на общинах и коллективах выживания.

Сама советская элита (политическая, культурная и пр.) сама не пожелала объединяться со всеми остальными. Она сохранила свои «города-государства». «Остальные» оказались разгромленными и лишёнными самоорганизации. «Простые русские» никуда не влились. Они просто оказались атомизированными безродными чужаками и маргиналами, с которыми и обращаются соответственно.

Но и сохранившаяся «община господ» деградирует. Господа, лишившись подпирающих с низу конкурентов, стали стремиться к анархической свободе и все-

дозволенности, разрушать «вертикаль власти» в собственном сообществе и, таким образом, само российское государство. Этим во многом и обусловлены крушение СССР и вся эволюция нашей постсоветской жизни.

Трагичность ситуации заключается во многом в том, что российская государственность после вековой борьбы наконец-то воспитала из русских относительно покорных конформистов: внутренняя оппозиционность и конфликтность сгладились. И тут же государство само стало разваливаться, и ситуация опять требует от русских резкого изменения национального характера.

Наша элита рубит сук, на котором сидит. И собственно русского «преемника» у неё не видно. Начавшаяся с XV столетия эволюция российской деспотии подошла к концу. А русские не творят никакого нового «креатива». Наши соотечественники хотят стабильной и понятной системы, чтобы на века, и чтобы было меньше индивидуализма и произвола, то есть стремятся к смене своей ментальной основы, которая «выработала ресурс».

Сейчас же русский человек «свободен» от традиционных русских же культурных стандартов и теперь может во всю демонстрировать свою неприкрытую индивидуальность. Поэтому русский человек уже и не знает, чего ждать от своего соотечественника, и справедливо не ждёт ничего хорошего. Такая непредсказуемая жизнь среди непредсказуемых и непонятных людей ничем не отличается от жизни в эмиграции – среди представителей другого народа. С иноплеменниками иногда даже проще. Поэтому русские очень часто выбирают иммиграцию, например, на относительно сытый Запад.

Но сомнительно, что в качестве образца надо принять западноевропейцев, ситуация у которых, как известно, не лучше, чем у нас.

Чтобы создать национальное государство эпохи

модерна, нужно иметь «фундамент» в виде «живых» элементов традиционного уклада с рудиментами откровенного феодализма. Именно они нужны, прежде всего, для построения этнической солидарности, твёрдых ориентиров «свой – чужой» и пр. Нужен «живой» коллективизм, который и был в Европе в эпоху создания национальной современной государственности. А где он при нашем постмодерне?

Фактически новый русский народ можно начинать строить только на фундаменте жизнеспособных коллективистских сообществ с мощной солидарностью и системой ориентации «свой – чужой».

Основная суть русскости

Таким образом, основная суть русскости – это следование своим природным наклонностям и задаткам, а не правилам и принципам. Такой подход давал самые разнообразные и не похожие друг на друга результаты, как негативные, так и позитивные.

Как правильно понимать русскость

Как её понимали в Древней Руси. Древние русичи были очень разными: владимирцами, черниговцами, новгородцами и пр. У всех была своя особая идентичность. Отношения между русскими землями, социальными группами внутри земель очень часто оставляли желать лучшего. Только никто никому в русскости не отказывал. Русскими оставались даже традиционные недруги и соперники.

Точно так же и сейчас нужно окончательно оставить попытки определить, кто больше русский, а кто – меньше. Кого-то выписать из русских, кого-то вписать по принципу симпатий или антипатий. Русские – это все русские, включая и представителей тех субкультур, социальных групп, мировоззрений, которые вам не нравятся.

Попытки же устроить какую-то «унификацию» попросту приведут к распаду этноса.

3. Русские и государство

Политическая традиция славянства на примере России и Польши

У славян есть исконная политико-социальная традиция, заключающаяся в автономном существовании достаточно компактных коллективов, которыми управляют аристократы или олигархи. Также определённую роль в этом играют народные массы и некий монарх — предводитель воинской дружины, судья и сакральный лидер. Все эти социальные силы объединены в вече — собрание всех полноправных мужчин.

Эти коллективы враждуют друг с другом, внутри них идёт постоянная борьба группировок и партий.

Такие коллективы весьма напоминают архаичные греческие полисы и кельтские «племена», последние даже в большей степени. Также традиционная социальная организация славян весьма сходна с таковой у ранних индоевропейцев. В науке за такими коллективами закрепилось византийское название «славиния».

Именно с такой социальной организацией славяне вышли на большую политическую сцену. Если бы это произошло в период Античности, то славяне и продолжили бы свой исконный вектор развития. Племена развились бы в города-государства, вполне самостоятельные, независимые друг от друга, с бурной внутриполитической жизнью. И, даже несмотря на все сомнительные достоинства этого пути в реальной истории, славяне зачастую шли именно по нему.

Однако славяне появились на «большой» исторической сцене уже в раннем Средневековье, в период мощных, жёстких и централизованных политических образований, которые жестоко расправлялись со всем слабым, мелким и раздробленным. Это была и Византия, и германские государства, и орды кочевников.

И полисная организация воинственных и пассионарных славян была бессильна перед ними. Славян били и подчиняли себе германцы – готы и кочевники-авары. Византийцев славяне очень часто побеждали. Они заселили весь Балканский полуостров, вплоть до острова Крит и Малой Азии. Но за 200 лет (с VII по IX столетия н. э.) они были подчинены Византийской империи и фактически превратились в греков. Эти славяне жили мелкими самоуправляемыми коллективами – «славиниями».

Но в целом славяне того времени были очень сильны. Не только телом и духом, но и разумом. Они оказались восприимчивыми к политическим ноу-хау сильных соседей. Сначала подчинившиеся Аварскому каганату, они сыграли очень важную роль в его разгроме и уничтожении. При этом славянские народы немало переняли из его организационных основ. Например, высшим после короля должностным лицом Хорватского королевства стал бан (первоначально боян). Эта должность имела аварское происхождение.

Северобалканские славяне относительно безболезненно приняли господство тюркских кочевников болгар под предводительством хана Аспаруха. Появление тюрков с их централизованной военно-политической организацией оказалось для славян крайне полезным. Это помогло им отразить натиск Византии, оформиться как единый народ.

В то же время чехи, живущие поблизости от германцев, очень много заимствовали у них в своей политической организации. Чехия рано вошла в орбиту европейской (в узком смысле слова) политической и культурной жизни.

На территории будущей Киевской Руси к власти пришёл полиэтничный воинский союз русов, представлявший «северную», дружинную форму военно-политической организации, характерную для герман-

цев и прибалтийских славян. Он стал контролировать днепровский путь в Византию и Волго-Балтийский путь в арабский халифат. Русы совместно с местными славянами никому не дали захватить эти очень важные торговые пути и способствовали утверждению на этой территории собственной цивилизации и государственности.

Воинская организация русов «нависала» над славянскими протополисами – «славиниями». Князь Владимир Святославич, унаследовавший от отца мощнейшую военную машину, попытался славинии фактически ликвидировать и создать военно-деспотическое государство. Об этом свидетельствует установленное археологами разрушение многих славянских политических центров и появление на территориях славиний «государственных» крепостей. Всё это сопровождалось принятием Русью христианства.

Но уже после смерти сына Владимира – Ярослава Мудрого – Русь постепенно вернулась к исконно славянским политическим традициям, превратившись в конгломерат городов-государств, независимых и самодостаточных. Им была присуща высокая культура, экономическое развитие и военная мощь. Отдельные русские земли вели достаточно успешные войны с сильными соседними государствами, например Галицко-Волынская земля – с польскими княжествами, Новгородская земля – со скандинавскими странами и военно-рыцарскими орденами. Дело в том, что до XIII века они не сталкивались с достаточно сильными «имперскими» противниками.

Княжеская власть на Руси не была слишком сильной. Князья делили власть с народным собранием – вечем и аристократическими группировками. Фактически это были усовершенствованные, укрепленные, развившиеся славинии на новом этапе развития – славинии, ставшие городами-государствами и немало усвоившие

из политической и социальной практики империй и королевств.

Но и они оказались беспомощными против крупных, мощных, жёстко структурированных политических образований, таких как татаро-монгольская Орда и Великое княжество Литовское. Русские это поняли.

В XIV–XV веках они построили Московское государство по лекалам золотой Орды и Османской империи. Оно стало самым мощным из славянских государств, и самым неславянским. Наиболее славянская социальная система попыталась уйти от самой себя. Огромную роль в необходимости возникновения Московского централизованного государства сыграла постоянная военная угроза, исходящая от Крымского ханства, находившегося под покровительством Турции, а также военное давление Великого Княжества Литовского, а позднее Речи Посполитой.

Это государство позволило одолеть поляков в конкурентной борьбе за лидерство в славянском мире, выдержать и отразить натиск германцев на восток, разгромить и подчинить степных кочевников и, наконец, создать одну из величайших в истории человечества империй с небывалыми военно-политическими, культурными и техническими достижениями. Неславянской государственности русских человечество обязано за высокую культуру Золотого и Серебряного века, победу над Гитлером и первый полёт человека в космос.

Но всё это имело (и имеет) чернейшую оборотную сторону. Под государственным панцирем продолжали существовать всё те же славинии, независимые и зачастую враждебные друг другу. Они были и классическими (территориальными), такими как казачьи войска, и социальными, сосуществующими на одной и той же территории, такими как разные сословия, партии, политические группировки. С XVIII века и по настоящее время русский народ отличается крайней раздро-

бленностью, разнообразием, отсутствием внутреннего единства. Русские вообще мало похожи друг на друга. И внутренние противоречия между ними слишком часто более остры, чем у тех же русских с представителями других народов. Русский народ фактически пошёл по древнему славянскому пути, когда, расселяясь на разных территориях, славяне основывали совершенно новые славинии, независимые от метропольных. Такое разделение происходило у русских, скорее, не в пространственном (хотя и в нём тоже), а в социальном и временном ключе. Постоянно появлявшиеся новые социальные группы и идеологические генерации всегда подчёркивали свою независимость и были враждебны другим, тем более что разделение народа поощрялось государством: разделённый, он был более зависимым и управляемым.

К тому же деспотическое, централистское, радикально неславянское государство осталось навсегда чуждым русским. Исторически оно было крайне жестоко к народу и осмысляло себя едва ли не как внешняя сила по отношению к конгломерату славиний. Эдакая «внутренняя Золотая Орда».

История Российского государства – это история жестокой борьбы тяготившего к независимости и самоуправлению народа с государственным деспотизмом. И при советской власти народ был окончательно побеждён. Причина этого – конгломерат славиний не мог самостоятельно выжить без империи. Без неё он сразу стал бы добычей сильных и организованных внешних сил. Поэтому коммунистами жизнеспособные «славинии» в среде русского народа были фактически уничтожены. (Антисоветские силы времён Гражданской войны фактически были ополчением «славиний», большевики – имперским началом.) И по сей день русские лишены какой-либо реальной национальной самоорганизации.

Должен ли был русский народ реализовать свою историческую судьбу как-то по-другому? Неизвестно. Альтернативой империи могло стать только национальное порабощение. Отдельные славинии были беззащитны.

Переход от славиний к централизованной государственности у лехитских племён (будущих поляков) произошёл за счёт «собственных ресурсов». Они жили в достаточно отдалённых местностях Центральной Европы, до которых не добрались сильнейшие державы региона. Свою роль в сплочении будущих поляков играла и немецкая угроза с Запада.

Правление первых объединивших Польшу Пястов, таких как Мешко I и Болеслав Храбрый, напоминало централизованную воинственную «диктатуру» русских князей Святослава Игоревича и Владимира Святославича. Она была весьма воинственна и деспотична, при ней активно занимались экспортом рабов. Эта власть также произвела организованное принятие христианства. От такой государственной системы изрядно страдали очень многие, что привело к языческому восстанию 30-х годов XI века. К середине столетия христианская государственность восстановилась уже в более либеральном виде.

В XII–XIV столетиях в Польше утверждается земельная раздробленность и партикуляризм, также сходный с аналогичным процессом на Руси: независимость отдельных земель, большое влияние веча. Однако в Польше в гораздо большей степени развиты сословия: духовенство, аристократия (рыцарство), горожане (мещане) и крестьянство. Такое социальное деление гораздо ближе к западноевропейскому.

Польская государственность начала свой рост в первой половине XIV столетия, раньше, чем Россия. Это дало Польше фору в активной политической экспансии в подчинении Галицкой земли. Польша оказалась вы-

годным партнёром для объединения Великого княжества Литовского. Объединительным процессам в значительной мере способствовала необходимость борьбы с агрессивными восточногерманскими землями, и прежде всего с Тевтонским орденом (1).

В течение XV–XVI столетий во вновь образованном польско-литовском государстве Речь Посполитая происходит специфическая социокультурная мутация. Крупнейшее восточноевропейское государство организуется на манер традиционной славинии. Власть короля резко слабеет и переходит к сословным выборным органам шляхты – бывшего рыцарства. Местные сословные аналоги веча – сеймы – посылали своих представителей в столицу на «вальный», общегосударственный сейм, который фактически управлял государством совместно с теряющим власть королём и верхней палатой – сенатом.

Почему в стране произошло резкое ослабление королевской власти и возникла сословная диктатура шляхты, совмещённая с внутрисословной демократией? С одной стороны, быстро пресеклась династическая ветвь Пястов – наследственных королей Польши, которые были иностранцами (Людовик Венгерский, Ягайло, Стефан Баторий и др.). С другой – шляхетское сословие было самым монолитным, организованным и сплочённым. Шляхтичи имели самую мощную систему неформальных связей, соседско-родственных, гербовых объединений и пр., что и позволила им одолеть горожан, крестьян и короля.

К тому же Тевтонский орден и восточногерманские земли были хоть и воинственны, но не крупны и не располагали достаточными ресурсами, чтобы противостоять крупному государству, пусть и несколько рыхлому.

Система шляхетского правления была чрезвычайно близка славянским вечевым традициям: например решения сеймовых собраний должны были приниматься единогласно.

В период своего расцвета Речь Посполитая пыталась противостоять Габсбургам и московским царям в борьбе за господство в Восточной Европе стать оплотом всей Европы против Османской империи. Ещё в XVII веке Речь Посполитая считалась надеждой порабождённых турками славян.

Однако ей не хватало последовательной и целеустремлённой государственной политики. Важнейшей причиной этого было отсутствие жёсткой центральной монархической власти (2). Это отсутствие мешало и росту промышленности, и укреплению системы образования.

В XVII столетии произошло разделение шляхты на магнатов и стремительно нищающие низы. Общее мнение сословия было заменено на мнение отдельных личностей, враждебных друг другу. Государство стало неуправляемым. Похожие процессы произошли в Великом Новгороде в XV столетии накануне поглощения его Москвой.

Речь Посполитую уничтожили внутренние распри элиты. Её представители окончательно принесли интересы государства и нации в жертву своим собственным интересам. Ещё совсем недавно личные права шляхтича работали на единство и активность державы. Государство поддерживало шляхтича, а шляхтич – государство. И вот значение индивидуальных прав быстро перешло в свою противоположность. Государство было принесено им в жертву. Также магнаты принесли в жертву права практически всего польского народа ради собственных интересов. В XVIII столетии крупнейшие польские политики и даже короли были фактически агентами иностранных держав.

Разделившаяся изнутри, не могущая разрешить межнациональные противоречия Речь Посполитая закономерно стала жертвой сильных соседей (3), имеющих мощную, единую государственную машину. Од-

ним из таких соседей была Россия. Даже героическая борьба патриотов в конце XVIII века не смогла спасти Польшу (4).

Внутренние распри, предательство, поглощение сильными империями – таков характерный облик конца славянских республик. Очень похожим был облик Новгорода перед тем, когда тот был присоединён к Московскому княжеству.

Однако после гибели своего государства польский народ продолжал оставаться вполне жизнеспособным. Он крепко вцепился в свою национальную идентичность. Католическая вера поляков ещё больше окрепла.

Была длительная борьба за освобождение (например, польские восстания XIX столетия). Продолжала развиваться национальная культура (5).

Постепенно к XX веку поляки стали классическим восточноевропейским народом, а возрождённая Польша – восточноевропейской страной.

Восточноевропейские народы (и не только славянские) практически все пережили века национального угнетения и жестокой военной конфронтации, как, например, сербы, и века интеллектуальной и культурной борьбы, как, например, чехи.

Поэтому для восточноевропейцев особенно значима их национальная и зачастую религиозная идентичность. Они не столь зажиточны, как жители Западной Европы и США. Но всё же в восточноевропейских странах создан достойный уровень развития экономики (хотя нередко за счёт своих граждан, работающих за рубежом). При этом восточноевропейские народы демонстрируют гораздо большую степень жизнеспособности и национальной мобилизации, чем их соседи на западе и на востоке. Например, в начале XX века польский народ проявил высокую степень организованности и единства во время знаменитого похода Гухачевского на Варшаву. (Как ни цинично это звучит,

но национальный гнёт, не переходящий определённые границы, и борьба против него «тренируют» нацию, способствуют её сохранению, тогда как подвиги имперского строительства, наоборот, истощают).

Такова и Польша. Польский политический режим первой половины XX столетия, персонифицированный в маршале Пилсудском, имеет немалое сходство с венгерским режимом адмирала Хорти и румынским маршалом Антонеску. Это был период восточноевропейского национал-авторитаризма.

Потом – гитлеровская оккупация и членство в Варшавском договоре. Во всей восточной Европе существовали режимы разной степени просоветскости.

Крушение советской системы – появление в Восточной Европе национал-демократических режимов, которые строятся в соответствии с моделями западной демократии, но при этом они гораздо более национально ориентированы. Зачастую в Восточной Европе открыто не считаются с установками западной политкорректности (те же марши бывших эсэсовцев). При этом реальной демократии и народовластия на Востоке Европы гораздо больше, чем на Западе.

Находят немало общего между такими политиками, как братья Качиньские в Польше, Босеску в Румынии, Урбан в Венгрии. Всех их порой сравнивают с А. Г. Лукашенко.

Во многом лояльность «большого» Запада к восточноевропейской специфике объясняется существованием российского «пугала», традицией так называемого «санитарного кордона» между Россией и Западом. И в случае краха России Запад может резко поменять свою политику в отношении к «восточным братьям».

Существует мнение, что именно Восточная Европа (и вместе с ней Польша) может стать последним оплотом европейскости и христианства в свете последних тенденций в сфере демографии и миграции. Например,

в Польше относительно низкое количество мигрантов из стран Азии и Африки, высок уровень христианизации общества.

На примере России и Польши можно увидеть плюсы и минусы «неславянской» и «славянской» государственной организации у славян.

Россия, пойдя по последовательно «неславянскому» пути, добилась невиданных успехов в государственном строительстве, созидании великой империи и культуры. Но при этом сильно пострадала способность русских к этнической самоорганизации, к развитию дееспособного гражданского общества.

Польша пошла по «славянскому» пути. Ее «имперский проект» провалился, суверенная государственность была уничтожена. Но при этом сохранилась и окрепла система этнической самоорганизации, гражданского общества, что позволило воссоздать национальную государственность и отстаивать свою самобытность в условиях глобализации.

Близкая к России Украина также сохранила славянскую специфику национальной самоорганизации. Государство на Украине было слабым и нестабильным. Основой общества являлась самоорганизация свободных украинцев. Поэтому на определённом этапе развития украинцы находились в подчинении то польского, то русского государства. Но теперь украинцы выглядят весьма достойно на фоне удушенных собственной империей русских. То, что украинцы выстоят в условиях исламской экспансии, гораздо более вероятно.

В настоящее время реально действующих государств, основанных на исконно славянских традициях, не существует. Современные славянские государства организованы на других, гораздо более современных началах. Однако память о самоуправляющихся «славениях» окончательно не ушла. Она сохранилась в ментальных образах, влияющих на актуальное восприятие мира.

«Память о славиниях» влияет даже на составление программ политических преобразований. Например, некоторые русские политические мыслители выступают за децентрализацию РФ, уравнивание «русских» регионов с национальными автономиями, урезание полномочий федерального центра, перевод армии на территориальный милиционный принцип комплектования и пр.

Примечания

1. История Польши. М., 2004. С. 19–150.
2. История Польши. М., 2004. С. 151–219.; Малов А. В. Русско-польская война 1654 – 1667 гг. М., 2006. С. 20–27.
3. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 9–15.
4. История Польши. М., 2004. С. 249–306.
5. Тананаева Л. И. Три лика польского модерна. Спб., 2006. С. 204–206.

Причины появления русского централизованного государства

1. Традиции киевского единогодержавия.
2. Тюркомусульманское влияние (Золотая Орда, Турция).
3. Традиция китайского легизма. Передана через посредство Золотой Орды как «пример эффективного менеджмента».
4. Европейские традиции сильной ренессансной государственности.
5. Византийская традиция (исключительно в декоративном плане).
6. Главная практическая причина – необходимость обороны засечных черт.

Русские – белые арабы?

Шаблонным риторическим приёмом является рассуждение о смешении западных и восточных черт в менталитете русских. Отчасти это так. Только вот за какие социальные сферы отвечают элементы менталитета?

В общем и целом в русском менталитете нет ничего восточного: ни сильного коллективизма, ни традиционализма. И почитание старших, и почитание мужчин даже в традиционный период у русских в целом было умеренно европейским.

Восточным у русских являются только политический сегмент ментальности, представления о социальной иерархии.

При этом Восток – понятие уж очень широкое. И всё там очень по-разному: конкретно русские представления о власти близки к арабо-исламским с одиночным, но важным элементом из китайского легизма – абсолютизацией светской, государственной власти. Именно из-за всего этого русских и называют «белыми арабами».

Власть и социальная иерархия у русских жестка и авторитарна, но хрупка и постоянно находится под угрозой, потому что испытывает постоянный дефицит легитимности. Очень многие так и ждут, когда «Акела промахнётся».

Раздаются голоса о якобы «кастовом строе» у древних русичей, что в принципе является полной ерундой. Это особенно наглядно демонстрирует традиционно сравнительно низкий статус русского духовенства.

Единственной действительно «высшей кастой», реально возвышающейся над общей массой свободных людей, был правящий род. Сначала – княжеский, потом царский, императорский. Потом – особа верховного правителя СССР и РФ. В Древней Руси монарх

реально часто не имел много реальной власти, но обладал полноценным статусом сакральной фигуры. Вот поэтому членов династии Рюриковичей ни на каких местных бояр не меняли...

Остальная сложная и разветвлённая социальная иерархия не имела полноценной легитимности. В Древней и Московской Руси регулярно «били бояр». В Российской империи по возможности убивали и грабили дворян, вплоть до их истребления большевиками. Об отношении к православному клиру как со стороны «народа», так и «начальства» и говорить не приходится. Сходным было и остаётся положение разбогатевших предпринимателей.

Уже вполне служилые казаки в Российской империи постоянно хамили «барам» и «начальникам», от которых непосредственно не зависели. Это демонстративное неуважение имело во многом ритуальный характер и было составной частью казачьего статуса.

Представителей различных элит, как и представителей других «квазисубэтносов», часто считали чужаками и чуть ли не инородцами.

Также вели себя и представители элит: крайне грубо, надменно, нередко преступно по отношению к нижестоящим, склоняясь к жёсткому доминированию и подавлению.

Поэтому социальный порядок и иерархия, чтобы существовать, должны были быть жёсткими и опираться на силу. Определённое исключение представляла из себя фигура верховного правителя. Те же своевольные казаки её от души почитали. Вся остальная система, наряду с принуждением, держалась на его авторитете, который также не был абсолютным и очень зависел от индивидуальных особенностей царя, генсека, президента. Выхватить на «одном титуле» было невозможно, особенно в глазах элиты. Верховных правителей свергали, убивали. Романовы, например, были выборной

династией. И сомнения в её легитимности по сравнению с «природными» Рюриковичами подспудно сохранялись в среде элиты вплоть до ее свержения, и этому свержению способствовали.

Поэтому такую огромную роль в системе русской власти играли принуждение и авторитаризм и личный авторитет её представителей – иначе стройная и мощная система грозит смениться анархией.

Всё это присутствует и в арабской системе власти и социальных отношений, где иногда даже за искренним поклонением и раболепием скрывается постоянная готовность ударить в спину, что подтверждается недавними событиями в Ливии. Правитель должен доминировать и внушать страх, а не только эффективно управлять. Необходимость этого подтверждает печальная судьба императора Александра II и, возможно, Александра I.

Но у русской и арабской политической традиции есть и серьёзные различия. У русских меньше значимость религии и духовенства, а больше значимость государства, в чём сказывается влияние китайского легизма, принесённого монголо-татарами, а также ренессансной европейской традиции.

К тому же русская политическая система создавалась для обороны, а не для нападения, в отличие от арабской. И почитание верховного правителя имеет более глубокие корни. Поэтому русская государственная система стабильнее и «крепче на излом» в случае внешнего давления. Русские не «кинули» Александра I и Сталина под угрозой более сильного противника, как арабы «кинули» Хусейна и Каддафи.

Но дальнейшая судьба русской системы власти очень сомнительна, прежде всего, потому, что среди всевозможных элит и контрэлит вследствие бюрократического отрицательного отбора слишком мало сильных, умных, харизматичных и авторитетных людей.

Это – прямое следствие страха за своё положение, тем более что при падении советской власти в России не произошло никакой революции и никакого революционного подъёма сильных и харизматичных «кадров».

А без достаточного уровня личных качеств и «личной силы» у представителей элиты русской системе власти придёт неминуемый конец.

Суть великорусской истории

Вся история великорусского государства начиная с конца XV столетия – крайне смелый эксперимент, выходящий за пределы традиций, морали и религии, а зачастую и интересов самого русского народа, и демонстрирующий ум, в высшей степени свободный от любых предрассудков, и железную волю, не считавшуюся ни с чем. Зерно этого было заложено с самого начала, а в большевиках проявилось наиболее ярко и концептуально.

Но уже создателя Российского государства Иоанна III называли царём-антихристом...

Политическая и общественная традиции великорусского государства – это радикальная инновация, полный разрыв с предыдущей общинно-полицейской традицией, которая предусматривала во многом республиканские традиции и независимость общин, разрыв со «старой» моралью и устоями, последовательное следование политической целесообразности, заимствование эффективных, но совершенно чуждых русичам социальных практик.

Социальная необходимость – защита в первую очередь от Великой Степи, во вторую – борьба с восточноевропейскими государствами и необходимость занять геополитическую нишу господина Северной Евразии. пока это не сделали другие и не уничтожили восточных русичей.

Для достижения этих целей они и создали Русское (централизованное) государство, основанное на абсолютно противоестественных для русичей принципах, но зато соответствующее требованиям исторического момента.

Тем самым «начинающие» великороссы продемонстрировали способность целиком опереться на принцип целесообразности, что и стало одной из основных черт нашей ментальности.

Но так поступили далеко не все русские. Многие из них, например казаки и старообрядцы, выбрали верность устоям и традициям. Но и во всех слоях русского общества в той или иной степени сохранялось неприятие государственной деспотии и представление об общинно-полисном идеале, предусматривающем права общины, самоуправление, ограничение произвола начальства. Киевская Русь продолжала жить на ментально уровне, на уровне частных практик, что порождало тотальную нелояльность и нестабильность, вечную «фигу в кармане».

Создание Российского государства для обычных людей было созданием оболочки, под которой они совершенно не хотели меняться. Они хотели жить так, как будто государства нет и по-прежнему существует конгломерат свободных общин времён Киевской Руси, только огороженный живой стеной государства, которому нужно платить дань и изображать преданность.

Всё это обернулось борьбой русского народа с самим собой и фальшью видимой картины общества. Русским людям навязывалось прокрустово ложе, в которое они «укладывались» лишь по видимости, либо бежали из него физически, либо в творчество, науку, изобретения, смелые философские картины, либо в алкоголь.

Такая ситуация была крайне тяжёлой, к ней трудно было приспособиться. Но в процессе приспособления талантливые русские совершили массу подвигов и добились невероятных успехов.

Но естественно, что государство такая ситуация не устраивала. Поэтому русское государство всеми силами стремилось преодолеть русскость.

«Нового человека» стали создавать ещё московские государи: человека-винтика, человека-функцию – орудие, «артикулом предусмотренное». Просто большевики объявили об этом во всеуслышание и добились

наибольшего успеха. Но и сами русские – начальники разных эпох – не смогли убить русских в самих себе, и поэтому копали под основы своего собственного господства, которые оставались им глубоко чуждыми. Это наблюдается и сейчас...

Отсюда жестокость власти, пренебрежение к соотечественникам, коррупция и взаимная злоба, презрение к законам, обычаям, религии.

Поэтому во все эпохи русское государство не любило русских и им не доверяло и считало иностранцев и инородцев гораздо более лояльными, поэтому их и поддерживало. Специфика русского государства со сменой эпох становилась всё рельефнее. Постепенно нарастала и государственная русофобия. Своего апогея она достигла в наше время.

Государственная деспотия в огромной степени способствовала развитию среди русских людей индивидуализма. При деспотизме господствуют вертикальные социальные связи. Индивидуалистом легче управлять, и он сам меньше зависит от окружающих, подчиняясь только начальству. При большевиках «государственный», чиновничий взгляд на людей как на объект эксплуатации проник во все слои общества. Русские стали друг другу чиновниками.

Всё это время русский народ не был единым политическим субъектом, но был организован в соответствии с принципами, унаследованными из Киевской Руси, где политическими субъектами были отдельные общины – земли. На их место пришли социально-идеологические группы русских, которые и были политическими субъектами. Такими группами являлись дворяне, интеллигенты, большевики и пр.

Государственная русофобия, недоверие к русскости, ее принижение, стремление преодолеть национальную сущность стало идеологическим знаменем некоторых русских социально-политических групп,

особенно близких к власти и (или) претендовавших на неё, например либеральной интеллигенции. Русская русофобия была и важным средством поддержания социально-групповых границ реальных политических субъектов. Отсюда появилось, например, и казачье самостийничество.

В настоящее время российская имперская государственность подошла к своему логическому завершению. С одной стороны, она стала абсолютно русофобским и не выполняет свою главную миссию – не ведёт борьбу с агрессией исламского Юга, а, наоборот, ей способствует.

С другой – при большевиках государством была уничтожена самоорганизация русских. Поэтому просто некому подняться и свергнуть деградирующее чиновничество – такой силы нет. И чиновники смогут спокойно добить и государство, и самих себя, и никакая «оппозиция» не сможет их реально заменить.

Скорее всего, всё будет разрушено до основания. И только потом будет дано «новое начало».

Смысл и суть русского государства чётко передаётся высказыванием «Цель оправдывает средства». «Какой кошмар!» – скажете вы. Но будете правы лишь наполовину. Кроме русофобии, издевательств над людьми и отдельным человеком в русском государстве было и другое.

Принцип «Цель оправдывает средства» предопределил огромные, небывалые достижения, невозможные в обычном обществе с тем же уровнем ресурсов и социальной организацией. Кроме бескомпромиссного целеполагания огромную роль сыграла и природная одарённость русских в самых различных областях. Это не только грандиозные военные победы, выход в космос, крупнейшая в мире сухопутная держава, но и русская культура, в которой русские за триста лет сделали больше, чем представители величайших цивилизаций за тысячи лет.

Русского ничто не ограничивало в достижении цели: ни законы, ни традиции, ни сила врагов, ни противодействие природы, ни собственная слабость – ничего, кроме такой же личной воли.

За достижение целей было заплачено непомерно много. Русские не постояли за ценой и добились адекватных результатов.

Суть великорусской истории передаёт отнюдь не мусоленья «берёзок» и «смирения», а чеканные слова Старшей Эдды.

Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но смерти не ведает
Громкая слава
Деяний достойных.

Хорошо прожили свою историческую жизнь великие народы Запада. Но мы добились большего!

Быть может, имя русского народа забудут, но свершения наших предков будут помнить всегда. Их будут приписывать собственным предкам, богам и великанам древности. Руины наших построек будут неумело латать и возводить свои святыни на месте наших строений.

У многих народов есть мифы о древних исполинах, обладавших небывалой силой и мудростью и павших под грузом собственных грехов и гордыни.

Широко известны кавказские мифы о нартах – древнем народе, который согласился на короткую историческую жизнь в обмен на величайшую славу и победы. На практичных и консервативных кавказцев нарты совершенно не похожи. А вот на русских – один в один.

Нынешние великороссы – люди переходные, звено, соединяющее великих предков с чем-то принципиально новым: нечто между римлянами и итальянцами.

Великорусская империя неминуемо уходит из соци-

альной жизни. Ничто не может её спасти. Никакое уважение к «государству» и «империи» уже не способно её сохранить, потому что империю многие уважают, но почти никто не сражается за неё и не жертвует ничем. «Нам остались только сны и разговоры» или создание реально действующих коллективов выживания.

В реальной исторической жизни империи не будет, быть может, уже через несколько лет. Останутся память и мифы, которые, возможно, «переплавятся» в эпос.

Потомки великороссов будут абсолютно другими людьми в абсолютно другом мире, с абсолютно другими социальными практиками. Но для них будет жизненно важна память о Великороссии: «Илиада» и «Шах-наме» о русских царях и генсеках, полководцах, писателях и учёных. Всё это понадобится, чтобы просто сохранять человеческий облик, потому что это память о реальных победах.

Империя vs традиционализм

В наше время империю пытаются объявить оплотом традиционализма, консерватизма и коллективизма или, соответственно, мракобесия, реакции, нарушения всевозможных прав и свобод и пр. Такие зеркальные характеристики с разными знаками способствовали появлению и закреплению представления о том, что империя есть оплот традиционализма и присущего ему коллективизма.

Однако это совершенно не так. Реальность обратно пропорциональна устоявшемуся мифу, тем более что империя – это не обязательно монархия либо тоталитарное или авторитарное государство. Империей фактически можно назвать любое государство, где есть мощный, разветвлённый государственный аппарат и правящая элита не зависит от осознанной воли массы коренного населения. Наоборот, население максимально подчиняется воле элиты и государства. Такое положение достаточно стабильно. К тому же империя относительно обширна и (или) богата. Империи нередко бывают многонациональными, но не всегда.

Основные современные западные государства по своей сути – империи. Формальная организация государственного устройства ничего не значит.

В империи основная масса народа как целого в общем-то бесправна и безгласна. Почему же народ веками и во многих местах терпит такой несправедливый общественный строй?

Империи имеют ряд преимуществ: обеспечение мира и безопасности коллективов выживания в условиях вероятной военной угрозы, возможность занять делом активных индивидуалистов и отвлечь их от внутренних смут. Они могут завоёвывать и осваивать что-либо, а также создавать произведения искусства и пр. Память о былом имперском величии позволяет поддер-

живать позитивную идентичность народа, даже если он живёт уже совершенно по-иному. Например, евреям очень помогала память о царствах Давида и Соломона, когда они сами жили в диаспоре.

К тому же империи чаще всего полностью или частично создаются вынужденно. Без жёсткой имперской оболочки сообщество может быть попросту уничтожено конкурентами.

Империи открывают небывалые возможности для личной, индивидуальной самореализации, позволяют возвыситься над себе подобными или просто почувствовать себя свободной личностью, независимой от мнения большинства. Просто жить так, как хочется.

Именно такие возможности порождает господство вертикальных социальных связей в обществе. Власть имущие защищены от «народного контроля»: их контролирует вышестоящий начальник. Можно выполнять его волю и жить как угодно. Точно так же в империи живут не только начальники, но и их бесчисленные клиенты: предприниматели, воины, учёные, деятели искусства. Именно в империях появился и расцвёл феномен «свободного художника», который не оглядывается на мнение «скучных обывателей».

И так в империях предпочитают жить более или менее сильные и способные люди. Им выгоднее служить вышестоящим, а не бунтовать. Так – больше свободы и самореализации. Поэтому в любой империи более или менее активно работают социальные лифты, в отличие от обществ со слабым государственным началом, где элита может быть жёстко замкнутой и где она не претендует на столь сильный контроль над нижестоящими.

В «традиционной», «восточной» империи под слоганом огосударствленных индивидуалистов существует основная масса общинников, которые живут среди горизонтальных социальных связей, обычаев, традиций, религии и коллективизма. Они в гораздо меньшей

степени защищены государственной иерархией и государственным законом, поэтому вынуждены держаться друг за друга, соблюдать правила и по крайней мере в своей среде жить по республиканским принципам.

Более или менее элитная среда империи – рассадник всех «либеральных» пороков, например безудержного индивидуализма, который играл огромную роль даже в империях степных кочевников. Индивидуалисты – «люди длинной воли», создали империю Чингисхана. Позже они же развалили бесконечными усобицами Золотую Орду и достаточно организованно переехали в Москву.

На почве имперского индивидуализма и гедонизма из века в век расцветает и религиозное вольнодумство. Даже если империи создавали мусульмане! Взять хотя бы рационализм античного типа и безудержный мистицизм, доходящий до самообожествления и сатанизма, процветавшие в блистательном халифате Аббасидов, или социокультурный синтез Кордовского халифата в Испании.

В более поздней и культурно вторичной империи Тимуридов вольнодумством в основном занимался правитель Улугбек вместе с созданной им математической академией, за что и был убит.

Но в основном либертинаж тимуридской элиты выражался в банальном алкоголизме. В той среде считалось чуть ли не модным умереть от алкогольной интоксикации или от передозировки опиума. Так они выражали то, что были выше «оков религии».

Нынешние саудиты бином Ньютона не изобретают, и ваххабиты тоже. Но тем не менее многие из них делят своё время между дорогими иностранными борделями и такими же наркологическими клиниками.

А европейский рационализм и атеизм стали по-настоящему проявлять себя в кругах, близких к блестящей и образованной элите Французского королевства.

Сейчас наши «ымперцы» нападают на «бесстыжих содомитов»: на публику, характерную для имперской элиты и её богемной «обслуги» всех времён и народов. О нравах закрытых учебных заведений для элиты Британской или Российской империи написано немало. А в китайском языке есть термин «дунсян», буквально: «отрезанный рукав». Таково одно из по-восточному поэтичных китайских названий гомосексуальных отношений. По легенде, один из императоров почивал с любимым евнухом. Правителю неожиданно пришлось встать по важному государственному делу, и чтобы не будить евнуха, монарх отрезал свой рукав, на котором тот спал...

Ни один серьёзный монарший двор или элитный круг без «такого» образа жизни в том или ином объёме не обходился...

Конечно, имперский принцип эмансипации отдельной личности породил не только гедонистов и дегенератов: он породил великих героев и гениев, таких как Суворов, Кутузов и Лев Толстой.

Оба «начала» в немалой степени воплотил в себе Оскар Уайльд.

Конечно, среди имперских элит были далеко не только вырожденцы или великие герои. Существовала также масса адекватных приличных, консервативных и набожных людей. В лучшие времена империй они численно преобладали, но в любом случае в элитной среде действовал принцип верховенства вертикальных связей и индивидуализм.

Любой империи жизненно необходим многочисленный «низший слой»: эгалитарный, коллективистски настроенный, консервативный и религиозный. В основном этот слой представлен крестьянством. Конечно, крестьяне экономически обеспечивали империю, давали крепких и мужественных людей для армии.

Но крестьянство – не самый эффективный источник

доходов и экономического процветания. Для армии крестьяне уже гораздо важнее, но есть и другие источники комплектования.

Многочисленное общинное крестьянство – основной моральный резервуар для сохранения империи – это резервуар сильных, мужественных коллективистов, которые могли «подпереть» разложившуюся элиту. В некоторых случаях – полностью или частично её заменить, как это не раз случалось, например, в истории Китая.

Любая империя, несмотря на присущий ей блеск и успешность, структура с отрицательным КПД. Она поглощает силы и энергию трудолюбивых крестьян и героических воинов и выдаёт «на выходе» педерастов и либерастов – свой естественный продукт, в неизмеримо большем количестве, чем Суворовых и Толстых...

Так как с усилением империи крепнет и разрастается её «верхний слой», то вместе с ним разрастаются и эгоизм, гедонизм и потребительство. Поэтому столь бесславным был конец Римской империи, самых блестящих династий Востока, и поэтому вот так живём сегодняшние мы, подданные увядающих империй.

Имперские элиты, чувствующие свою силу, часто не церемонились с традиционным укладом и выступали локомотивом внедрения в жизнь новшеств. Взять хотя бы элиту России петровского периода, древнекитайских легистов.

Только вот методы административного управления людьми «сверху» порождают развал полноценных неформальных коллективов, основанных на горизонтальных связях. А это разрушает общество в целом. Деспотизм и бюрократизм неизбежно убивают патриотизм, религиозность, семью и пр.

Тогда имперским элитам приходится меняться. Они обращаются к традиционализму и охранительству, когда чувствуют, что почва уходит у них из-под ног, как

это было в России при поздних Романовых. Частично и гораздо менее последовательно – в позднем Советском Союзе. Как это происходит в России сейчас – совсем уж «показушно». Только поэтому империи ассоциируются с консерватизмом и апелляциями к традиции. Такими их заставляли накануне гибели...

К сожалению, наша ситуация гораздо печальнее, чем в древних империях. И в России, и на Западе в период модерна и постмодерна имперский принцип достиг своего максимально полного воплощения. Специфика жизни элиты была распространена практически на всё население, во многом для того, чтобы избежать дальнейших революций и исключить в зародыше недовольство. Организация экономики и общества, уровень благосостояния позволили распространить на большую часть населения принципы индивидуализма и гедонизма.

Люди не получили реальной возможности управлять государством и обществом. На деле самоуправления и самоорганизации граждан стало гораздо меньше, возросла зависимость от государства, особенно в Советском Союзе и постсоветской России. Просто специфика взаимоотношений, притязаний и психологические установки чиновников, богемы и буржуа стали характерны для большей части населения без получения, конечно же, реальных полномочий, а также реальных знаний и навыков.

Большинство «простого народа», как уже говорилось, состояло из крестьян, самостоятельных хозяев, людей с серьёзными навыками самоорганизации на местном уровне и ещё более серьёзными навыками самостоятельного автономного выживания, например в плане добычи пропитания, которым крестьяне ещё и обеспечивали всех остальных. Они обладали очень чёткими представлениями о должном и недопустимом.

И на деле любая элита крестьянства побаивалась

и считалась с ним, хотя изо всех сил старалась это скрыть.

В Китае крестьянство регулярно устраивало успешные революции. В Европе и России крестьянские войны и восстания, как правило, терпели поражения. Но крестьянство достаточно жёстко «подавляло» элиту снизу, заставляло её быть в тонусе, например, проявлять доблесть во внешних войнах, совершать другие яркие общественно значимые деяния. На деле Иван Грозный гораздо больше считался с мнением народа, чем Ельцин или Путин.

В эпоху модерна хитрая и «цивилизованная» элита решила избавиться от векового кошмара – от крестьянства. Стала вестись целенаправленная разносторонняя работа, сочетавшая жестокий террор и подкуп, идеологическое шельмование «сельского быдла» с оплакиванием его трудной, «совершенно невыносимой» жизни.

Классический пример уничтожения крестьянства – политика российских коммунистов: от «Декрета о земле» до коллективизации, от коллективизации до борьбы с «неперспективными деревнями» и вплоть до разрушения фактически теми же коммунистами ими же созданного колхозного строя.

И в СССР, и на Западе был брошен клич о выравнивании людей, как в плане прав и свобод, так и в плане материального достатка. Появилась возможность голосовать, иметь машину и ездить в отпуск.

В обмен на это массой «цивилизованных» людей была утрачена способность к какому-то вообще материальному самообеспечению, самоуправлению и самоорганизации. Из самостоятельных мелких хозяев основная масса населения превратилась фактически в дворцовую прислугу элиты, в людей, у которых нет ничего своего.

А известно, что дворня – этоместилище всех возможных пороков: пьянства, разврата, лени, неспособ-

ности делать что-либо полезное. Единственным занятием некоторых дворовых были мелкие пакости, в основном в отношении ещё более слабых.

Не правда ли, знакомо!

Именно ценой превращения всего населения в полностью зависимых дворовых людей западная и российская элита планируют избежать революций. Только вот на дворовых и опереться толком нельзя!

Отсюда гедонизм, индивидуализм, взаимная жестокость и отчуждённость, массовое движение сексуальных меньшинств, падение значимости религии – словом, всё, что веками было достоянием элитарного «лепрозория», распространилось на основную массу населения. Отсюда – слабость народа, его небывалая зависимость от элиты (замкнутость элитарных групп, несомненно, имела и гигиенический характер и была призвана защитить от разращения низы общества), неспособность людей элементарно прокормить себя без помощи «начальства», что веками успешно делали «тёмные и забитые» крестьяне. Теперь народ живёт по тем же принципам, что и начальство, и ни на что самостоятельное не способен.

Крестьянских и прочих эгалитарных, самоуправляющихся и самоорганизующихся общин у нас сейчас практически нет. И только в случае их возникновения могут появиться хоть какие-то надежды на обновление общества, возрождение государственности и пр. Без них наше позднеимперское общество не способно ни к движению вперёд, ни к простому самосохранению.

Напомню немного о подлинных республиканских принципах. Индивидуализм, автаркия отдельной личности, права меньшинств, атеизм в их число не входят! Эти принципы исключительно имперские!

Любая настоящая республика держится на последовательном коллективизме и единстве граждан, полном подчинении общественному мнению и общественной воле отдельного человека, преданности отеческой вере.

Недаром на рубеже XVIII–XIX веков умеренность и патриотизм называли республиканскими добродетелями и противопоставляли их «имперской» развращённости.

Таковы были ценности античных полисов, русских казачьих войск, ранних Соединённых Штатов Америки. И если эти принципы нарушались, то республики либо гибли, либо перерождались в империи. Столп республики – неизменность обычаев и традиций (религиозных, брачных и многих других).

Основной недостаток империи отнюдь не в том, что людям живётся в ней бедно и плохо или что нет свободы. Наоборот, в империях сравнительно высок уровень благосостояния, личной свободы, безопасности. Просто, в том числе под влиянием этих достоинств, разрушаются устои человеческого общежития. Любая империя – саморазрушающаяся структура, и механизм неизбежного самоуничтожения заложен в ней самой.

Русские и западная демократия

Современная демократия европейского типа чаще всего приживается в странах, где в своё время был развит жёсткий сословно-кастовый строй с минимальной социальной мобильностью (Европе, Индии и Японии). Ведь этот строй предполагает наличие прав и обязанностей вне зависимости от материального достатка и служебного положения. И отсюда один шаг до признания неотъемлемых прав гражданина. А вот в странах, где в старину каждый, по крайней мере теоретически, мог стать важным и значительным, демократия толком не прижилась. Здесь менять свою жизнь к лучшему предпочитали индивидуально, в рамках авторитарной системы, тогда как в сословно-кастовом обществе добиться прав и свобод может лишь социальная группа в целом, изменив общество.

В России сословия по европейскому образцу были, сам термин такой есть. Только вот неотъемлемые права, не зависящие от богатства и служебного положения, милости «начальства» не слишком соблюдались. И каждое усиление государственности сопровождалось ослаблением сословности, государственность её постепенно перемалывала, вплоть до советизации («с сословностью наоборот») и неудачной попыткой не допустить сложение новой сословности.

И судьба институтов западной демократии у русских противоречивая: это и чередование изрядно либеральных периодов с «закручиванием гаек», и сосуществование институтов западного общества с авторитарной властью, например, изрядная свобода печати, независимость судопроизводства, а потом и парламентаризм сосуществовали с самодержавием на рубеже XIX–XX веков, свобода прессы существовала при диктатуре Ельцина.

Русскость предполагает не авторитаризм или демо-

кратию, а, скорее, их чередование и (или) сосуществование. В целом демократия трижды присутствовала в истории великороссов в виде, близком к вечевым: Смутное время, революционные события 1917–1918 года, 1990–1991-е годы. Периоды эти были короткие. В остальное время «гибридный режим» чередовался с жёсткой диктатурой.

Любую демократическую страну Россия издавна превосходила свободой бытовой повседневности и индивидуального поведения. Но это уже другая тема.

Роль коммунистов в жизни русских

Коммунисты уничтожили русские коллективы выживания и русскую самоорганизацию, то есть основы выживания народа. Такой чрезмерной ценой они довели до логической вершины развитие российского имперского государства, сделали его максимально жестоким и максимально эффективным.

Одновременно большевики оттянули фактический распад русского народа, который уже назревал к началу XX века, когда свой уклад жизни и идентичность оформлялись и рефлексировались в богатейших казачьих регионах, в Сибири. Русской грозила остаться лишь территория Московского царства Ивана Грозного, и то не вся.

Проводя во многом крайне русофобскую политику, коммунисты оформили русский советский народ со специфической «паспортной» идентичностью и достаточно унифицированным укладом жизни и идентичностью. Этого в царской России и близко не было. Пестрота русской жизни и русских идентичностей была неимоверная.

В Российской империи во многом были «недооформлены» не только украинцы, белорусы, азербайджанцы, но и собственно русские. В советское время это оформление произошло.

Такие вот противоречивые результаты. Нация была доформирована и спасена от распада и одновременно лишена политической субъектности и механизма самозащиты и самовоспроизводства.

Причины победы коммунистов в России

1. Склонность русских действовать по обстоятельствам, а не в соответствии с обычаями или законами.

2. Большое различие между идеалами и ценностями и реалиями жизни. По этой причине идеалом может оказаться весьма причудливая идеология. Одновременно отличие иногда порождает желание ликвидировать разрыв, привести реальность в соответствие с далёким от жизни идеалом.

3. Большое количество среди русских совершенно непохожих друг на друга групп людей: от живущих почти первобытными общинами до постмодернистов. Наличие запроса на преодоление раздробленности на основе ценностей европейского модерна (стандартизация жизни и быта, образовательный и технический прогресс). Однако различия между разными группами слишком велики, чтобы преодолеть их мирным путём, без уничтожения некоторых из них.

4. Наличие большого числа твёрдых характером и профессиональных русских людей, подготовленных для осуществления масштабных проектов.

Продолжение большевиками традиционной имперской политики с доведением традиционных имперских начал до совершенства и до маразма одновременно: например, создание эффективнейших спецслужб, которые истребили огромное количество достойных людей, в том числе и сотрудников этих самых служб

Сталин: реальные цели

Речь здесь отнюдь не будет идти о новых рассекреченных документах, анализе «теоретических» трудов Сталина или конспирологических гипотезах. Всё это крайне мало подходит для анализа реального мировоззрения этого правителя. Реконструкция строится на конкретных фактах политической и социальной жизни.

Как и почти всё в русском коммунизме, доктрина Сталина была реакцией на события Первой мировой войны и Октябрьской революции. Сталин, как профессиональный революционер, очень ясно ощущал несоответствие азиатского государственного устройства России славянской ментальности русских, исходящую от ментальности вечную угрозу. Так что основной целью Сталина была ментальная контрреволюция: изменить людей так, чтобы они больше не могли угрожать государственному устройству. Он также видел внешнюю угрозу, исходящую от немцев, и хотел ее предотвратить.

Русских планировалось сделать полностью интегрированными в государство, неотделимыми от государственных целей, эдакими китайцами, но не традиционными – конфуцианцами, а китайцами-легистами, проект создания которых провалился в Китае. Конфуцианство вообще чуждо русской традиции, в отличие от легизма, в форме «эффективного менеджмента» привнесённого из империи Чингисхана. (Высказывание «Кадры решают всё» если даже и не принадлежит Сталину, то очень верно выразит его мировоззрение.)

В связи с этим планировалось резкое повышение единообразия российского общества, упрощение социальной структуры. Здесь был задействован традиционный русский архетип – небольшой хутор и его единоличный хозяин. С помощью укрепления государственного механизма, подавления «центров силы»

и массового развития техники планировалось превратить огромную страну в небольшой Хутор, где каждый человек лично легко достигаем для Хозяина. (Ещё первые московские государи позиционировали Россию как своё личное имение – вотчину. Развитие техники породило попытку воплотить старинную идею в жизнь.) Преддверие крупнейшей мировой войны ставило вопрос о создании в СССР гражданской нации – единого коллектива выживания, совмещении сильных сторон коллектива выживания и воображаемого сообщества (о таком обществе иногда упоминает сайт АРИ).

Сталин был архетипическим большевиком – представителем «государственного» начала. Он продолжил начатую Лениным борьбу с «субэтносами». И сделал так, чтобы «государственное» начало достигло своего логического завершения и реализации.

Сталинский террор был последовательным погромом «субэтносов», с использованием одних против других. Конец 1920 – начало 1930-х годов – это погром старых субэтносов: во-первых, остатков дореволюционных «бывших» (дворян, священников, белогвардейцев, интеллигентов и особенно «старых» инженеров и других производственников, которые продолжали иметь значимость благодаря быстрому развитию промышленности).

То же самое можно сказать и о раскулачивании, коллективизации и искусственном голоде на Юге России. Уничтожался самостоятельный, архаичный (сохранивший максимум из Киевской Руси) и боевой субэтнос крестьян и особенно наиболее боевая его часть – казачество. И крестьяне, в большей степени казаки, веками были в своеобразной изоляции от государства, имели своё самоуправление и пр. С помощью террора и последующей коллективизации крестьяне были сломлены и полностью включены в государственную систему.

С помощью «Большого террора» была ликвидиро-

вана возможность возникновения (временного) самостоятельного, неподконтрольного «центра силы» среди партийцев и военных, а также среди каких-либо иных советских граждан. (Сталин прекрасно знал, что царская власть была свергнута собственными высокопоставленными функционерами, и поэтому пытался заблаговременно обезвредить возможных «предателей».)

Борьба с подобными «центрами силы» продолжилась и после войны, взять хотя бы террор против русских и еврейских националистов, соответственно «Ленинградское дело» и «Дело врачей».

Сталинский террор был именно зачисткой центров силы, центров самоорганизации, а отнюдь не обычной «охотой на ведьм», как террор нацистов или маккартизм.

На пути к реализации сталинского плана, наряду с огромными потерями и тяготами (коллективизация, голод 1933 года, репрессии), были достигнуты и грандиозные успехи: создана промышленность, выиграна Великая Отечественная война, сделан задел для выхода в космос. Вообще-то все успехи времён Хрущёва и Брежнева были не более чем реализацией сталинских планов и заделов.

Желание Сталина лично участвовать в жизни отдельных людей и реализации проектов также давало порой очень хорошие результаты. Достойные люди спасались из сталинских лагерей, делали прекрасную карьеру, воплощали амбициозные проекты.

Но больше всего «лично товарищу Сталину» обязаны Ельцин и Путин вместе с теми людьми, которые воспользовались ситуацией в постсоветской России («с хорошей стороны»), и за карьерный старт в созданной им системе, и за возможность достаточно спокойно руководить страной, революционный потенциал которой был сведён к минимуму.

Однако в целом проект оказался провальным, хотя, благодаря политическому гению Сталина и активности исполнителей, осуществлялся эффективно. Просто сам

по себе он был изначально невыполнимой утопией, как и любимая Сталиным лысенковщина в генетике. Как писал учёный и писатель И. А. Ефремов, «возникновение новых видов в мгновение ока из совершенно других организмов». (На Сталина, как и на того же Ефремова и многих других интеллигентов, родившихся во второй половине XIX – первой половине XX века, огромное значение оказала фетишизация науки, технических достижений, идущих «из головы» проектов реорганизации общества.)

Огромная масса людей не может быть единым хутором. Воображаемое сообщество нельзя превратить в коллектив выживания. Первое всегда тяготеет к распаду на последние, которые всегда стремятся к замкнутости и самоценности, отделению от целого. Всё это наглядно продемонстрировала социальная история того же Китая.

Сталин многое «в этом плане» понимал, но пытался преодолеть эти тенденции с помощью научно-технического прогресса, роль которого он, однако, оценил совершенно неверно. Как и многие современники, он действительно видел прогресс линейных процессов и совершенно забыл о циклизме в истории человечества, о том, что тот же самый прогресс естественным образом уничтожает условия, его порождающие, и что индивидуализм, порождаемый прогрессом, на определённом этапе разрушает государственные и национальные общности.

Таким образом, сталинизм явился попыткой в полной мере воплотить в жизнь идеологемы русской государственности, которые ранее функционировали во многом лишь в идеологическом поле: их решено было претворить в жизнь на основе технического прогресса. Оказалось, что идеологемы были хороши именно как идеологемы, имеющие изрядное различие с реальностью, так как изначально для этого не были предназначены.

Причины сталинских репрессий

В чём причины сталинских репрессий? Объясняют их весьма по-разному: и жестокостью советской системы, и логикой тоталитарного общества. Молотов объяснял их подготовкой к войне, многие другие – личными качествами Сталина и его проблемами со здоровьем.

На мой взгляд, репрессии объясняются логикой исторического развития России. Если точнее, одним из вариантов этой логики. А именно – «государственным». К началу XX столетия и полуэтнические социальные группы («субэтноты»), имевшие собственные интересы, и «государственное начало» находились в достаточно глубоком упадке. «Субэтноты» (дворяне, крестьяне, казаки и пр.) были отчасти «раздавлены» государством. Их разрушала новоевропейская модернизация, личностная атомизация. Этот же процесс размывал и «государственное начало». Его представители стремились к «приватизации» власти, вольности и вседозволенности и также не были лояльны к верховной власти. Это делало власть и слабой, и вредной для народа, и мало легитимной, а также порождало протест «субэтноты».

В случае победы последней мог произойти переход к неодревнерусской социальной организации общества, подразумевавшей неустойчивое равновесие различных «субэтноты» русского народа, а также ослабление государственности и децентрализации, то есть к организации, сочетающейся с активным социальным творчеством самых разных «субэтноты», в том числе и «низовых». Тогда бы начался переход великорусского народа в новое этническое качество. На его месте возможно появление нескольких народов или нового мозаичного этноса.

Сталин был архетипическим большевиком – представителем «государственного» начала. Он продолжил

начатую Лениным борьбу с «субэтносами» и сделал так, чтобы «государственное» начало достигло своего логического завершения и реализации.

Сталинский террор был последовательным погромом «субэтносов» с использованием одних против других. Конец 1920 – начало 1930-х годов – погром старых субэтносов: во-первых, остатков дореволюционных «бывших» (дворян, священников, белогвардейцев, интеллигентов и особенно «старых» инженеров и других производственников, которые продолжали иметь значимость благодаря быстрому развитию промышленности), во-вторых, уничтожение «старых большевиков».

То же самое можно сказать и о раскулачивании, коллективизации и искусственном голоде на Юге России. Уничтожался самостоятельный, архаичный (сохранивший максимум из Киевской Руси) и боевой квазисубэтнос крестьян. И особенно наиболее боевая его часть – казачество. И крестьяне, особенно казаки, веками существовали в своеобразной изоляции от государства, имели свое самоуправление и пр. С помощью террора и последующей коллективизации крестьяне были сломлены и полностью включены в государственную систему.

В результате «Большого террора» была ликвидирована возможность возникновения (временного) самостоятельного, неподконтрольного «центра силы» среди партийцев и военных, а также среди каких-либо иных советских граждан. (Сталин прекрасно знал, что царская власть была свергнута собственными высокопоставленными функционерами, и поэтому пытался заблаговременно обезвредить возможных «предателей»).

Борьба с подобными «центрами силы» продолжилась и после войны, взять хотя бы террор против русских и еврейских националистов: соответственно «Ленинградское дело» и «Дело врачей».

Сталинский террор был именно зачисткой центров

силы, центров самоорганизации, а отнюдь не обычной «охотой на ведьм», как террор нацистов или маккартизм.

Иначе чем объяснить жестокие расстрелы «верных и преданных» партийцев, военных, чекистов и весьма «толерантное» отношение к тем, кто действительно боролся с советской властью с оружием в руках – всевозможным басмачам, получившим партийные должности, бандеровцам и полициям, отсидевшим «десятку» и потом жившим прелевающе?

Благополучие басмачей и бандеровцев можно объяснить национальной политикой советской власти. А как быть с вполне русскими полициями, которые в немалом количестве в годы застоя накупили ордена и медали и стали «ветеранами из ветеранов»? Лояльные и «системные» партийцы и чекисты имели больше возможностей создавать «центры силы» и были опаснее для «государственного начала».

В чём была причина столь жестокого уничтожения основ самоорганизации русского общества? В молодые годы умный, наблюдательный и проницательный Иосиф Джугашвили видел тотальную нелояльность этих «основ» «государственному началу», а также нарастающую внутреннюю анархию внутри самого этого начала, что и оказалось фатальным для Российской империи. Впоследствии, став правителем России, Сталин пытался всё это пресечь на корню. (Многое и очень многое в большевизме – «работа над ошибками» Российской империи.)

Очень важную роль сыграли не только репрессии, но и реальные достижения, такие как индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, а также возможность успешной альтернативной социализации и самореализации за пределами традиционных «субэт-носов». Представители многих «низовых» групп были приобщены к «властному началу» либо фактически, либо символически.

Сталин не остановил неизбежный процесс. Он только отсрочил его, изменил форму и исторический контекст. Но вот система этнической самоорганизации, низовой мобилизации и сами русские коллективы выживания были им разрушены. Показательным здесь можно назвать ритуализированное отречение от репрессированных родственников, уничтожение массы русских людей с помощью коллег, односельчан и пр.

После его смерти вновь возникли и окрепли «центры силы»: чиновничество и «западники», те же «субэтноссы», но только в форме постмодернистских субкультур. Они провели демонтаж «государственного начала» и его внутреннюю анархизацию при полном отсутствии «низовых» центров силы, что мы и наблюдали (и наблюдаем) на рубеже XIX–XX веков. Ситуация столетней давности повторяется, но с немалыми изменениями, которыми мы и обязаны тов. Сталину.

«Государственное начало» может разлагаться и дегradировать относительно для себя безболезненно и безнаказанно. В русской среде ему пока некому противостоять. Власть и государство скоро уничтожат сами себя, но на замену им идут не русские, а, скорее, иноэтничные структуры.

Появление на месте великороссов нового народа (народов) происходит в ситуации отсутствия у этих самых великороссов самоорганизации, огромных трудностей в отстаивании самых насущных интересов.

Так что тов. Сталину можно сказать спасибо в равной степени за многое: и за победу над Гитлером, и за первый полёт в космос, и за безнаказанность и успешность Ельцина и Чубайса, и за безответность русских перед лицом «этнического» террора.

Памяти СССР

Наибольшего воплощения российский имперский принцип получил именно при коммунистах. Они на время приостановили процесс приватизации деспотической власти её носителями, вернули ей былую энергию и радикализм. На народ оказывалось максимальное давление, но была и максимальная отдача. По нашему мнению, СССР – прежде всего завершающий, архетипический этап эволюции Российской империи, наивысшая и последняя стадия проекта, который начал реализовывать ещё Иван III в конце XV столетия.

СССР был призван к жизни необходимостью превращения традиционного общества в модерное. В условиях единой сформированной нации это могло сделать только государство. Процесс становления современного общества происходил в условиях начавшегося разложения и деградации русского народа. Особенно это касалось традиционных элит. При этом русский народ был чудовищно разобщен культурно и ментально. Разные социальные группы фактически были псевдонациями и не были связаны общими интересами. Когда прекратил своё существование государственный культ монарха, их больше ничего не объединяло.

Русская государственность могла рухнуть уже тогда. Его спасла тотальная диктатура прекрасно отобилизованной группы государственников – большевиков. Помогло и наличие высокого уровня идеализма и патриотизма самых разных людей, и не только коммунистов.

В случае победы антисоветских сил (винегрета чуждых друг другу людей) наиболее реальным сценарием были бы распад России и десятилетия, а может быть и столетия межэтнических и социальных войн, вечная партизанщина и терроризм, господство иностранных держав. Неизвестно, погибло бы меньше людей, чем

при коммунистическом терроре, или нет. Но с Гитлером воевать было бы некому.

Но благодаря большевикам государство окончательно победило русский народ. Независимая самоорганизация русских была ликвидирована. (Будь то сельская община, казачество, политические партии.) Русские стали полной собственностью государства: оно теперь не считалось ни с чем и могло не идти на компромиссы.

То, что СССР было «антикризисным проектом» Российской империи, показывают и сроки его существования. СССР полноценно функционировал при людях (в самых разных сферах общества), ещё заставших царскую Россию. Максимум – при их ближайших преемниках. Советский Союз был плодом желаний и чаяний имперских модернизаторов.

«Чисто советские люди», уже никак не связанные с Российской империей, очень быстро построили постсоветскую РФ. Она – проекция чаяний и мировоззрения именно людей советских и держится на советских людях и советском наследии во всём. Когда оно исчерпается, РФ погибнет.

И Советский Союз, и РФ – краткосрочные исторические проекты, не способные на самовоспроизводство. Они живут только своими корнями, одновременно уничтожая их, в отличие от самостоятельных исторических миров Российской империи и Московского царства, длительное время себя воспроизводивших.

В истории Советского Союза наиболее чётко и рельефно проявились все его особенности, достоинства и недостатки. Прежде всего, это абсолютизированный примат государства и его обожествлённой идеологии. Революционеры развили и довели до наивысшей кристаллизации (и до абсурда) имперскую государственную идеологию России. Всё жертвовалось во имя государства. И эта идеология осуществлялась на практике.

Государство в советский период было наиболее жес-

токим за всю историю России, но и наиболее эффективным, сильным. Оно смогло отнять и дать русским колоссально много и доброго, и злого: это и репрессии с раскулачиванием, и победа в Великой Отечественной войне, и индустриализация, и всеобщее образование, и социальная поддержка.

Миллионы русских были погублены советской властью или выгнаны с родной земли. Миллионы русских получили редчайший шанс на самореализацию, социальное продвижение, успешную карьеру и в конечном счёте на счастье.

Русское, а впоследствии советское общество было второй важнейшей составляющей наивысшего этапа развития великой европейской цивилизации, занявшей XVIII–XX столетия. Россия – это одна страна, фактически являвшаяся равновеликой всей Западной Европе и Америке вместе взятым и по научным и культурным достижениям, и по политическому вкладу. Это был альтернативный, восточный центр европейской цивилизации. Соревнование двух систем практически и было соревнованием двух вариантов европейской цивилизации: западного и восточного. Без последнего цивилизация Запада не имела бы должной устойчивости и динамизма развития. Особенно это касается Советского Союза с его колоссальными достижениями во всех областях, идеологическим влиянием на весь мир.

Советский Союз был жизненно необходим для поддержания в тонусе в частности всей западной и в целом мировой цивилизации. Соревнование общественных систем не только стимулировало развитие науки, техники и образования. Нынешние достижения цивилизации во всём мире без СССР немислимы.

Огромную пользу СССР и Западу приносила холодная война.

Противостояние помогало сохранять традиционные ценности, укрепляло национально-патриотический ди-

курс перед лицом глобализации и либерального тоталитаризма. Было необходимо заботиться об институте семьи и, конечно же, о патриотизме. В период холодной войны правые и консервативные организации на Западе не испытывали такого идеологического прессинга и шельмования, как сейчас. Запад в пику СССР в определённой степени сохранял христианские ценности. В тот же период власти должны были всецело способствовать быстрому улучшению благосостояния основной части населения, быстро и эффективно развивать образование. До победы в холодной войне мир не был таким постхристианским, как сейчас. Это поистине пиррова победа обернулась для Запада стремительной потерей традиционно сильных сторон своей ментальности, таких как здоровый национализм, деловитость, трудолюбие, семейные ценности.

Постепенно вызревавшие разрушительные тенденции прорвали плотину: скрепы, делавшие общество единым, разрушились. Началась деградация совершеннейшей и эффективной социальной системы. На смену хотя бы ограниченной демократии пришла олигархическая диктатура транснациональных корпораций, банков и левой антинациональной интеллигенции.

Всё менее и менее эффективной становится наука, бизнес. Национальное производство, которое было необходимо в период блокового противостояния, практически ликвидировано. Постепенно уничтожаются социальные завоевания трудящихся. Со средним классом считаются всё меньше и меньше. Он нищает и ещё более стремительно социально и интеллектуально деградирует. Всё больше примитивизируется система образования. Профессионализм всё больше подменяется идеями политкорректности, да и простым кумовством. Всё менее востребованы мыслящие и эффективные деятели. Растёт спрос на покорных конформистов, от которых не требуются реальные достижения.

Все это, наряду с обвальными инокультурной миграцией и депопуляцией, способствует фактическому уничтожению Запада. Он стремительно варваризируется и теряет свои отличительные особенности.

Тяжелейший удар окончание холодной войны нанесло по такому проблемному региону мира, как Африка. В ходе её местные руководители могли играть на межблоковых противоречиях, получать существенные льготные субсидии. С окончанием противостояния нужда в них отпала. Это, наряду с разрушением и исчерпанием наследия «белых колонизаторов», погрузило Африку в беспросветную нищету, порой доходящую до самого настоящего голода. Теперь африканские правители вынуждены буквально продавать свои страны по бросовой цене, например Китаю.

Именно он вместе с мировым исламом наиболее крупно выиграл от распада СССР. Был устранён сильнейший конкурент. С одной стороны, мощнейшая империя, с другой – мощнейший проводник светской европейской идеологии. Светские, национально-государственные тенденции в мире ислама стали стремительно слабеть. Поэтому, наряду с китайским фактором, на первый план выходит религиозный фундаментализм.

Но все вышеописанные негативные процессы вызвали ещё во времена СССР и во многом благодаря ему. В самой стране произошла сильнейшая денационализация русских (при добровольном согласии значительного их числа). Была создана современная нация – советский народ, а русские как таковые вообще не стали современной нацией. Коммунистическая и государственная идентичность в огромной степени подменили национальную, не говоря уже о репрессиях, голоде, раскрестьянивании, разрушении русских коллективов выживания – семьи и общины, тотальном моральном разложении. Когда распался Советский Союз, распа-

лась и соответствующая ему современная нация, или псевдонация. Слишком легко она развалилась, и наступил постмодерн как в социальной жизни, так и в экономике. Произошла деиндустриализация. Основа экономической жизни русских была уничтожена. По-настоящему не сложившаяся нация к тому времени была напроочь индивидуализирована и атомизирована. Русские остались у разбитого корыта.

Безнравственность, незащитность, политическая инертность современных русских – обратная сторона советских успехов и сталинского рывка.

Отношение собственного государства к русскому народу всегда было крайне жестоким. Собственное государство было едва ли не оккупантом. Оно было ориентировано на то, чтобы брать по максимуму и не давать взамен по возможности ничего. Это было и следствием ордынского наследия, и крайне жёстких условий формирования государства.

В досоветский период принципы отношения государства к народу не распространялись вглубь народной жизни. Внутри сословных коллективов были развиты установки на относительное равенство и взаимоподдержку. Особенно это касалось казачества, которое строилось на основе сильных коллективов выживания и сохраняло некоторые элементы ещё домосковского мировоззрения.

В советское время благодаря тотальному огосударствлению были разрушены не только коллективы выживания, но и другие неформальные объединения. Русского научили смотреть на своего собрата «по-государственному», то есть как на потенциальную жертву и объект эксплуатации, которого можно использовать, а потом выбросить за ненадобностью, будь то просто русский из «своей» среды или даже близкий родственник.

И не стоит преувеличивать в этом роль инородче-

ского заговора (хотя активное влияние нерусского элемента на процесс формирования и развития советской власти хорошо просматривается). Но и в самый антирусский период 1920–1930-х годов 65 процентов членов компартии составляли русские – это при пятидесяти четырехпроцентной доле во всем населении СССР. Причина этого – в государственно-религиозных, вненациональных традициях России. И началось это (привечание иноплеменников, примат идеологии над национальностью, приводящие к разрушению нормальных отношений со своими) отнюдь не при Петре I, а, пожалуй, уже при Иване III. Просто тенденция постепенно нарастала, пока не нашла своё окончательное воплощение и завершение в СССР.

Одновременно в СССР было поддержано, а отчасти искусственно раздуто национальное движение нерусских народов Советского Союза. Русскими и за счёт русских им была оказана колоссальная помощь. Эти народы стали стремительно развиваться и наращивать свою витальную силу. Недаром в предреволюционный период в Дагестане был едва ли не самый слабый естественный прирост населения. Сейчас в РФ – едва ли не самый высокий.

В период межблокового противостояния неевропейским народам мира борющимися сторонами была оказана огромная помощь, в том числе и СССР. За счёт неё неевропейские народы также стремительно нарастили свою мощь и демографический потенциал. За наш счёт начал свой рывок Китай. При потворстве и поддержке США окрепла экономическая мощь нефтяных арабских стран – важнейших проводников исламизма. И в других странах при помощи соперничающих сверхдержав был создан необходимый минимум развития инфраструктуры и социального обеспечения населения, чтобы впоследствии начать культурно-демографический поход на Запад.

И советская, и «демократическая» пропаганда фактически воспитывали у неевропейских протеже антиимпериализм и стремление к независимости, ненависть к «угнетателям». Всё это помогло создать нынешний воинствующий антизападнизм и антибелый расизм, который характерен сейчас для идеологического мейнстрима неевропейских народов, в том числе и в Европе.

Нельзя забывать и о влиянии коммунистической идеологии на белых европейцев и американцев. В ней была заложена мощная разрушительная сила – сила идеологом антинационального вектора, внутриэтнической и внутригосударственной розни, размывания национальной идентичности. В течение XX столетия эти идейные дискурсы стали характерными для широчайшего спектра западных субидеологий, и не только для радикально левых, что во многом и привело к нынешним плачевным результатам.

А если бы по какому-либо стечению обстоятельств Советский Союз не распался бы? Государство, возможно, сохранилось бы. Но, безусловно, потеряло бы своё русское лицо, в основном благодаря тюркам. Крепнущие элиты Узбекистана, Туркмении, Казахстана, Азербайджана взамен на неотделение взяли бы власть в свои руки. К дележу власти подоспели бы и татары, и башкиры, и якуты. СССР превратился бы в полноценный тюркский каганат. Для этой исторической альтернативы были свои предпосылки: и относительно низкий уровень сепаратизма в Средней Азии, и популярность пантюркизма в 1990-е, и последующая мода на евразийство, и мода на Л. Н. Гумилёва, который мог стать духовным гуру несостоявшегося каганата. (В Казахстане его именем и в нашей реальности назвали институт.)

Очень возможно, что русские не имели бы таких проблем с кавказцами, которых, кроме азербайджан-

цев, возможно, изрядно бы прижали. А вместо среднеазиатских гастарбайтеров, наркоторговцев и насильников получили бы среднеазиатских начальников и силовиков. Что лучше?

Можно с уверенностью утверждать, что роль СССР в истории России и Европы не была ни однозначно положительной, ни однозначно отрицательной. Это был важный и яркий исторический пик цивилизации, после которого началось стремительное падение вниз. Выдающиеся достижения оставили после себя пустыню и развалины, прежде всего нравственные и духовные. Поэтому результаты советского модерна по сути не отличаются от общезападных.

Развал СССР стал первым серьёзным симптомом приближающейся гибели современной европейской цивилизации, важнейшей вехой в крушении современного общества и воцарении постмодерна, предвестием неофеодализма.

Но при неофеодализме, очень вероятно, будут созданы эпосы. Сказители и певцы наверняка будут воспевать величие Страны Советов и мощь её грозных повелителей, как когда-то слепые аэды пели о падении Трои и последних ахейских царях, обречённых роком на гибель.

Российский либерализм в роли набегов кочевников

Как уже говорилось, опасный внешний враг крайне необходим для стабильного существования России. И желательно, чтобы этот враг был не где-то, а был непосредственно опасен или казался бы опасным широким слоям русских, хотя бы чем-то заменял набеги кочевников.

Так появились российские либералы из радикальных западников в рамках вторичной русской идеи — противостоянии Западу. Когда это противостояние становилось жёстким и лобовым, действительно опасным, эти люди или вообще отсутствовали, или были ярыми патриотами. Просто в их западничестве власть тогда не нуждалась. Народ тогда боялся Запада по делу и за дело. Так было и во времена Наполеона, и Первой мировой войны, и ранней советской власти, и в период Великой Отечественной войны.

Но слишком часто конфликт с Западом был недостаточно очевиден для очень многих русских. И недостаток очевидности конфликта делал уж очень неочевидным необходимость российской деспотии, по сути, оставшейся оборонительным союзом славиний. И тогда к власти появлялось слишком много вопросов...

Тогда в дело вступали прозападные либералы, «жидомасоны» и пр., которые пугали фактом своего существования и подрывной деятельности «широкие массы», в первую очередь патриотов и националистов. В той или иной степени, условно или безусловно, они заставляли многих из них сотрудничать с властью. Так власть держалась с помощью либералов, которые пытались играть роль «злых степных кочевников». Возможно, именно поэтому с революционерами «царский режим» боролся не слишком последовательно, а диссидентство было карьерой...

Только либералы не всегда были так уж добросовестны в этом качестве. Многие из них были очень достойными, привлекательными и человеколюбивыми людьми, иногда (о ужас для властей!) достаточно патриотичными или популярными. Взять хотя бы оборонческую или откровенно националистическую позицию либералов или даже более радикальной публики во время Первой мировой войны. (Такого впредь власти старались решительно не допускать!) Или же взять реальную известность и популярность многих либералов как «обличителей системы» во время перестройки. Именно в эти исторические моменты деспотическая традиция российской власти подвергалась изрядным испытаниям на прочность.

В первом случае «правительственное начало» актуализировало открытый конфликт с Западом в виде интервенции, войны с Польшей, экспорта революции и пр. Либералы на некоторое время стали не нужны.

Во втором случае «правительственное начало» в лице перекарасившихся чекистов и комсомольских вожakov сработало гораздо более изощренно. Оно по полной использовало либералов и либерализм и по полной их дискредитировало. Прекраснодушные идеи либералов были использованы для присвоения «комсомольцами» всей полноты власти и собственности. С помощью выходцев из той же среды, объявленных либералами, как-то гайдарочубайс, а также пугало бабы Леры и иже с нею с помощью карикатурно дикого рынка идеи ликвидации деспотического строя были тотально дискредитированы, а либералы и либерализм превращены в действительно пугающий жупел. «Мудрые» американцы со своими бомбардировками также изрядно в этом российскому начальству поспособствовали.

Сейчас либералов соответствующим образом корректируют, чтобы, не дай Бог, не начали вдруг делать что-то действительно нужное, как Ройзман, и под-

держивают в тонусе и на высоком уровне громкости наиболее русофобскую их часть, чтобы они своей «ужасностью» и разрушительным потенциалом компенсировали прогрессирующую недееспособность власти, заставляли к ней тянуться.

Во многом вся затея с Крымом и Новороссией (с точки зрения российской власти) задумывалась в том числе и для пущей демонизации антипатриотичного либерализма и недопущения создания единого русского гражданского общества, состоящего как из либералов, так и антилибералов, которые в идеале могли бы так или иначе с пользой друг для друга и для народа взаимодействовать.

Нынешние либералы могут достичь реальной свободы и перестать быть марионетками, только если смогут преодолеть отчуждение от большинства русских, что непросто и в силу качеств, присущих самим либералам (стремление фактически создать самостоятельный квазиэтнос), и целенаправленной политики «правительственного начала».

«Властное начало» слишком хорошо понимает, что население можно только пугать «большим злом» и совсем невозможно добиваться популярности через успехи. Поэтому «в помощь» либералам активно используют выходцев с Кавказа и из Средней Азии, то есть практически полноценную набеговую экспансию. Только вот «властное начало» разлагается очень быстро, и жупел склонен к выходу из-под контроля. К тому же подыгрывание ему со стороны власти слишком очевидно.

Либералы как квазисубэтнос

Поведение русских либералов и других категорий интеллигентов вызывало и вызывает немало недоумённых вопросов: та же антинациональность либералов, анархизм патриотов и пр.

Многие из этих затруднений могут быть разрешены, если осознать наличие у российских либералов собственной этничности, и ни какой-нибудь инородческой и ассимилятивной, а в форме традиционного для русских (квази)субэтноса, стремящегося к эмансипации наподобие того же казачества.

На наш взгляд, период существования интеллигенции занимает более столетия (60-е годы XIX – 90-е годы XX века). Оформилась интеллигенция в пореформенной России, хотя основы для её появления были заложены ещё в конце XVIII столетия. Но именно в этот период начался небывалый взлёт науки, искусства и издательского дела. Расширилось поле общественно-политической деятельности. Благодаря этому взлёту выходцы из среды духовенства и дворянства, дети офицеров, мещан и военных кантонистов смогли оставить занятия своих отцов и найти новые (науку, искусство преподавания, инженерно-технические специальности, журналистику, общественно-политическую деятельность). К ним присоединились образованные евреи, не скованные чертой оседлости. Как когда-то первые казаки, эти люди покидали привычную социальную среду на свой страх и риск. Они очень нуждались в единстве, но не могли смириться с традиционными условиями и несвободой. Интеллигенты хотели спастись от униженности, рутины, невозможности реализовать свои способности и желания. Интеллигенция была новой социальной группой, основанной во многом на старых принципах. Она была социальной группой (убежищем), противопоставившей себя традиционно

сложившемуся обществу. Сущность интеллигенции с самого начала была противоречивой. Феодалные традиции и особенности русской ментальности толкали её к превращению в замкнутую корпоративную структуру с чёткими правилами внутренней жизни, жёсткому противопоставлению себя остальному миру. И действительно, значительной части интеллигентов была присуща нетерпимость к инакомыслию, иному образу жизни (например, борьба с так называемым «мещанством»). Идеал «служения народу» был, по сути дела, феодалным. Он – лучший индикатор аристократических корней интеллигенции.

Однако это «квазисословие» было создано для защиты личной индивидуальности, свободы, непохожести.

Поэтому интеллигентами были террористы и непротивленцы злу, атеисты и религиозные деятели, космополиты и патриоты. Хорошо организованные боевые группы соседствовали с клубами по интересам. Нетерпимость была необходима для самоидентификации. (Например, оппозиция по отношению к властям и социальным группам, на которые они опирались.) Однако маргинальное «квазисословие» осознавало острую нужду в союзниках и новых членах. Надо было отвоёвывать а потом защищать свою социальную нишу. Новой оппозиционной силе это давалось непросто. Поэтому интеллигенция боролась «за права угнетённых масс». Она защищала крестьян, рабочих, евреев-старообрядцев, братьев-славян, казачьи вольности и т. д. Эта «защита» помогала скрыть корпоративный эгоизм и самоутвердиться в непохожести на другие, не столь прогрессивные социальные группы.

Какие же идейные принципы объединяли столь разных людей? Прежде всего, это вера в силу и праведность человека и возможность земного счастья. «Человек – это звучит гордо. Человек создан для счастья, как птица для полёта» – эти горьковские афоризмы как

нельзя лучше выражают мировоззрение интеллигента. Движимые этими принципами большевики боролись «за счастье трудового народа», а баптистские лидеры проектировали «город Солнца». Казалось бы, немного. Но в эпоху, когда привычный мир уходит, а новый можно строить самостоятельно, этого было достаточно. Таким образом, интеллигентов объединял активный гуманизм.

Интеллигенция прошла несколько этапов развития. Первый можно назвать «вольноинтеллигентским». Он охватывает период от «великих реформ» 60-х годов XIX века до победы советской власти. В это время интеллигенция организовывалась и формировала мировоззрение. Пользуясь социальными сдвигами, она теснила традиционные социальные группы.

Второй этап – «служилый» – включает период от победы большевиков до начала перестройки. Интеллигенция покорна советской власти. Она становится гораздо более однородной. В обмен на лояльность власть позволяет ей исповедывать важнейшие идеалы в «своём кругу» и в ходе профессиональной деятельности (например, педагогической). Ранние традиции продолжают диссиденты и эмигранты.

Третий этап – период перестройки. В ходе неё одна часть советской номенклатуры использовала интеллигенцию для сокрушения другой. Индивидуализм и нигилизм разлагает интеллигенцию изнутри.

Четвёртый этап, постперестроечный – «разинтеллигентивание». Под влиянием вестернизации индивидуализм разрастается настолько, что уничтожает корпоративную солидарность. Всеобщая деградация разрушает веру в человека и возможность счастья. К тому же оказался несостоятельным миф о коммунизме. Новые принципы не пользуются доверием. Растёт презрение к миру и человеку. Одновременно прежние «интеллигентные» профессии становятся невостребованными обществом.

Место интеллигента занимает интеллеktуал. Это работник умственного труда, человек с интеллектуальными интересами. Интеллектуалы не связаны между собой узами корпоративной солидарности или общими идеологическими установками.

Интеллигенция окончательно разваливается на «идейные течения», а течения в свою очередь – на группы и подгруппы.

Наиболее обширная и консолидированная постинтеллигентская структура – либералы. Они тщатся объединять под своей эгидой всю интеллигенцию, чего у них никогда не получалось и не получится.

В формировании современного российского либерализма ведущую роль сыграли представители коммунистической элиты разных периодов, которые протестовали против оттеснения их «выдвиженцами» и хотели приобрести политическую субъектность и социальный статус, не зависящий от положения во властной иерархии, своеобразную сословность. А сословность, которую ставят под сомнение и за которую приходится бороться, в русской традиции начинает этнизироваться, как то же казачество накануне революции и в эмиграции, тем более что социальное положение у русских этнизируется, а национальность сближается с социальным статусом.

Либералы всегда были близки к власти и во многом её копируют: та же тотальность, последовательная нетерпимость к инакомыслию. И это всегда раздражало многих интеллигентов, наиболее талантливых и свободлюбивых, склонных к индивидуализму. Именно они всегда шли либо в патриоты и консерваторы, либо в крайне левые.

Из-за чрезмерного свободлюбия и индивидуализма они по большей части образовывали весьма полицентричные и рыхлые структуры, которым трудно было тягаться с либералами. Поэтому многие из них заклю-

чали вынужденный союз с «правительственным началом», которое им само по себе было всегда более чуждым, чем либералам. Поэтому отношения с ним всегда были натянутыми и противоречивыми.

Это очень напоминало союзные отношения древнерусского Пскова с Москвой, на которые толкало желание эмансипироваться от Новгорода. При почти полной несхожести союзников государственничество у очень многих патриотов по сути вынужденное.

Как видно, либералов многое роднит с другими значительными субэтносомами русских и демонстративное отделение себя от «всех остальных», при возможности вступить в общество и не принадлежащего по рождению к нему человека, и относительно большое число в нём «инородцев» или потомков смешанных браков. Всё это характерно и для казаков, и для сибиряков.

Либералов от них отличает и делает скорее квази-субэтносом, а не субэтносом отсутствие собственной территории. Нет в России такого субъекта Либералии, а также официально закреплённого правового статуса.

Либералы в принципе не способны к автономному проживанию и делят условно «свою» территорию со многими другими, которые на не менее веских основаниях считают её своей. Род занятий и социальный статус либералов также не закреплёны исключительно за ними.

Всё это очень остро ставит вопрос о субэтнических границах, которые зыбки и неопределённые. Это заставляет либералов активно противопоставлять себя всем остальным русским, искать союзников за пределами русского народа и даже исключать себя из него. Свою специфику и права либералы отстаивают каждую минуту, даже если на них никто не покушается, потому что сами сомневаются в своей легитимности.

(Казаки, у которых были территория и закреплённый статус, относились и к государству, и к другим русским гораздо благожелательнее.)

Специфика позднесоветских почвенников

Основная проблема позднесоветских почвенников, «русской партии» заключалась в том, что ни образ жизни общества, ни они сами не соответствовали декларируемым идеалам. И почвенники принялись создавать некую «Русь Небесную» – особую виртуальную реальность, где существовал выдуманный русский народ и выдуманные русские люди. Почвенники и сами такими не были, и фактически не стремились переделать общество в соответствии со своими идеалами. Они лишь использовали несовершенную земную жизнь для подпитки прекрасной и гармоничной виртуальной реальности, где не было места для несовершенства и даже страдания и поражения были прекрасны.

Конечно, из этого принципа бывали и отрадные исключения. Это и борьба за сохранение памятников культуры в рамках ВООПИК, и активная жизненная позиция С. Семанова. Но основное направление являлось всё же виртуалистичным, тем более что многие почвенники были людьми творческими и активно занимались созданием искусственных реальностей.

Почвенники были одними из тех, кто, наряду с современниками-либералами и многими другими, способствовал созданию системы виртуальных идеалов и парадных ценностей, не имеющих ни малейшего отношения к реальному поведению людей, существующих в особом виртуальном пространстве и никак не влияющих на действительность.

Однако почвенники всё же были активными создателями того самого виртуального продукта, который их потомки могут чаще всего только пассивно потреблять.

Конец западников и почвенников

Под шумное витийство и местные успехи завершается эпоха великих западных империй, таких как Россия, США, Великобритания и др. Исчезают великие имперские идеологии. На их место приходит второй эшелон в виде религиозных фундаменталистов и этнонационалистов.

Соответственно, завершается противостояние западников и почвенников вследствие потери актуальности и постепенной ликвидации тех и других.

Западники и почвенники оформились в середине XIX столетия, когда стала очевидной потеря актуальности для русских Российской империи, одновременно с объективным непониманием того, чем её можно заменить. Начались поиски замены всевластия «правительственного начала». Одни находили альтернативу в западной демократии или революционной диктатуре, другие – в русских традициях народоправства и самоуправления, русских традициях самоорганизации или же в сохранении чёткой монархической вертикали власти.

Сила «правительственного начала» слабела. У русских появилась возможность основывать новые квазисубэтноты в дополнение к старым социальным группам. Новые квазисубэтноты основывались на идеологической основе и включали в себя представителей новой социальной группы – интеллигенции.

Они могли вести бурную деятельность, но не могли чем-то реально управлять и не были где-либо укоренены, кроме самих себя.

Либеральный квазисубэтнос возник как протест против государственной системы и обывательщины. А почвенники появились как протест против установления либеральной диктатуры в интеллектуальной сфере.

Западники и почвенники рассуждали о судьбах всей

России, строили планы её преобразования, которые к реальной жизни никак не относились, потому что и те и другие не имели никакого отношения к основной массе великороссов – пёстрому конгломерату социальных и региональных сообществ, имеющих очень небольшое отношение и к западникам, и почвенникам, и друг к другу и в период Российской империи объединённых преимущественно фигурой монарха и православной верой. Западники и почвенники были одними из представителей таких групп-идентичностей.

Подобная ситуация существует и сейчас. Представители либеральной или националистической субкультур жалуются, что «простой народ» их не слушает. Это неудивительно, если учесть, что они представители идеологических квазисубэтмосов, очень от этого народа отличных. Это всё равно что пытаться управлять неким другим народом, живущим в другом государстве, в отношении которого нет реальных рычагов влияния.

«Правительственное начало» тоже изначально чуждо народу, но оно как раз обладает рычагами воздействия.

Оно могло быть формально монархическим, коммунистическим, постсоветским, но оно не могло быть по-настоящему западническим или почвенническим. Власть в России была и остаётся совершенно отдельной партией – партией власти, представляющей исключительно свои интересы и независимой ото всех других. Монархический, республиканский и прочий антураж ничего не меняет.

Правда, с XIX столетия в рамках партии власти сформировалось специфическое чередование «квази-западников» и «квазипочвенников», которое совершенно нормально функционировало и с приходом к власти большевиков, и после их ухода. На смену «почвеннику» Николаю II после недолгих пертурбаций пришёл «западник» Ленин. «Западник» Ельцин назначил сво-

им преемником «почвенника» Путина. Этот последовательный маятник наглядно демонстрирует эфемерность различия монархистов, коммунистов и «демократов», наличие чёткой последовательной традиции, объединяющей их всех, чтобы они там сами о себе ни думали.

Ещё раз повторяюсь, власть в России никогда не была полноценным почвенником или западником. Только и только «квази». Принципы той или иной партии власть реализовывала во многом декларативно и непоследовательно, всегда в очень большой степени реализовывая и установки партии противоположной. Возьмём тех же западников. Большевики резко укрепили единовластие, что было против западных принципов. А Ельцин был диктатором, который оставался на своём посту столько, сколько считал нужным...

Теперь почвенники. Сталин оказался мощнейшим европеизатором реальной жизни русских. А Путин последовательно проводит либеральную политику мультикультурализма.

Власть всегда использовала западников и почвенников, реализуя их идеи только в необходимом ей объёмах. Маятник политического вектора и имитация того или иного направления мало помогали западникам или почвенникам, но отлично способствовали партии власти сохранить и продолжить себя. А западники и почвенники, массово шедшие во власть, переставали быть западниками или почвенниками и становились партией власти, что наглядно продемонстрировали русские коммунисты.

Поэтому ни западники, ни почвенники никогда не имели никаких шансов добиться реальной власти либо повести за собой русский народ. Это были, при всех эфемерных достижениях, абсолютные «вещи в себе», стремящиеся к власти не ради управления страной, а ради возможности отделиться и обособиться ото всех остальных за счёт повышения статуса, то есть факти-

чески к независимости и автаркии, потому что в российской системе власти независимость понимается как господство.

На деле их идеалом не было переустройство России, а постройка где-нибудь в таёжной глуши, подальше от всех, двух уютных городков. Один – с церковными маковками наподобие града Китежа, другой – что-то вроде Оксфорда с предместьями итальянского или южнофранцузского вида – и никаких начальственных рыл или приземлённых и грубых «реальных» мужичков!

Но зато град Китеж и Оксфорд должны были находиться поблизости, чтобы между ними можно было устраивать потешные битвы, заканчивающиеся временным перемирием и милым праздником, с возможностью опять славно побиться.

В ком в ком, а друг в друге российские западники и почвенники нуждаются по-настоящему! Они – истинное продолжение друг друга. Существование одного направления без другого невозможно, так же как и победа одного над другим. Западники и почвенники словно борцы, питаемые во время боя одной пуповиной и черпающие энергию в грубых прикосновениях друг к другу – пока силён один, силён и второй. (И не надо искать причины популярности Проханова у редакции «Эха Москвы». Ему там действительно самое место!)

После революции и Гражданской войны многие западники и почвенники оказались в эмиграции. Да, тосковали, конечно. Сам процесс эмиграции из разгромленной страны, устройство на новом месте были тяжёлой травмой.

Но, судя по бурной активности, многие из них оказались в мире своей подсознательной мечты: ни русских мужиков, ни начальства. Есть только оппоненты, с которыми можно спорить и спорить. А вокруг некое чужое пространство, не слишком враждебное, где можно возводить грады Китежи и оксфордские фаланстеры.

А сейчас существование империи подходит к концу. Можно что-то к ней присоединить, что-то от неё отсоединить. Сути дела это не меняет.

А без империи не будет ни российских западников, ни российских почвенников. Они плод сомнений империи, которая, однако, ещё может за себя постоять, несмотря на сомнения.

А по-настоящему без империи их не будет, тех же западников, например, без той же имперской образовательной системы и интеллектуальной среды.

Им придётся исчезнуть или стать чем-то принципиально иным, или и тем и другим одновременно.

Наш родной симулякр или общество ряженных

Я уже писал о том, что основное отличие современного «идейного» человека – отнюдь не стремление к переустройству общества.

Это стремление заменить жизнь игровой реальностью, объявив её «настоящей жизнью». Тогда можно объявить себя «совком» или «антисовком» и ночи напролёт проводить за ЖЖ-срачами, а дни – в сумраке постылой работы или учёбы, которые суть тени «подлинной реальности».

Излишне писать о том, что уход в «игровую реальность» противоположен борьбе за изменение реальной жизни. И «деятельность» очень многих «сетевых борцов» только способствует стабилизации наличного состояния «убогой рашки».

Свою роль играет и крайняя устарелость и изношенность идеологического багажа в современной России, который незначительно обновился с третьей четверти XX столетия и совершенно не соответствует нынешним реалиям (за исключением редких примеров «апгрейда», таких как НДП).

Поэтому ничего не изменится, если сетевые дискутанты обратятся, скажем, к доколумбовой Америке. Сторонники Российской империи могут отстаивать интересы ацтеков (потому что те были духовны, патриотичны и склонны к самопожертвованию). Советские патриоты могут приняться за инков, потому что они первыми начали строить социализм. К дискуссии могут присоединиться и либералы, избрав объектом восхваления майя и чибча-муисков (децентрализация, города-государства, науки, искусства и Эльдorado).

Если эти люди оставят Россию в покое, она уж точно ничего не потеряет, только никто больше не будет засорять мозги тем, кто хочет понять, что нужно делать в сегодняшней России.

Но началось это не сейчас

Русская религиозная мысль конца XIX – начала XX века, начиная с В. С. Соловьёва, за редким исключением вроде о. Сергия Булгакова и Ивана Ильина, являет собой образчик редкостной бессмыслицы и цинизма, фарисейского надругательства над христианством. «Русские религиозные философы» наглядно продемонстрировали, что к религии, философии и идеологии можно относиться как к интеллектуальной игре вроде шахмат или преферанса. Убеждения в этом случае практически не влияют на реальную жизнь «буржуазных интеллигентов», никак не определяют их поступков, но служат для отдохновения от «серой реальности» – эдакой виртуальной игрой.

Эти постмодернисты и одни из предшественников «жизни в Сети» оказались ещё дальше от христианства, чем даже большевики, не говоря уже об о. Иоанне Кронштадтском, патриархе Тихоне, мучениках и исповедниках российских.

Идеи русских религиозных философов оказались не востребованными по причине их полной «виртуальности» и безжизненности. Но подход к любому мировоззрению как к игре оказался чрезвычайно востребованным, в том числе советско-постсоветскими «либералами» и «патриотами». И те и другие были и остаются совсем не теми, за кого себя выдают.

Либералы образуют типичный русский «псевдосубэтнос», претендующий на власть, который жаждет диктаторской власти и абсолютного самоутверждения за счёт других. Всех остальных русских либералы видят исключительно в качестве своих крепостных. Да этого особо и не скрывают.

Поэтому российские либералы не только «нелиберальны», но и «незападны». «Густопсовая» русскость в не самых лучших своих проявлениях присуща им в гораздо большей степени, чем их оппонентам.

Точно так же «патриоты-почвенники» – в общем и целом совершенно не те, за кого себя выдают. Никакой «соборности» и «коллективизма» в этой среде нет и в помине. Наоборот, преобладает поистине ницшеанский индивидуализм и нарциссизм. У многих (не у всех) – такое же абсолютно буржуазное стремление к комфорту и наживе, а также минимум – отсутствие склонности к самопожертвованию. Всё это помножено на абсолютную оторванность от того самого русского народа.

Среди либералов «соборности» всё-таки несколько больше. Этим они обязаны евреям, народу восточному и диаспорному. Евреи и многие русские сошлись в некоторых мировоззренческих моментах: в том, что их недостаточно ценят, что в обществе они не занимают подобающего места, что они – «скрытые» царевичи в лохмотьях.

Евреи никогда не превосходили русских в талантах или пронырливости и карьеризме. А вот самоорганизация была лучше и коллективизма больше. Вот на этих-то «восточных» традициях либералы отчасти и выезжают.

И либералы, и почвенники поднимают в своих сочинениях очень важные для России вопросы.

Либералы – о вреде деспотизма, произвола чиновников, бесправии и незащитности русского человека.

Патриоты – о необходимости сохранения национальных традиций, коллективизма, русского сельского уклада. Несомненно, лучшие из «почвенников» – писатели-деревенщики, которые реально знали крестьянскую жизнь и писали о по-настоящему нужных вещах.

Но ничего реально полезного и те и другие сделать, естественно, не могли и не могут, потому что декларируемые либералами и патриотами ценности являются сугубо парадными и не имеют никакого отношения к их реальным целям и поступкам.

Очень часто «западничество» или «почвенничество» помогало своим носителям сделать прекрасную карьеру, добиться признания и богатства, хотя бы от носительных.

И мало кто хоть чем-то пожертвовал ради своих идеалов.

И те и другие в равной степени также работают на кукловодов – узкий круг чиновников, силовиков и олигархов, создавая «дымовую завесу» для их вполне реальной деятельности. Основная задача либералов и патриотов – демонстрировать наличие общественной мысли и общественной борьбы безо всякой мысли и безо всякой борьбы и отвлекать внимание от настоящей мысли и настоящей борьбы.

И то и другое должно существовать в особой игровой реальности вроде мира Вархаммера и никак не влиять на реальное поведение русских людей.

В своё время известный патриот Станислав Куняев издал текст «Русско-еврейское Бородино». В данном случае «Бородино» – название завлекательной сетевой игрушки, с помощью которой её создатели и оттянулись отлично, и наварились на этом.

Только вот русскому народу шумное витийствование и тех и других особой пользы не принесло. «Спасали» и «освобождали» народ, но помогли исключительно самим себе.

Это неудивительно. За парадным фасадом и у одних и у других скрывается совершенно другое содержание. Основные идейные течения России XX и начала XXI века держались и держатся, прежде всего, на обмане и самообмане, на идейных основаниях, которым клянутся в верности, но не собираются даже частично реализовывать их на практике.

Русская идеологическая жизнь указанного периода – это источник наживы и карьеры для немногих, а также компьютерная игра, не имеющая отношения к ре-

альности, – для остальных. На месте реальной борьбы кого-то и за что-то имеет место голая имитация.

Убеждения и принципы начисто виртуализированы и полностью оторваны от реальной жизни, реальных ценностей и стремлений. Идеалы и убеждения – это одно, а реальные стремления и цели – совсем другое. Так было везде и всегда, но не до такой степени.

И люди это понимают. Вот почему иметь политические убеждения среди современных русских считается немодным и просто нелепым. К услугам молодых людей – масса интересных и разнообразных компьютерных игр. Можно обойтись без такой «общественной борьбы».

Православный, националист, либерал, коммунист, неоязычник, по сути, ничем не отличаются в наше время друг от друга – показуха, онлайн-игра с элементами флешмоба, релаксация и психологическая отдушина, элемент вечернего и выходного досуга, нечто кардинально отличное от того, что действительно важно и серьёзно, с чем можно отдохнуть. И причём иной раз и на чём можно заработать. Именно этим-то и важны убеждения в наше время.

Поэтому мы вот так и живём.

Но игровые идентичности у нас везде и всюду, не только среди покрывшихся мхом «либералов» и «патриотов».

Мы живём внутри тотального феномена «ряжености». Обвинения в «ряжености» постоянно бросают казакам, потому что у них есть казачья форма, в которой когда-то ходили гораздо более серьёзные, «настоящие» казаки.

Однако бедные казаки совершенно несправедливо назначены козлами отпущения. Ряженные у нас везде и всюду.

Ряженные чиновники якобы выполняют государственно важные функции, а на самом деле делают свой

мелкий гешефт. Вместе с ряжеными полицейскими, якобы защищающими закон, разгоняют ряженных оппозиционеров, якобы защищающих права граждан. Этому в немалой степени способствует то, что основные функционеры различных «оппозиционных» и «неправительственных» организаций давным-давно назначаются специальными службами.

Ряженные православные (на самом деле – толкиенисты и субкультурные бизнесмены) обрушиваются с критикой на геев, из которых значительное число – тоже ряженные, что недавно блестяще продемонстрировал Николай Алексеев.

В различных государственных организациях и частных фирмах тоже есть громадное количество ряженных сотрудников, которые, благодаря протекции, лишь получают зарплату и ничего реально не делают.

У нас громадное количество ряженных мужчин и женщин, которые выглядят нередко импозантно, не имея при этом сколь-нибудь реальных и нормальных мужских или женских качеств.

Такое вот тотальное общество спектакля, гораздо более последовательное, чем то, которое застал Ги Дебор. Место реального общества и во многом реальных людей занял мыльный пузырь симулякра.

Симулякр можно сколько угодно подправлять и видоизменять, но от этого он не перестанет быть симулякром, не станет чем-то настоящим.

Должна быть ликвидирована не его правительственная надстройка, а бытовая суть, весь наш «современный образ жизни» как таковой.

Пока рецепт ликвидации нашего родного симулякра предлагают в основном ваххабиты. А хочется, чтобы кто-то ещё этим занялся. Свой, доморощенный, и другими способами.

То есть нужны достаточно влиятельные структуры, начисто отрицающие принципы организации наше-

го общества и в достаточной степени независимые от него. Они совершенно не обязательно должны быть склонны к насилию и политической деятельности, но они должны совершать вполне реальные действия и уметь вырваться из нашего образа жизни, хотя это не просто.

Очень значительная часть нашего населения в самых разных его слоях может существовать, только делая вид, только внутри симулякра. Во многом это последствия успешного подавления государством всего остального, уничтожения им всех самостоятельных и самодостаточных структур, могущих ставить собственные цели и осуществлять действия по их достижению. Имеются в виду цели, в корне отличные от целей истеблишмента.

Такая ситуация характерна как для России, так и для всего западного мира – борьба с властью, оппозиция, альтернативный образ жизни по большей части имеют имитационный и игровой характер.

Российская государственность: цель и инерция

Российская московская государственность была создана для обороны границ от агрессивных тюркских народов, совершавших постоянные набеги. Такой же важной, но не в той степени, была борьба с агрессивным польско-литовским государством и немецкими рыцарями. Татары же совершали непрерывные набеги на русские земли. И чтобы защититься от них, приходилось совершать ежегодные походы к южным рубежам, что требовало фактически постоянной военной диктатуры.

Создав централизованное государство, русские показали присущую им способность действовать не в соответствии с традицией, а с доводами разума и необходимостью. При этом у государства сразу же появились собственные интересы, отличные от народных. Они наглядно проявились в Ливонской войне Ивана Грозного, которая велась в ущерб борьбе с кочевниками.

Впоследствии государство, благодаря народной самоорганизации, успешно пережило Смуту, и после неё стремительно усиливалось. В 1783 году было ликвидировано Крымское ханство. Дворяне были освобождены от службы. Была одержана победа в войне 1812 года, после чего имело место движение декабристов. Оно стало показателем того, что империя после ликвидации непрерывной военной угрозы для русских крестьян лишилась смысла своего существования. Но она накопила огромную силу и стала вести борьбу за существование с русским народом, которому была уже не нужна. Борьба эта велась с переменным успехом.

Была и другая функция Российской империи, вытекающая из основной, а именно из природной склонности славян к военному делу, помноженной на жёстко централизованную военизированную организацию об-

щества. Империя помогла русским отбиться ото всех претендентов на европейскую гегемонию эпохи модерна: от шведов, от французов и от немцев. Не только отбиться, но и положить конец их гегемонистским притязаниям. Россия стала подлинной «убийцей владык континентальной Европы». Благодаря вековым стараниям англосаксов сама Россия гегемоном тоже не стала, но отбилась от захватчиков и не дала создать «однополярную Европу». Таким образом, «свободолубивая» и в особенности толерантная Европа обязана своим существованием России. Без неё феномен Запада был бы качественно иным, гораздо более близким к азиатским и восточноевропейским стандартам.

На способности отражать «нашествие с Запада» Российское централизованное государство держалось последние два века. Но эта функция, несмотря на мощнейший явный пиар, не имела такой мобилизующей силы, как оборона от степных кочевников, что показали события холодной войны.

Империи, основанием которых является оборона или нападение, не могут быть вечными. Это временный ответ на конкретный вызов. К великой имперской мечте о «вечности» относительно приблизились только китайцы, потому что основа их империи – обеспечение нормального функционирования сельского хозяйства. И китайская империя может действительно пасть только в случае завершения «раскрестьянивания» китайцев.

В результате большевистской революции государство переломило ход борьбы в свою пользу. Самоорганизация русских и, по сути, сам русский народ был им уничтожен.

В постсоветский период государство активно уничтожает теперь уже само себя. Она стало полной противоположностью историческому Государству Российскому, потому что больше не защищает русских людей

от агрессивных южан, а, наоборот, способствует их проникновению на территорию расселения русских.

И восстановлению оно фактически не подлежит, потому что нет самоорганизации русских, способных его восстановить, и которую оно же и погубило.

Таким образом, российская имперская государственность успешно справилась с основной из поставленных задач и блестяще решила огромное количество более или менее второстепенных.

Однако достигнуто это было чрезмерно дорогой ценой для русского народа, чрезмерной его насильственной трансформацией и разрушением традиционных структур и устоев. Последние 150–200 лет своего существования империя занималась борьбой за сохранение потерявших актуальность властных институтов и борьбой с русским народом, к сожалению, успешной.

Российская империя – это классический пример сильной и эффективной социальной организации, которая выполнила своё предназначение, но отказалась уходить с исторической сцены даже ценой уничтожения народа-носителя.

Русским нужно русское национальное государство, направленное на защиту этноса, а не самого себя.

4. Православие, идеократия, кротость, выпивка, казаки и прочее

Православие в жизни русских

Роль православия в жизни русских – предмет различных мифов и спекуляций самой разной «идейной направленности», но одинаково ложных. Попробуем же рассмотреть этот вопрос в объективном ключе.

Что дало Руси принятие православия? Допустим, православие не способствовало появлению на Руси управленческих принципов, новых технологий и нового уклада жизни. Всё это нередко неплохо развивалось у русских и без влияния православия вплоть до прихода к власти большевиков. Например, в России вообще не утвердились традиции византийского права, за исключением узкоцерковного применения. А в целом право из древнерусского постепенно стало европейским.

Но основная социальная составляющая мировой религии – обеспечение единства большого количества людей на больших территориях. Вот с этим православие справилось хорошо. Оно дало легитимность киевскому единодержавию, которое, хоть и было достаточно условным, очень способствовало обороне Руси от кочевников, что помогло расцвести блестящей древнерусской городской жизни.

Но в гораздо большей степени православие способствовало развитию древнерусской городской жизни в ментальном плане через утверждение представления о «своих» в широком смысле этого слова. Благодаря православию это понятие резко расширилось, выйдя за пределы узкой родственной или территориальной общины, что было совершенно необходимо для организации мирной и полноценной городской жизни. Вот почему православие утверждалось, прежде всего, в городах.

Православие с древнейших времён и по сей день выполняет ещё одну важнейшую функцию. Оно помогает людям самореализоваться и обрести подлинное человеческое счастье, прежде всего, в религии, потому что все остальное вторично. Православие помогло это сделать самым разным людям: от государя и митрополита до нищего на паперти.

В язычестве же человек может самореализовываться и обретать счастье исключительно в цельном бытовом комплексе, включающем и хозяйство, и социальный статус, и семейную жизнь, и многое другое. И в случае чего мирскую составляющую языческая религия заменить может очень слабо, разве что для особо продвинутого волхва или шамана, но для «обычного человека» – это уровень индуизма и даосизма, которым древнерусское язычество явно уступало.

Монголо-татарское нашествие, последующее соби́рание земель Москвой и создание Русского централизованного государства привели к подлинному Крещению Руси и изживанию существовавшего ранее православно-языческого равновесия. И не потому, что «подлые попы» наводили отряды ордынских карателей на лесные капища, а потому, что полетела в тартарары основа язычества – старый, устойчивый быт. Сначала – по причине жесточайшего разорения и террора захватчиков. Затем нормальная жизнь постепенно возродилась, но уже на других основаниях и фактически в другом мире, где стало гораздо меньше свободы, но больше иерархии и дисциплины, и в гораздо большей степени стало не добровольным, а вынужденным. В таких условиях многие народы хирели и ассимилировались, но не русские. В православии они нашли мощный механизм психологической адаптации и компенсации. Православие позволило очень многим подняться над «бытом» и обрести полноценную внутреннюю свободу, не зависящую от внешних обстоятельств.

В Московской Руси и Российской империи православие играло важнейшую роль, хотя и его положение было противоречивым. Светская власть в России была очень сильна и постоянно «ревновала» к православию, боролась с ним за влияние на народ. Это и поддержка иосифлян, и экзерциссы Ивана Грозного, и раскол, и фактическое гнобление церкви в XVIII столетии.

Уровень религиозности русских не был при этом низким. Он был, скорее, неровным. Обрядоверие, светскость и равнодушие одних искупалось подвижничеством других: «Петровщина», вольтерьянство и масонство XVIII – начала XIX века и блаженная Ксения Петербургская, глубоко верующие крупнейшие полководцы Суворов и Ушаков. При нарастании светских тенденций противоречивое равновесие сохранялось и позже: с одной стороны, нигилисты, марксисты, толстовство, а с другой – святой Иоанн Кронштадтский, святые царской семьи, многочисленные новомученики.

Православие оставалось мощнейшей этнообразующей основой русскости. Например, прежде всего благодаря вере сохраняли русскую идентичность эмигранты-старообрядцы, российскую государственность на дух не переносившие.

Много пишут о том, что в Российской империи был слабо унифицирован быт, и разные народы в ней жили совершенно по-разному. Но великороссов это касается едва ли не в большей степени. Даже русские крестьяне, их быт, устои и ментальность в разных уголках страны имели друг с другом мало общего. Да даже живущие по соседству общины «великорусских пахарей» иногда были совершенно не сходны друг с другом! Абсолютно разный быт и уровень их религиозности. Он сильно отличался у различных групп в разных местах и в разные временные периоды.

Но это ни в коей мере не умаляет роль православия для русской идентичности, но даже значительно её по-

вышает. Православие было одним из немногих сильных этнообразующих признаков русского народа по причине слабой интегрированности этноса как такового. Отчасти ситуация сходна с испанской, где идентичность представителей фактически разных этносов держалась во многом на общности вероисповедания. И эта идентичность стала «сыпаться» с ослаблением религиозности. Также ослабление православной религиозности стало одной из многих причин, приведших к революции и Гражданской войне в России. Великороссов связывало мало что другое.

А в более ранний период православие играло очень важную роль при всей неровности следования его заветам.

Вот приезжает на Нижегородскую ярмарку владелец мастерской из Тулы сбывать товар и договаривается с торговцами-волгарами – жителями иного региона и иного ментального склада. И те и другие, быть может, не сильно набожные, но православные, и на вереве во многом держится их доверие друг к другу в сугубо мирской сделке. И механизм этот работал достаточно эффективно, иначе ярмарка попросту перестала бы существовать.

Советско-постсоветский востоковед и религиовед Л. С. Васильев в своих популярных учебных пособиях нередко критиковал православие в России. Дескать, не выработало оно у русских единого, чёткого, стабильного стереотипа поведения. Отчасти критика эта верна. Стереотип поведения русских изрядно разнообразен и не стабилен и по сей день. Но православие в эпоху наибольшего влияния под конец XIX столетия играло другую роль, очень важную и своеобразную. Оно не навязывало русским единого железобетонного стандарта поведения, как ислам или конфуцианство. Но оно весьма эффективно примиряло очень разных, по-разному себя ведущих русских друг с другом, учило их взаим-

ной терпимости и взаимоподдержке при всех различиях, доброму отношению и взаимному уважению.

Сравнительная толерантность русских к «чужому» происходит не от пресловутого «интернационализма», а от базирующихся на православии принципах, прежде всего, внутрирусской терпимости, необходимой для сохранения единства в условиях очень больших различий как между разными группами русских, так и между разными русскими внутри одной группы.

В советское время православие было мало заметно, но функционировало, и очень по-разному, как в виде непримиримых подпольных общин, так и в среде людей, так или иначе принимавших новый образ жизни. Но в большей степени – в виде светской этики, которую обзывали «коммунистической», «бытовой» и пр. По крайней мере, продолжали цениться альтруизм, помощь людям и пр. Однако фактически полностью западный буржуазный образ жизни позднесоветского времени наряду с подавлением любой самоорганизации к началу 1990-х годов эти принципы из жизни фактически выдал.

И когда православие было полностью легализовано и получило статус «полугосударственной» религии, был очень подорван его фундамент – стереотип поведения, основанный на русских коллективах выживания (общинных, семейных), которые к концу советского времени были разрушены.

И в настоящее время русское православие находится в некоем подвешенном состоянии. Имеет место возрождение внешнего блеска и социального статуса. Статус священника и уровень его благосостояния самый высокий с момента крещения Руси! Выросло число верующих и пр.

Только это во многом золотые купола без фундамента. Хорошо, если традиционный стереотип поведения, включающий альтруизм, коллективизм, привержен-

ность традициям, присущ хотя бы одному проценту русских. Церковь сверху донизу наполнена современными постмодернистами: атомизированными, далёкими от традиционного уклада и не всегда верящими в Бога...

Церковь изнутри поглощена современным обществом и современным бытом, и её членам очень трудно подняться над ним. А ведь возможность жить, помимо быта и мирских условностей, хоть как-то отдаляться от них – основная сила мировой религии, которая помогла христианству укрепиться на Руси после монголо-татар. А сейчас это развито слабо. И многие люди, пережившие крушение быта и старого уклада в постсоветский период, не нашли в церкви ничего, кроме того же полуразвалившегося уклада, так же как какие-нибудь позднеримские язычники, которые известно чем закончили...

Является ли современное православие этнообразующим элементом русского народа? Опять подвешенное, половинчатое состояние. Возможности современного православия в этом отношении очень ослаблены. Во многом этнообразующим элементом для русских теперь служит советское наследие. Именно коммунисты в большой степени унифицировали и подогнули русских под единый стандарт, который до сих пор худо-бедно работает, но советскость тоже очень ослаблена и постепенно размывается. В «плане религии» на месте православия ничего не видно. Надежды хоть баптистов, хоть исламистов, хоть родноверов жизнь не оправдывают. Отнюдь не «замоленный» пограничник Евгений Родионов отдал жизнь за крестик. Так что православие безальтернативно, хотя и «справляется» из рук вон плохо.

Последователи любой мировой религии делятся на сравнительно небольшое ядро, для членов которого религия гораздо больше, чем часть быта, и на огромную

периферию, для представителей которой религия не более чем его часть.

Полноценно мировая религия может существовать только в обществе, где массово распространены коллективы выживания и многоуровневая самоорганизация, потому что они объединяют и представителей ядра, и периферии в единое целое.

Наше общество атомизировано, не обладает развитой системой коллективов выживания. Поэтому ядро русского православия и его периферия всё больше обособляются. Одновременно ядро дробится, потому что объединять современных русских в единое целое у православия не получается. Наоборот, нарастает отчуждение «религиозных русских» от «просто русских». Вот уранополиты вообще заявляли, что они – православные и к «национальностям» не относятся. А лидеры РОИС заявили, что саудовские ваххабиты им ближе русских атеистов.

Да и сами православные РПЦ МП активно друг с другом размежевались. Тут и уранополиты, и диакон Андрей Кураев, и «движение Кочеткова – Привалова». В своё время многие православные активно заявили о желании реорганизоваться на основе компактных общин и союзов общин «для своих». Громоздкая и холодная иерархия патриархата стала для них фактически чужой. И очень многие русские православные для других русских православных – никакие не братья. Существует прямая перспектива реформатирования в течение XXI века единой монархической структуры в несколько фактически независимых движений наподобие старообрядческих согласов. Патриархат уже – чисто административная структура, не имеющая духовного и идейного единства.

Патриарх Кирилл это очень остро осознает и поэтому насаждает в церкви жёсткое администрирование и «вертикаль власти». Популярных священников и их

общины зачищают. Гнобят видного идеолога о. диакона Андрея Кураева.

Только это не выход. Административные меры могут дать только временный, косметический эффект, тем более что они ослабляют ядро церкви, подавляя коллективы наиболее активных и энергичных прихожан. Тем более что многие нынешние «исполнители патриаршей воли» начнут вести самостоятельную политику при малейшей возможности, ибо зачастую честолюбивы до крайности...

Православные в России так и не сложились в особый квазисубэтнос: церковное начальство относится к квазисубэтносу власть имущих, либералы – к квазисубэтносу либералов, патриоты и консерваторы – к различным наноквазисубэтносам. Есть ещё различные общины и группы и большинство, ни к каким объединениям не относящееся. Русское православие продолжает быть моделью народа в целом, несмотря на попытки уранополитов создать собственный православный квазисубэтнос.

Нынешняя церковная жизнь очень зависит от государства. И в случае смены режима нынешнее «подвешенное состояние» закончится и вертикаль церковной власти неминуемо «пойдёт в разнос», как бы ни силился её укрепить нынешний патриарх. Тем более что его деятельность нередко дискредитирует церковь и открывает простор честолюбцам, что может закончиться полной и окончательной дезинтеграцией вместе с резким падением влияния на русский народ, если, конечно, не появятся подвижники, равные св. Сергию Радонежскому или Иоанну Кронштадтскому...

В любом случае сообщества православных людей в России будут продолжать существовать.

О русской идеократии

Существует мнение, что без возвышенной идеи и каких-то абстрактных воззрений русский человек жить не может: мается, морально разлагается и т. д.

На деле среди русских, самобытных индивидуалистов, во все века было очень распространено скептическое отношение к любым идеалам, возвышенным и менее возвышенным, к любым поведенческим доктринам и нормам жизни. Скепсис очень часто не мешал талантливым, хитрым и артистичным русским имитировать энтузиазм по отношению к чему угодно: становиться епископами, секретарями по идеологии и пр. У скептиков это нередко получалось гораздо лучше, чем у истинно верующих. И жили они прекрасно. И русская идеократия зачастую является таковой имитацией.

Хотя очень часто русские истово разделяли какую-либо идею. И таких было не меньше, особенно до наступления постмодерна.

Однако понятно, что ничего специфически русского в подобной ситуации нет. Однако у русских с идеократией всё же особые отношения.

От многих явлений «идеократического» порядка напрямую зависело этническое единство великороссов, прежде всего от православия и монархизма. Причём это были явления этноконструирующего порядка и поэтому охватывали не самых набожных и не замороженных на монархии людей. Оба явления для многих были умеренно фоновыми. Только вот когда они достаточно ослабли, единство русских оказалось под очень большим вопросом, потому что крайне социально и географически неоднородно связывало изнутри весьма немногое. Именно последнее было причиной важности некоторых идеологем.

Всё это в немалой степени напоминает ситуацию в такой стране, как Испания.

Поразительно, но то же самое можно сказать и о принципах внутреннего размежевания русских. Размежёвываться начиная с позапрошлого века хотели очень многие. Но социальных, территориальных маркеров явно не хватало, тем более что сильной территориальной идентичности во многих регионах не было. И надо было, например, размежёвываться жителям обеих столиц.

И в ход пошли различные идеологические концепции. Даже и до сих пор они являются основой существования некоторых русских квазисубэтносов – субкультур. Здесь уж верит человек или не верит, а вид делать должен, как в поздней КПСС.

Все идеологические и воспитательные системы воздействуют на русских очень выборочно: что одному русскому хорошо, то другому смерть.

Консерватизм у русских

Многие пишут, что русские очень консервативный народ. Причём эта оценка может иметь как позитивный, так и негативный смысл. В настоящее время в консервативности русских начали изрядно сомневаться. Внешне у нас всё очень вестернизировано, отмечаются господство политкорректности и большая роль либерализма. И от исконно русских традиций остались во многом малоубедительные реконструкции.

В обоих взглядах на проблему есть своя доля истины. Консерватизм у русских действительно сильный и глубокий, хотя и неспособный задержать изменения, характерные для всего Запада.

Но проявляется совершенно по-другому, не так как у обычных восточных или западных людей. Никакой приверженности к форме, как это водится у обычных консерваторов, у русских нет и в помине. Вывески, всяческий декорум и форму как таковую русские отбрасывают с лёгкостью необыкновенной. Часто – с азартом и пафосом. При этом они не склонны менять содержание, а новую форму с большой практичностью и сноровкой используют для маскировки старого, чтобы оно могло жить полной жизнью и чтобы никто ему не мешал. В том числе бывает, что и «старое вино в новых мехах» скрывают от самих себя. Поэтому среди русских так велика роль вывесок, парадных ценностей, «реформ» и иногда полуосознанного или неосознанного лицемерия. (Нынешние народы стары, и лицемерия хватает среди всех, но у всех оно разное.)

Приведём несколько примеров этого.

Взять хотя бы принятие русскими христианства. Многие наблюдатели отмечают характерный для многих русских «паганизм» мировоззрения, отношения к жизни: и простого мужика, и великого поэта Тютчева. Это и магизм, и пантеизм, и предпочтение местного

субэтнического, сословного (или даже сельского) «ада-та» собственно христианским ценностям.

Но что мы знаем о древнерусском язычестве? Где наш русский Снорри Стурлусон? Где Перун и Велес в русских былинах? Достоверной информации – минимум! Перфектологические реконструкции академика Б. А. Рыбакова, вызывающие массу сомнений и нареканий, и очень научные призывы Н. И. Толстого быть со всеми сведениями о древнерусском язычестве крайне осторожными.

Конечно, можно вполне логично объяснить это последствиями татаро-монгольского нашествия и «духовной цензурой» московского времени. Но и в последнем случае пренебрежение к конкретному наследию предков не помешало следовать его духу...

Другие народы и религиозные группы поступили по-другому. Например, зороастрийцы и абхазы предпочли приспособить свою древнюю религию к требованиям единобожия, но саму религию, пусть и в видоизменённом виде, сохранить.

Хотя к огромному числу русских всё вышесказанное никак не относится. Никогда, дорогой читатель, не стриги русских под одну гребёнку! Мы всегда были очень разными – и в хорошем, и в дурном.

Поэтому среди русских всегда существовала масса истинных и верных христиан не только по названию, но и по сути. Целые группы населения очень трепетно относились к своей христианской вере, например старообрядцы, советские православные времён гонений. И далеко не только они. Многие крестьянские волости веками превосходили своих соседей в набожности.

Религиозное, православное сознание было присуще многим правоверным коммунистам-атеистам.

Другой пример – как многие правоверные коммунисты вдруг оказались истинно православными?! И далеко не из-за одного голого расчёта. И без православия у

нас в стране можно жить припеваюче. Но одновременно эти люди так и остались по сути позднесоветскими коммунистами...

А возмём традиционное деление русских на территориальные полисы – субэтносы, реальные (в отличие от русского народа в целом) единицы политической субъектности. Региональная независимость и самоуправление к XVIII веку были полностью ликвидированы. Тогда же полисами – политическими субъектами стали социальные (и близкие к таковым) группы: дворяне, крестьяне, интеллигенты, уголовники, коммунисты и пр., которые традиционно мало интересовались «общерусскими» интересами и тянули одеяло на себя. Недаром Л. Н. Гумилев называл русские сословия «субэтносами». А отдельные субэтносы составляло население древнерусских земель, как и в настоящее время. «Начальство» у нас в значительной степени – отдельный народ, который строит отношения с другими народами, исходя из своих интересов, а не исходя из неких «общерусских интересов».

На Украине, например, все гораздо консервативнее и в плане формы. Политическая идентичность, как и в Древней Руси, в значительной степени соответствует региональной. А различные регионы Украины разительно отличаются и в субэтническом, и языковом плане.

В Великобритании так и не отменили королевскую власть, и есть палата лордов, хотя полномочий у королевы практически нет, а палату лордов не раз реформировали, разбавляя потомков участников крестовых походов передовиками производства. Словом, форму и институт оставили, а содержания лишили.

В России в 1917 году монархию отменили. А в своё время великого князя переименовали в царя, царя – в императора, императора в генсека, генсека – в президента. При этом культ верховного правителя – Хозяина

Земли Русской, продолжает успешно функционировать с XV по XXI столетие.

Вся история Советского Союза – иллюстрация тезиса о специфике русского консерватизма. Советский режим отрицал и поносил Российскую империю. Но именно он в полной мере реализовал её потенциал, довёл до логического (иногда абсурдного) завершения многие её особенности.

О специфике российского «охранительства» очень точно написал Олег Неменский. Оно поддерживает не какой-то конкретный режим, а власть как таковую, любую власть.

В качестве вывески со второй половины XIX века в России существует судебная система западного типа. Однако судьбы людей решаются как и в XVII веке царём, воеводами и приказом тайных дел. Даже при законопослушной позднеимперской власти людей часто наказывали внесудебным порядком, не говоря уже о советской и постсоветской власти. И в демократической Киевской Руси за пределами чисто церковных дел римское право не применяли. Всё решали или самые сильные и сплочённые, или самые многочисленные.

Хотя уважения к своим законам в Древней Руси было не в пример больше. Не мог в 1071 году Ян Вышатич казнить волхвов-бунтовщиков без княжеского суда, хотя были они редкостные изуверы и отморозки и нелояльны власти, но Русская Правда не позволяла. Пришлось выдать волхвов на расправу родственникам жертв ритуальных убийств, чтобы те расправились с ними согласно разрешённой кровной мести.

Хотя, опять повторяюсь, русские всегда были очень разными. Было немало и «классических» консерваторов, не отделявших форму от содержания: те же самые старообрядцы или казаки, многие из которых в разных войсках были старообрядцами. Казаки долгое время успешно отстаивали хотя бы ограниченную, но воз-

возможность жить «как в Киевской Руси», право русских людей быть свободными, иметь свою землю и самоуправление.

Были у нас и наивные, прекраснодушные реформаторы, свято веровавшие, что изменение вывесок есть изменение сути. Ими являлись революционные интеллигенты царских времён, некоторые ранние «коммунисты-ленинцы». Таких «нормальные люди» используют для срывания старых вывесок и прибавления новых, а потом так или иначе уничтожают. Именно так Сталин поступил с левыми интеллигентами и коммунистами-ленинцами.

С началом перестройки многие прекраснодушные интеллигенты поверили, что у нас теперь «как на Западе». И надо, например, заниматься бизнесом или независимой журналистикой. «Нормальные люди» использовали их, чтобы прийти к власти и забрать все богатства страны себе, а потом некоторых убили, других, обобрав, выкинули за границу. Самые умные сами сбежали, хотя бы с частью средств.

И постсоветская Россия не стала большим Западом, чем в XVII веке. Точно так же осталась специфической часть Большого Запада, которая идёт к общей цели (неофеодализму) специфическим и наиболее быстрым путём.

Наша страна только сильно деградировала и всесторонне ослабла, а суть осталась прежней. Либералы (из «нормальных людей») часто социально выросли и немало заработали, но ничего нового не построили. Только помогли «перестроившимся» партаппаратчикам всё сломать.

Взять ту же современную политкорректность в России и поклонение «малым» народам, особенно некоторым. Это всего лишь доведённые до абсурда принципы национальной политики Российской империи и Советского Союза, где нерусские фамилии «начальников» в

отдельные периоды были скорее нормой, чем исключением.

Конечно, русские – народ индивидуалистический, что способствовало многочисленным реальным изменениям, которые быстро наступали после усиления влияния очередных «авторитетных людей» или их падения.

Оформлялись и исчезали государства, достигала высот и деградировала культура, трансформировались и исчезли коллективы выживания. Но в любом случае изменение вывесок и форм у русских всегда опережает и опережало реальные изменения сути.

Конечно, под влиянием глобальных этнополитических перемен менталитет русских может радикально измениться под влиянием «великого переселения народов», крушения современной государственности. Но это будут уже потомки русских, а не сами русские: итальянцы, испанцы и французы, а не римляне.

И их менталитет будет изрядно отличаться от такового у современных русских. Подействует и «совместное проживание» с носителями ну очень других культур, и отсутствие «панциря – врага» в виде «своего» государства, внутри которого русские жили последние 500 лет.

Суть казачества

Не первое десятилетие тянется дискуссия по вопросу: что же такое казачество? В ход идёт и официальная доктрина царской России о государевых слугах, и советская теория о полупривилегированном сословии, и наработки эмигрантских и современных вольноказачийцев о древнем и совершенно самостоятельном казачьем народе – ровеснике едва ли не троянцев или неандертальцев.

Как же на самом деле появились казаки? Славянское вольное казачество стало следствием своеобразного «гражданского протеста» своего времени против ущемления традиционных прав русских самоуправляющихся общин. Это связано с созданием двух государств: Московской Руси и Речи Посполитой и крушением исконно русского социального порядка. Какого?

Этот порядок великолепно описывается известным историком И. Я. Фрояновым, например, в написанной в соавторстве с А. Ю. Дворниченко эпохальной работе «Города – государства Древней Руси». Древнерусские города и земли были весьма и весьма демократичными «общинами без первобытности». Наличие князей и высокий уровень культуры и экономики не делали эти общины феодальными монархиями. Подлинная власть в большинстве из них принадлежала собранию полноправных мужчин – вечу. Очень сильна была и местная городская аристократия. Князь же фактически был одним из общинных магистратов, пусть и очень важным.

Древнерусская «община без первобытности» типологически идентична античному полису или северокавказскому «вольному обществу» (при этом последнее стояло на относительно низком уровне развития).

В период монголо-татарского нашествия русская «полисная» социальная система перенесла жестокий удар и стала трансформироваться в направлении фео-

дализации и авторитаризма, не без влияния завоевателей с востока. В XV–XVI веках она была окончательно уничтожена. Символическим актом этого стал увоз Иваном III вечеревого колокола из Новгорода.

Прежний порядок жизни был разрушен жесточайшим образом. Местное самоуправление и древние вольнолюбивые обычаи уничтожались и подавлялись. Многие представители местной элиты (и не только элиты) лишались прав и имущества, подвергались депортации. В Речи Посполитой к этому примешивался религиозный и национальный гнёт. В Московской Руси тоже хватало неприятностей. Недаром Иван III стал первым российским государем, которого «на местах» называли антихристом.

Происходящая историческая трансформация была исторически необходимой для выживания в крайне враждебном окружении. Но людям от этого было не легче. В собственном русском государстве русским людям едва ли не столь же было плохо, как и при польском иноплеменном режиме.

Это, а также распад Золотой Орды и относительное безвластие в западном сегменте Великой Степи предопределили появление казачества.

Сам социальный институт казаков-изгоев, ведших жизнь социально и территориально вне общества, восточные славяне заимствовали у тюрков. Эти изгои по традиции были вооружены, занимались войной, разбоем и охотой. Например, казаком одно время был основатель династии Великих Моголов Бабур. По данным турецких архивов, некоторые самые ранние атаманы на Дону носили тюркские имена и прозвища.

Но славяне подняли социальный институт казачества на качественно новый уровень. Казачество стало многочисленным и организованным, превратилось в особую самостоятельную политическую силу, независимую от сопредельных как мусульманских, так и христианских государств.

У организационной и ментальной составляющей вольного казачества есть три составляющих: мужской союз, тесно связанная с ним ментальность привилегированных профессиональных воинов и идеология вкуче с самоорганизацией независимой и свободной восточнославянской общины. Последний элемент был самым важным.

Мужской же союз – широко известное этнографическое явление. В него традиционно объединялись юноши, проходящие инициацию. Они должны были продемонстрировать особо выраженную мужественность, воинственность и пр. Мужской союз, иногда тайный, также объединял всевозможных высокостатусных мужчин, в большей степени воинов.

Наиболее наглядным признаком присутствия в казачьей среде идеологом мужского союза являлось безбрачие ранних донских и запорожских казаков.

Мировоззрение древнерусских воинов-дружинников проявлялось в представлении о договорных отношениях с государем-сюзереном, которые можно было свободно разорвать. Казаки также чувствовали свою избранность и особую значимость.

Представители казакского направления часто пишут о том, что беглые холопы и крестьяне не смогли бы выжить в Диком Поле. Но первыми казаками, скорее всего, были профессиональные воины, которых выгнал в степь произвол нового московского и варшавского порядка. Также среди первых казаков было немало вольных крестьян-промысловиков, так называемых «бобровников», «сокольников», «подлазников». Они занимались профессиональным охотничьим промыслом, в том числе и в Диком Поле. Например, немало рязанских промысловиков имели на Дону охотничьи участки – «ухожаи». До XV века промысловые общины были наделены значительными правами и льготами, которые впоследствии всё больше урезались.

Крепостные крестьяне стали присоединяться позже к уже сложившимся коллективам, сохранившим воинские традиции, и развивали их дальше. Казаки были эффективной вооружённой силой евразийского масштаба.

Уйдя в степь, казаки восстановили там традиции вольных общин – одну из самых главных ценностей в своей жизни. Все члены общины, по крайней мере формально, были равны между собой и управлялись выборными магистратами. Все казаки имели определённые права и обязанности. Сам термин «войско» говорит о том, что казаки осмысливали свои объединения как союзы равноправных вооружённых граждан. (Этот термин использовался далеко не только славянами. Слова, которыми аварцы, даргинцы и лакцы называли свои «вольные общества», также переводятся на русский язык, как «войско».)

Общины были фактически независимы от иностранных государств. Например, московское государство взаимодействовало с казаками через Посольский приказ, как и с иностранными державами. При этом, например, вольные донские казаки почитали московского царя как высшую власть. Но эта власть понималась в сакральном, духовно-символическом плане. Какое-либо реальное вмешательство царя в жизнь казаков пресекалось. Во многом казачьи отношения с сюзереном соответствовали древнерусским «полисным традициям. (Само существование вольного казачества – одно из важнейших доказательств верности теории Фроянова – Дворниченко.)

Казачество стало воплощённой в жизнь консервативной утопией, осуществлением мечты восточных славян о свободной жизни в свободной общине.

Но утопия не может длиться долго. К концу XVII – началу XVIII века многое изменилось: исчезло прежнее равенство, в казачьей среде резко выделилась эли-

та («старшина») и нищие низы («голытьба», «голота»), последние действительно происходили в основном из крепостных крестьян, и их казачий статус можно было оспорить. Отношение между ними становилось всё более конфликтными. Жизнеспособность казачьих «республик», держащихся на солидарности, оказалась под угрозой. Одновременно многократно возросла сила Российского государства, становящегося абсолютной монархией. Оно не могло больше терпеть неподконтрольные себе общности, своим существованием пропагандирующие старорусские вольности. В течение XVIII столетия была уничтожена Запорожская Сечь, подчинён Дон.

Но российская государственность имперского периода стояла перед многими проблемами. Она была стеснена в силах и средствах, Причём перед ней стояли масштабные задачи. Мозаичное сословное общество допускало существование весьма разных социальных укладов. Оно нуждалось в неприхотливых, дешёво обходящихся казне воинах, особенно на плохо освоенных окраинах.

Таким образом, казачество было подчинено, но сохранено. Казаки получили официальный статус полупривилегированного военно-служилого сословия, отчасти такой, который имели дворяне в допетровской Руси. Казачьи войска из «независимых республик» превратились в особые военно-административные территории империи.

Государство не просто подчинило казачество. Оно во многом вывело его из первого системного кризиса, как организационного, так и духовного. Государственные установления, ценности верной службы императору во многом заменили саморегулирование и идеалы вольной общины. Длительное и целенаправленное участие государства сформировало новый облик казачьих войск.

Особенно это касалось казаков, переселённых на новые территории, таких, например, как черноморцы и линейцы, – будущих кубанцев. Казаки, особенно черноморцы, после переселения на Кубань находились в весьма плачевном состоянии. (Бывших запорожцев с самого начала из них было всего лишь чуть больше 30 процентов). Они были очень бедны и не являлись по-настоящему мужественными и умелыми воинами.

И государство кропотливо и целеустремлённо работало с ними: улучшало военную организацию и обучение, стремилось полюбовно разрешить земельные споры элиты и рядовых казаков. И к середине XIX столетия казаки на Кубани стали экономически достаточно состоятельными и весьма боеспособными, так же как и другие казачьи войска.

Но сохранилось низовое (станичное) казачье самоуправление. Казаки не стали целиком и полностью «государственными» людьми, сохранив свою древнерусскую специфику. Казаков отличало особенно чёткое понимание различия своих и чужих, причём к своим было принято относиться с подчёркнутым дружелюбием. Например, в казачьих военных учебных заведениях пресекался так называемый «цук» – прообраз дедовщины. Он считался постыдным и «неказачьим». Зачастую достаточно тёплыми и человечными были отношения в казачьих частях, сформировавшихся из земляков. Казаки в большей степени отличались подчёркнуто человечным, а не государственно-наплевательским отношением к своим. Даже в имперских казачьих войсках XIX века люди, не желавшие жить в общеимперском пространстве, могли найти себе убежище. Казачьи коллективы выживания отличались прочностью и сплочённостью.

В среде казаков сохранялись и некоторые древнерусские обряды, например «постриги» на Дону. Годовалого мальчика сажали на коня и постригали ему волосы.

У вольных казаков не было особой казачьей этничности. Они считали себя русскими или украинцами. Об этом напрямую говорят такие памятники казачьей мысли, как донская «Повесть об азовском сидении». И в имперский период особая этничность не была развита в «новых» казачьих войсках, таких как Уссурийское, Семиреченское. Также она не была развита и в Сибири. Там местное самосознание объединяло всех сибиряков, независимо от принадлежности к «войсковому сословию».

В других войсках, таких как Донское и Кубанское, собственная этничность постепенно сложилась: как в среде элиты, так и в среде рядовых казаков появились такие представления, как «Я русский по языку и по вере православной, а не по природе», «Я русской, а не москаль».

Но и донцы, и кубанцы не стали самостоятельными народами. Они остались субэтносами русских. (Слишком многие казаки не отделяли и не отделяют себя от русского народа, к тому же казачья этничность очень сильно зависела от подпорки сословных прав.) Это относится и к кубанским черноморцам, первоначально бывшим украинцами. Их быстрой добровольной русификации способствовали относительно хорошо развитая, в отличие от Украины, система школьного образования и массовая военная служба.

Таким образом, исторически казачество не было чем-то отличным от русских. Просто казаки сохраняли многое из того, что забыли и утратили другие русские.

В конце XIX – начале XX века казачество вступило в очередной системный кризис, на этот раз вместе с империей. Традиционный уклад жизни менялся на капиталистический. Вновь резко активизировалось социальное расслоение в казачьей среде. Одни (меньшинство) стали стремительно богатеть, другие (и гораздо больший процент) – беднеть. Размывался средний слой

казачества. Казачий образ жизни тяготил уже весьма многих казаков. Земля и привилегии не покрывали расходов на службу, которых казаки несли самостоятельно, например на содержание строевого коня. Да и с хозяйством без мужских рук было тяжело справляться и пр. Падал престиж казачьего состояния.

Постепенно земли стало не хватать. В казачьих областях появилась масса выходцев из других мест – иногородних. Они не имели равных с казаками прав, в особенности на землю. Но их влияние постоянно росло. Они привносили в казачьи регионы революционные настроения. Для казаков же была характерна политическая пассивность и конформизм. Большинство из них были за сохранение старины.

При этом казачьи устои общинных, семейных и других видов традиционных отношений стремительно размывались: падала нравственность, росло пьянство, учащались внутриказачьи конфликты.

Наступала эпоха общества модерна. А модерн абсолютно безжалостен к архаичным особенностям местных укладов жизни. Он жёстко устанавливает единые стандарты образа жизни. Сохранение островков Древней Руси более не представлялось возможным. Рассказывание было практически неизбежным. Это понимали очень многие образованные казаки.

Часть из них хотела спасти особую казачью идентичность путём провозглашения особых казачьих народов, которые должны были получить широкую автономию в будущем русском федеративном государстве, или даже полную независимость. (Это было особенно характерно для Дона и Кубани.) Наказы рядовых казаков периода революции и Гражданской войны показывают, что казаки хотели отказаться от обременительных обязанностей, таких как служба за собственный счёт), но при этом сохранить особые права – преимущества перед иногородними во владении землёй, автономию

войска. При этом о своей национальной принадлежности масса казаков не задумывалась. «Самостийнические» настроения захватили только часть элиты. Другая её часть ощущала себя очень даже русскими, но при этом и казаками. Эта ситуация сохранялась и в эмиграции: например, самостийники во главе с Г. Билым враждовали с «официальным» атаманом В. Г. Науменко. Похожая ситуация наблюдается и сейчас.

Включение казаков в единое общество модерна было быстрым, принудительным и чудовищно жестоким. Террор времён Гражданской войны, геноцид кавказцами на Тереке, коллективизация, голод 1933 года – всё это буквально надорвало казачество, а во многом просто уничтожило физически.

Хотя к концу 1930-х годов произошла относительная его реабилитация: например, появились казачьи части. Добровольческие казачьи формирования, такие как 4 гвардейский Кубанский корпус, покрыли себя славой на полях сражений. (Правда, люди, служившие в нём, рассказывали, что часть была интернациональная и казачьей специфики в ней почти не чувствовалось). Появился фильм «Кубанские казаки», песня «Едут, едут по Берлину...».

При Хрущёве была очередная вялая атака. Вялая потому, что атаковать было особо нечего. Но запрещались казачьи музыкальные коллективы и пр.

В годы застоя и до конца советской власти в некоторых регионах на всё казачье существовала стойкая, хотя и умеренная мода. Действовали музыкальные коллективы с казачьей спецификой, как известные профессиональные, так и местные любительские. В колхозах устраивались конные джигитовки. Некоторые эксцентричные старики ходили в папахах или даже в казачьей форме.

В романтический период 1990-х годов казачество начало вроде бы бурно возрождаться: появились тол-

пы людей с нагайками и в форме. Гремели имена деятелей культуры, таких как кубанский писатель В. И. Лихоносов. А тем временем в Чечне казачество было подвергнуто геноциду (вместе с остальным русским населением). Этнический состав всех казачьих регионов менялся не в пользу славян.

Раздавались грозные и широковещательные интервью, выпивалось море водки, и особо ничего не делалось. В нулевых годах возрождение казачества плавно сменилось его вырождением.

Выяснилось громадное количество неприятных вещей: это и отсутствие поддержки казачества (как и русских в целом) со стороны властей, и беззащитность казачьих лидеров перед любым начальством, и продажность и беспринципность этих самых лидеров, и невозможность возрождения казачьего землевладения и сельского хозяйства, и многое другое.

Но самое главное не это. Казаки во многом утратили какую-либо реальную казачью специфику, какое-либо отличие от другого славянского населения своего региона и в плане культуры (она в какой-то степени теплится только среди глубоких стариков), и в плане способности к самоорганизации, сплочённости, мужества. «В Хотьково, в Сагре, в Демьяново местные мужики дают в борьбе с этническим криминалом сто очков вперёд любым казакам», – сказал недавно один очень знающий казаковед.

Хотя есть и другие сведения. Опытные полевые исследователи пришли к выводу, что в тех районах Дона, где большинство населения – потомки казаков, мигрантов-мусульман меньше на порядок.

Но в целом казаки не смогли воссоздать свои когда-то эффективные и жизнеспособные коллективы выживания. Некоторые успехи есть, но они имеют исключительно местный характер и могут быть быстро «похерены», например со сменой атамана.

Большинство казачьих обществ фактически бездействует или выполняет исключительно декоративные функции. Всего лишь единицы казаков приходят на собрания своих обществ. В основном они – «мёртвые души». В одной из закубанских станиц на казачьи дежурства по поддержанию порядка выходили только двое внуков одного старого казака. И то до тех пор, пока их однажды не избили...

Если в 1990-е годы в казачество шли романтики и любители старины, то теперь это совершенно другие люди. Сейчас в казаки, прежде всего, идут парни, желающие после службы в армии работать в силовых структурах или охранных предприятиях. Казачество этому помогает. (С охраной была связана деятельность большинства кубанских казаков, поэтому своё войско кубанцы иногда называют «профсоюзом сторожей».) Огромные недостатки современного казачества, его непохожесть на традиционное напрямую объясняются политикой советской власти, а именно: очень последовательным и целенаправленным отрицательным отбором, гораздо более жёстким, чем в отношении других восточных славян.

Наиболее достойных жестоко уничтожали или «выдавливали» за рубеж. При этом активно и массированно поощрялись откровенные предатели или же бесхребетные соглашатели. В 1920–1930-х годах, например, на Кубани занимались целенаправленным привлечением казаков в партию наряду с женщинами, нацменами и пр. Из числа, например, армян могли выдвигать просто приличных, уважаемых людей. Для казачьего выдвиженца очень ценилась способность идти против своих.

Казачество находится под жесточайшим прессингом государства. Оно не способно к серьёзной деятельности без оглядки на власть. А власть не знает, для чего его приспособить. Такое своеобразное «пятое колесо в телеге российской бюрократии». И государство тупо

давит и ограничивает и прикармливает кое-кого, чтобы было удобнее это делать.

Руководящие должности в казачьих структурах занимают чиновники, бизнесмены и всевозможные отставники, которые занимаются преимущественно личным обогащением. Они слегка разбавлены экзальтированными фантазёрами. Люди, реально пытавшиеся работать на возрождение казачества, из него выдавлены или сидят, как Малодидов.

Крест на перспективах казачества в традиционных регионах ставит отток русской молодёжи из села. Здесь попросту нет работы. Земли захвачены агрохолдингами, которые весьма ограниченно используют местные рабочие руки или просто завозят гастарбайтеров.

Характерно смотрится казачье общество кубанской станицы Казанской, где очень напряжённые отношения с армянами. Его помещение – часть небольшого старинного дома. Оно большую часть времени закрыто, а открывается только для проведения шахматных турниров – едва ли не единственного вида деятельности местных казаков. В зарешеченное окошко виднеются пыльные шахматные доски...

Так что нельзя с уверенностью сказать, какое будущее ждёт казачьи субэтноты.

На чём же основываются всё более громкие крики казачьих самостийников о том, что казаки – это отдельный народ? Только ли на нелепых понтах? В основном на них, но не только. Найти что-то общее между первыми вольными казаками и их современными последователями очень трудно. И только народ, постоянно меняясь с веками, может оставаться самим собой. Народ, а не сословие или профессия. Поэтому здесь чувствуются отчаянные попытки сохранить казачью идентичность, как и у казакийцев Российской империи и эмиграции. К тому же русским быть униженно и немодно. Русский народ исчезает с лица земли. От таких

народов всегда стремятся отколоться. Существует слабая надежда, что независимому казачьему народу «поможет заграница». Эту надежду подогревают западные казаковеды, например британские.

Теоретически казачество – отличная форма самоорганизации русских. Но вот только на практике...

Некоторые исследователи считают, что казачество «оживёт» и будет востребовано, когда закончится путинская стабильность и вновь начнутся социальные пертурбации. Всё может быть. Поживём – увидим.

Семейные и гендерные отношения у русских

С формальной точки зрения в старину у русских господствовали разные формы патриархальной семьи, многопоколенной и малой, с превосходством старших и мужчин, с подчинённым положением женщин и младших.

Вот именно об этом, например, писалось в знаменитом «Домострое», который почему-то считается описанием классической старорусской семьи, что абсолютно не соответствует действительности. Всевозможные публицистические сочинения – это всегда личное мнение автора. И не более того. А если речь идёт об образе жизни русских, этот принцип значим вдвойне.

Конечно, «Домострой» – это не только авторская фантазия. Он отражает социальные реалии жизни богатых и знатных москвичей середины XVI столетия. Но большинство населения России того времени составляли небогатые, незнатные и немосквичи. И семейный быт у всех них отличался своеобразием. Особенно специфическим он был у ранних казаков, у которых семей было вообще мало, а немногочисленные женщины были пленницами.

Конечно, источников описания семейной жизни русских до XVIII столетия явно не хватает. Зато «Домострой» есть, вдобавок его спорность и публицистическая раскрученность.

Каково было в реальности положение главы русской семьи, его жены и взрослых детей (малолетних детей в любом случае держали весьма жёстко)? Как у польского короля или королевы...

Очень большое значение имели личные качества членов семьи, их деловые способности и черты характера: способность приращивать доход, эффективно руководить, «строить» своих сродников. На практике по-

жилые авторитетные женщины нередко возвышались над всеми остальными, включая мужчин. Тяжела была женская доля невесток, особенно младших. Они нередко долгое время фактически являлись рабынями всей семьи, среди них была высокая смертность (ещё раз вспомним жёсткое внутренне доминирование в славянских коллективах).

При этом каким-либо «авторитетам» очень часто кто-то решительно не подчинялся. Начиналось длительное и тяжёлое выяснение отношений, разделы, переделы и пр.

Всего этого нередко помогали избежать относительно тяжёлые условия. Тогда силе характера и деловой хватке покорялись все. И пол для лидера с возрастом не играл чрезмерно определяющей роли, достаточно было просто быть не слишком юным и иметь опыт.

При этом жизнь незамужних девушек у русских в целом была весьма свободной и насыщенной, а положение старых дев – крайне разнообразным: от забитой приживалки до окружённой почитанием духовной наставницы или руководительницы семейного бизнеса.

Так что в русской семье формально декларируемые традиционалистские принципы и реальность расходились нередко очень существенно, что определялось огромной ролью в жизни русских конкретных условий и ситуаций, а не шаблона. А эти условия – вне- и внутрисемейные – были крайне разнообразны.

Неурегулированность шаблонами многих вопросов нередко приводила к достаточно высокому уровню семейного насилия. Лидер чувствовал себя не слишком уверенно и постоянно нуждался в подтверждении своего статуса, защите его от реальных или мнимых покушений. Ведь де факто русская семья предполагала достаточно легитимную и открытую борьбу за лидерство. В семье этим было заниматься гораздо проще, чем в обществе, и принципы организации многих русских

семей отличались ярко выраженной эксклюзивностью. Очень часто яркими были исключения из правил.

А теперь необходимо добавить, что к громадному количеству русских семей в разные периоды истории всё вышеописанное совершенно не относится! У русских, несмотря на всё вышесказанное, было немало по-настоящему традиционалистских семей, которых можно было назвать «православными», «конфуцианскими» или «шариатскими».

В этих семьях всё регулировалось устоявшимися традициями, лидерам не приходилось никого «гнобить», а повиновались им не за страх, а за совесть. Особенно много было таких семей в некоторых субкультурных группах: у старообрядцев, казаков, среди родового купечества. Но и в других группах русских таких семей было немало.

Вспоминается рассказ одной старой казачки о своём отце. Он никого никогда в семье не обижал, не ругал и даже не критиковал. Но стоило ему слегка загрустить – и жена с детьми сразу же вспоминали о своих недоработках и упущениях и моментально их исправляли. Казаку не было необходимости даже говорить что-то.

Но традиции и устои, православная вера играли значительную роль даже не в слишком традиционалистских семьях. И в них они достаточно эффективно позволяли сглаживать чрезмерные и опасные крайности. Поэтому уходы из дома без гроша, убийства и самоубийства были редки, особенно в сравнении с более поздними временами.

Именно в условиях русского анархо-индивидуализма национальная и религиозная традиции оказались особенно важны! При их ослаблении слишком многие русские сорвались с цепи и пустились во все тяжкие. И, к сожалению, стали делать это именно в самой важной, семейной сфере жизни. Поэтому-то Россия – один из лидеров по количеству брошенных детей и разво-

дов. И некоторые русские гораздо уютнее чувствуют себя на войне, чем дома с семьёй.

Для народов с более «приглаженным» и упорядоченным менталитетом даже ещё больший, чем у русских отход от национальной традиции не является столь болезненным.

Подавление индивидуальности у русских

Конечно, русское общество нетерпимо к инакомыслию, непохожести и человеческому своеобразию, поскольку ко всему этому нетерпимо любое человеческое сообщество. А русские – тоже люди.

Однако русская нетерпимость к своеобразию имеет существенную специфику.

В очень многих культурах, как на Западе, так и на Востоке, своеобразие и личную самобытность целенаправленно подавляют в зародыше. Ей просто не дают появиться. В этом преуспели и американская, и китайская, и кавказская системы воспитания и многие другие.

Русское подавление личностной специфики другое. Оно, скорее, не предотвращает появление этой специфики, а реагирует на уже свершившийся факт.

Очень часто русское общество позволяет развиваться любой, порой весьма причудливой форме личной самобытности. Оно как бы не обращает на неё внимание. И она растёт и крепнет.

И общество может эту самобытность и не заметить. Если своеобразный человек не делает действительно чего-нибудь относительно серьёзного и значительного как в негативном, так и в позитивном смысле. Русский может быть очень своеобразным, и не очень это скрывать. Но если только он переступает некую черту, тогда система подавления включается, и порой весьма жёстко. Но поскольку давить что-либо лучше в зародыше, русский вид подавления своеобразия и самобытности сравнительно неэффективен. Носитель самобытности может быть так или иначе относительно быстро ликвидирован, а может продержаться довольно долго, или вообще победить «систему», как, например, Л. Н. Гумилёв победил и официальную идеологию, и историческую науку.

Но русская «система» кажется крайне агрессивной и нетерпимой потому, что вместо того, чтобы тихо пропалывать ростки, она борется с выросшими деревьями, отчего получается много шума.

К тому же русская система подавления начинает бороться с человеком тогда, когда в других культурах носителя слишком сильной самобытности, каким-то чудом уцелевшего при тотальной «прополке ростков», как раз оставляют в покое. Наоборот, начинают «продвигать» и даже превозносить, превращая в «столп общепринятости».

Вот этого русский добивается на более позднем этапе, или вообще не при жизни.

Во многом различные русские «авторитарности и устрожения» объясняются тем, что предполагается наличие «непрополотых» и «невыкорчеванных» очень своеобразных личностей во всех смыслах этого слова, существование которых признаётся и допускается. Но проявление их активности стремятся ограничить, в то время как в других культурах различные права и льготы предполагают предварительную «зачистку» желающих их слишком активно использовать.

Вынужденность в русской культуре

Много спорили о том, правильно или неправильно выстроили русские свою историю? Ошибочно или верно?

В действительности – не то и не другое. Историческое поведение великороссов было скорее вынужденным. Вызов был очень жёстким. И ответ на него был дан единственно возможный, но с очень большими издержками и негативными последствиями.

И это роднит русских со многими совершенно не родственными им незападными народами. В их истории тоже было очень много вынужденного, проявлявшегося по-разному. Но в любом случае социальная жизнь народов подвергалась деформации, частичному разрушению, искусственной или произвольной консервации, в отличие от Запада и особенно США, где отдельные социальные институты и сферы жизни развивались без столь сильного внешнего влияния, согласно своей внутренней логике.

Доминирование через сострадание

Все люди любят доминировать над чужаками, и в любом человеческом сообществе есть своя иерархия. Своеобразной неприятной чертой славянских сообществ был весьма высокий уровень доминирования внутри коллективов. Это наглядно демонстрирует высокий уровень развития у славян древности работоторговли, института холопства. Славянская дружина включала в себя как аристократов, так и рабов-отроков. Впоследствии это проявилось в отношениях дворянства и крестьянства в Речи Посполитой, Московской Руси и Российской империи, взять хотя бы российские тюремные, армейские, школьные нравы или отношения между начальниками и подчинёнными в трудовых коллективах.

Всё это постоянно грозило появлением в рамках социального целого слишком чуждых друг другу групп и страт и, соответственно, распадом этого целого.

Поэтому славяне издавна применяли различные, нередко яркие и действенные способы для ограничения этой, безусловно, опасной черты ментальности: например, создавались такие принципиально эгалитарные сообщества, как казачество, которое оставалось в значительной степени внутренне «перегороженным» даже в поздний период своего существования.

Особой интересной и широко известной придумкой стало «доминирование через сострадание», когда человек возвышался не через подавление другого, а через помощь этому другому. С одной стороны, эта идея возвышения через совершение благодеяния уходит в седую древность периода разложения первобытного общества, когда даритель напрямую возвышался над одариваемым и тот мог попасть в зависимость от него. На этот принцип наложилась христианская идея величия и душеполезности безвозмездного дара. По-

этому «доминирование через сострадание» особенно распространилось в христианскую эпоху и оказалось тесно связанным именно с христианством. И не только у русских. Особенную любовь к «маленькому и слабому» писатель Густав Майринк наблюдал у чехов.

В первую очередь такая форма доминирования помогла снизить уровень насилия и агрессии в обществе. Свою значительность могли показывать также и люди, не обличенные властью и привилегиями, например женщины.

Так что способность части русских, особенно в прошлом, «отдать последнюю рубашку» чаще всего не связана со сверхъестественной добротой или глупостью. Она – следствие чувства собственного достоинства, желания поддержать и повысить свой статус.

Отсюда – способность русских при военной победе оказывать милосердие побеждённым. Победы одерживали наиболее мужественные русские. А мужественность склонна к доминированию. Именно отсюда происходит отмеченное Светланой Лурье «имперское» желание русских иметь у себя под крылом «народы-клиенты», которых нужно «спасать».

Такой вид доминирования часто приводил к чрезмерно позитивному отношению не только к попавшим в беду, но и вообще к слабости, неспособности, незадачливости, пассивности и инфантильности, к тому, над чем легко было доминировать, совершая благодеяния, что, мягко говоря, часто мешало социальной активности и эффективности социальных институтов и иногда прямо приводило к отрицательному отбору.

Громадное количество очень жизнеспособных и практичных русских активно паразитировали на «доминировании через сострадание». Они брали на себя роль инфантильных недотёп и глупцов и прекрасно жили в тех условиях, где активные, умные и сильные доминанты один за другим клали головы, особенно

если пытались противопоставить себя либо начальству, либо простому большинству.

Современное русское общество изрядно дехристианизировано. И система доминирования во многом вернулась в первобытные формы, сопряжённые с принуждением и насилием. И если в древности низших активно называли «холопами», «челядинами» – изначально детьми, младшими домочадцами, то теперь «п..орами», то есть пассивными гомосексуалистами, так как терминология происходит из закрытых мужских сообществ, таких как уголовники и силовики, а не из семейно-родовой практики, как в древности.

При всём при этом склонность нередко отдавать предпочтение «слабым» перед «сильными» тоже никуда не делась, особенно – в сравнительно менее экстремальных сообществах.

Такая специфическая система социального доминирования, совмещающая жёсткость с предпочтением слабых, может привести к распаду общества.

Русская кротость или о китайском культурном влиянии

В русском менталитете пытались видеть некую кротость, терпение, всепрощение, которые оценивают то со знаком плюс, то со знаком минус – терпение, терпимость, набожность, приспособляемость ко всему. Называли эти качества «вечно рабским и вечно бабьим», русским мазохизмом, инфантильностью и пр.

Всё это, конечно, есть. Только вот далеко не у всех русских. Как всегда, это отдельная категория русских, мало похожая на все остальные. По отдельности она встречалась в самых разных слоях русского народа. Территориально – в малых депрессивных поселениях средней России. Ближе к северу, югу, востоку или западу количество таких резко снижалось, а с этих территорий всё более или менее активные были «высосаны» обеими столицами и миграциями во все концы России и мира.

При этом данная категория русских, которую пытаются иногда навязать нам как «визитную карточку», имеет весьма позднее и экзотическое происхождение. В Домонгольской Руси её в общем-то не было. Попытки связать её с православием также крайне сомнительны, взять тех же грузин, сербов, греков. Эти народы поправославнее русских, особенно сейчас. Только вот образ типичных представителей этих народов мало ассоциируется с кротостью и всепрощением, скорее, наоборот.

Как ни странно это звучит, все эти «кротость и пассивность» есть последствие китайского культурного влияния, пусть опосредованного и транслированного через Золотую Орду.

В общем на чингизидские империи огромное влияние оказал китаизм, особенно китайский легизм: принципы государственного управления, основанные на го-

лом и рациональном администрировании, принципах государственной пользы, полной свободы от ограничений морали, религии и традиции. Формально легизм проиграл в борьбе конфуцианству. Но на деле он лишь уступил конфуцианству ритуальную сторону жизни и регулирование самоорганизации китайцев. Государственный менеджмент в Китае во многом оставался и остаётся легистским. В тандеме с конфуцианством он был реально эффективен.

Понятно, что создатели воинственной и громоздкой империи обратили внимание именно на набор логичных, эффективных и понятных принципов, а не на сложные национальные традиции и философско-нравственные установки.

Через ордынцев легизм был воспринят московскими властями. Его усвоению весьма способствовала очень сходная с ним европейская политическая мысль эпохи Возрождения, также хорошо известная в Москве и крайне жёсткая политическая ситуация времён основания Московского царства. И мы получаем специфику российской государственности, формально какой угодно, но на практике дочерней по отношению к исламскому Востоку и Китаю.

Первоначально легизм в России многое сдерживало и обволакивало, не давая войти в жизнь людей. Однако он рос и креп одновременно с усилением государства. Было два его мощнейших всплеска, сопровождавшихся огосударствлением и произволом – при Петре I и при Сталине. Недаром они так похожи на самого известного легистского правителя Китая – Цинь Ши Хуан-ди. Современная Россия – во многом альтернативная история стран Восточной Азии. Что могло бы быть, если бы легистские принципы подавили бы всё остальное, включая конфуцианство?

Но вместе с китайскими принципами организации общества в Россию попали и «довески» в виде соци-

ально-психологического контекста. И часть русских, попавших под максимальное давление властей, изрядно китаизировалась. Например, способность всё терпеть и сносить была объявлена мужской добродетелью! Произошло это никак не раньше XVIII–XIX веков. И только на отдельных территориях центра и в отдельных крепостных деревнях, но не во всех. А также у отдельных индивидов в разных других социотерриториальных группах русских, что неудивительно. В большинстве обществ, в том числе и в русском, мужские добродетели прямо противоположны.

Китаизации части русских способствовали традиционно славянские жёсткие практики внутриобщественной доминации, которые резко усугубились в имперском крепостническом обществе. И китаизация стала способом субдоминантных мужчин и женщин приспосабливаться к тяжёлым условиям и легитимизировать себя в глазах общества, то есть объявить своё принижённое положение душеполезным, а психологическую специфику, которую оно вызывает, – подлинно православным. Православие было единственным, что связывало доминантов с субдоминантами. И доминантам было приятно и удобно видеть субдоминантов именно такими. И такими многие крестьяне просто-напросто притворялись, не в своей среде, а на глазах у дворян.

Доминация была нередко очень активной и во внутридворянской среде, особенно среди чиновников, или по отношению к женщинам, младшим. Поэтому китаизированные индивиды появлялись в разных сословиях.

Китаизация была и следствием стать объектом «доминирования через сострадание».

При этом сказывалась натужность и навязанность этого психологического стереотипа у русских. От «кротких» китайцев или корейцев всегда было в среднем больше толку, чем от «кротких» русских. Восточные люди в таком состоянии в гораздо большей сте-

пени сохраняли способность к активной и успешной деятельности. И чувствовали себя в целом гораздо комфортнее.

Недаром Платон Каратаев и Алёша Карамазов всегда казались мне персонажами, далёкими от христианства, некими даосскими практиками.

Забавно, но наиболее китаизированные русские проживали в основном вдали от Китая. Жителей же территорий, к нему более или менее прилегающих, наблюдатели скорее сравнивали с англосаксами.

Криминал, выпивка и другое

Много говорят и о противоположных качествах русских: о высоком уровне криминализации, о пьянстве и об алкоголизме, об агрессии в обществе, о суицидальности, о дорожном лихачестве, о нелояльности, о коррупции, о произволе начальства, о несоблюдении различных правил и принципов, о внутренней нелояльности.

Здесь необходимо указать, что эти негативные качества особенно обострились в позднесоветско-постсоветский период, когда были разрушены коллективы выживания и неразрывно связанные с ними установки культуры, до той поры ограничивавшие дезадаптивные черты менталитета.

Большое значение во все периоды великорусской истории играл когда подспудный, когда открытый конфликт русских с русским государством – конфликт свободолюбивых индивидуалистов с азиатской деспотией, скорее подходившей для жителей Востока. В ранние периоды вмешательство государства в жизнь русских всё же было ограниченным. К тому же долгое время от государства можно было уйти в казаки, на окраины страны, бороться с этим государством. От государственного произвола защищали коллективы выживания. Начиная с советского периода господство государства стало абсолютным. От него можно было бежать за границу или уйти во «внутреннюю эмиграцию» (последняя очень часто выражается в форме алкоголизма, суицида и суицидального поведения), существовали и другие способы «выйти за рамки», например такие, как превышение скорости вождения.

Всеми этому способствовали древние традиции жёсткого внутрисоциального доминирования, которые оказались у позднесоветских-постсоветских русских, не сдерживаемых никакими культурными ограничениями.

Сказалось и стремление самых разных русских иметь в формально гомогенном обществе особые максимально автономные и независимые группы, от гопников до интеллигентов. Стремление к обособлению нередко выражалось и выражается в физической или символической агрессии против чужаков при недостатке многих других маркеров и условий для обособления.

Особое значение в развитии криминальной субкультуры русских имело стремление государства создать безопасное для него поле приложения сил для выхода недовольства несвободой, а также отвлечь наиболее агрессивных русских от политической борьбы и отделить их от остальной части народа. Уголовникам и при поздней царской власти, и при советской создавали достаточно благоприятные условия для развития. Этот план государства блестяще удался. В своё время уголовную субкультуру массово пополнили беспризорники, дети кулаков и многие другие обиженные, которые при молчаливой поддержке государства не боролись с режимом, а грабили и убивали «обычных русских», чем повышали в глазах «обычных русских» необходимость сильного государства. Тем более что попавшие в уголовную среду резко отделяли себя от остального народа и рассматривали его как добычу, примерно так же как и чиновники, что и привело к прямому сращиванию чиновничества с верхушкой криминала в постсоветский период.

Главное проявление русского индивидуализма или похвала хвастовству

В чём наиболее яркое проявление русского индивидуализма? Это отнюдь не эгоизм, не иждивенчество, а, наоборот, качество, считающееся очень достойным, а именно: делать добрые дела, их не афишируя. А ещё лучше – вообще тайно. Возьмём ту же тайную милостыню.

Вот это-то и есть глубочайшее проявление индивидуализма – индивидуализма прямо-таки метафизического. Для благотворителя не существует общества. Оно – ничто. Есть лишь тот, кому он помогает. И Бог. А очень часто и объект оказания помощи ничего не значит. Он – лишь случайный объект во взаимоотношениях благодетеля и Бога.

Как известно, смирение на Руси – слишком часто гордыня в кубе. И с помощью тайной милостыни русский утверждал свою независимость ото всех остальных, кроме Бога единого, который единственный ему судья и оценщик.

Очень напоминает религиозный индивидуализм индуизма и буддизма...

А в целом этот принцип противоречит укладу любой традиционной культуры. И среди русских он укрепился не сразу. Его первоначальные ростки появились в древнерусских полисах, где жизнь каждого была на виду. И одновременно благотворительность превращалась в инструмент политической борьбы. И, превращаясь, девальвировалась, так же как в Античной Греции и Риме. И появление ростков тайной милостыни стало способом защиты благодетеля от девальвации, а также ограничением чрезмерной политической активности и нестабильности.

К тому же русские, гордые индивидуалисты, издавна слишком болезненно ощущали превосходство над

ними их соотечественников, даже проявляемое в добрых делах. И демонстрировать свою значимость перед ними было небезопасно.

С созданием Московского государства этот принцип стал вдвойне поощряться в связи с ограничением политической активности вообще и начавшейся борьбой с каким-либо неформальным лидерством в обществе.

В то же время и в любом традиционном обществе благотворительность, щедрость, сверхположенная помощь своим были и остаются заявкой на лидерство, престиж, славу. Так поступали римляне, так поступали и поступают папуасы, индейцы. Восхваление таких щедрых благотворителей, а порой их откровенное и поощряемое хвастовство были прекрасной школой нравственного и должного поведения, формирование идеала социально-ответственной личности.

Кавказцев, евреев, курдов часто обвиняют в чрезмерной, порой нелепой склонности восхвалять себя и своих. Также эти народы знамениты эффективными институтами взаимопомощи и самоорганизации (одно с другим связано теснейшим образом!) для совершения добрых дел и для комфортного взаимодействия с соотечественниками. При этом у всех этих народов существуют (или существовали) жёсткие и эффективные методики подавления чрезмерно зазнавшихся. Это социальный остракизм, и далеко не только он.

А у нынешних русских мы имеем крайне низкий уровень меценатства и благотворительности. Любой богатый и просто социально активный человек видит в соотечественниках врагов и завистников. Любое социальное достижение (порой даже очень скромное) часто вызывает вместо восхищения злобу. Это – один из истоков русского антинационального либерализма.

Дело тут не только в гипертрофированных традициях скромности и тайной милостыни, но и в них отчасти тоже. Особенно в тех искусственных формах скромно-

сти и уравниловки, которые появились при советской власти, которые извращённым образом соединялись с искусственно раздутой в массе народа гордыней.

Сильные и богатые не ждут добра ото всех остальных и относятся к ним соответственно, и похваляются не добрыми и полезными делами, а различными нелепостями и откровенным свинством, потому что соотечественники чувствуют своё превосходство над «страдающим ерундой» и тем более над человеком-свиньёй. Это позволяет им удовлетворять нравственное чувство вне зависимости от их собственного поведения. А творящий добро или просто что-нибудь значимое возвышается над ними, как Эверест. А чтобы простить это, надо самому быть достаточно сильным, уверенным в своих достоинстве и правоте. А много ли у нас сейчас действительно сильных?

Поэтому такие добрые дела, как проявление превосходства, являются поводом для мести нередко со стороны самих благодетельствованных. И не только со стороны их. Откровенных изменников, расхитителей и коррупционеров никто не наказывает, и все относятся к ним со снисхождением.

Ситуация с моральной точки зрения крайне опасная. Едва ли не любое достойное деяние может быть наказуемо и порицаемо лишь за то, что оно осознаётся как достойное. Это одна из смертельных опасностей для русского народа. Причины социального проигрыша русских представителям некоторых других народов очевидны.

Надо чётко осознать, что достойные поступки – не нечто само собой разумеющееся, мимо которого можно пройти мимо. Да в наше время любой более-менее порядочный человек – герой! И за это его надо носить на руках!

Конечно, у нас немало ничтожеств, которые приписывают себе чужие заслуги или трубят о вымышлен-

ных достижениях. Таких надо разоблачать и ставить на место со всей жёсткостью, так как они подрывают престиж нравственного поведения.

Но если человек сделал доброе дело и ещё отлично пропиарился, то ему дважды в ноги надо поклониться! Один раз – за доброе дело, второй раз – за то, что пропиарился. Пропиарившись, он поспособствовал реформе морали и спасению своего народа. Он герой, презревший опасность всеобщей ненависти.

И неважно, если уровень самопиара выше реальной значимости поступка. Пусть другие делают так же – и ещё больше! А кто говорит: «А вот те сделали больше, а молчат скромно» – это мерзавцы, предатели и русофобы, а отнюдь не ревнители морали...

Что такое «всечеловечность»?

Ф. М. Достоевский говорил о «всечеловечности» и всемирной отзывчивости русских. Термины во многом туманные и мистические, но верная интуиция в них есть.

С одной стороны, это значит, что русские восприимчивы к всевозможным инновациям и сами их активно порождают.

С другой – русские крайне разнообразны и непохожи друг на друга. Русские – это как бы всё человечество в миниатюре. В определённой степени таковым является каждый народ, особенно крупный. Но русские в большей степени выделяются своим разнообразием и изменчивостью. И терпимость и восприимчивость (зачастую – лишь внешняя) русских к чужому относилась исторически, прежде всего, к соплеменникам. Она была необходимым условием сохранения социального общежития.

А что делать, если один брат в семье «немец», а другой «француз»? А двоюродный брат у них вообще «негр»!

«Всечеловечность» для общества очень часто неудобна, и её пытались ликвидировать при большевиках, заменив единым стандартом. И большевики действительно в достаточной степени стандартизировали не самих русских, их психологические качества, восприятие мира, а их внешнее социальное поведение.

Русских по-прежнему пытаются стандартизировать. Но теперь это не единый проект, а множество мелких, что позволяет предположить, что со временем на месте русских может появиться несколько новых общностей – компактных и стандартизированных.

Причины русской зависти

Менталитет различных социальных групп русских был сильно этнизированным. Мировоззрение социальной группы русских имело и имеет в себе немало от мировоззрения отдельного этноса, а также содержит претензии на особую политическую субъектность.

Поэтому переход в другую социальную группу или получение каких-то её характерных прав и атрибутов фактически воспринимается как национально-государственная измена, тем более что процветание и успех одних социальных групп слишком часто были прямо вредны для других.

Специфика русской воинской традиции

В чём специфика русской воинской традиции, особенно по части успехов и достижений? Стойкость, мужество, твёрдое перенесение невзгод, сила натиска – всё это было присуще самым разным воинским культурам – от самураев до испанцев. Особой спецификой у русских в этом нет.

Основное достоинство русской военной традиции и психологии проявлялось в различных «нештатных ситуациях»: засада для противника, окружение и пр. Поэтому в русской военной истории нет таких позорных страниц, как Тевтобургский лес, или тех нескольких случаев, когда курды и афганцы наголову громили англичан в горных теснинах.

Из сходных случаев русские выходили с гораздо большим достоинством и меньшими потерями. Взять ту же «Сухарную экспедицию» в горный Дагестан во время Кавказской войны, Конотопскую битву с поляками и украинцами XVII века и некоторые другие случаи. Здесь русские просто терпели неудачу без уничтоже-

ния армии и разгрома «наголову», что почти наверняка случилось с другими, не менее достойными армиями.

Причины этого кроются в общей ментальной готовности русских (особенно старого времени) ко всякого рода неожиданностям, нелогичностям, абсурдным и неудобным ситуациям. Нередко в таких случаях русские воины проявляли редкую решимость, смекалку, военную креативность. Но чаще всего просто не терялись, не бежали в ужасе и не бросались на врага в безумной ярости. А просто делали то, что «положено по уставу». И сим побеждали.

Причем в «стандартных ситуациях» русские выглядели зачастую отнюдь не лучше других, например во время подготовки к серьёзной военной кампании.

Показательно, что во время мировых войн XX века русские бывали окружены и биты наголову. То ли в менталитете что-то надломилось (ослабел внутренний стержень и самостоятельность, автономность поведения), то ли война из сферы импровизации и человеческого поведения в большей степени перекочевала в область «простых инженерных решений», где нелегко было тягаться с немцами.

Русская национальная идея как она есть

Традиционная русская социальная организация основывалась на нескольких уровнях социального единства. В древней русской традиционной культуре «свои» были крайне узким кругом – ближайшие родственники, живущие с русичем на одном хуторе, с которыми он постоянно общался и был очень тесно связан, порой сливаясь в единую личность.

Был и следующий уровень «своих» – жители других хуторов, образующих волость, которая нередко занимала всю обширную территорию. В целом они весьма редко виделись, в условиях нормальной повседневности почти не соприкасались, и нередко враждовали. Но при этом чётко и в обязательном порядке взаимодействовали в различных особых ситуациях, как положительных (праздники), так и отрицательных (война, стихийное бедствие). Жители волости разделяли друг с другом горе и радость и весьма эффективно помогали друг другу.

Следующий уровень своих, прежде всего, – это уровень мобилизации в масштабах всей (или какой-то отдельной) земли или всей Руси, осуществляемый, в отличие от волостного, чаще централизованным образом – государственной властью. В нормальных условиях происходил редко и затрагивал необходимое для совершения нужных действий меньшинство.

Система мобилизации не слишком своих людей работала у русских весьма неплохо. Именно она предопределила превосходство русичей над различными лесными балтскими и финскими народами, у большинства из которых такой системы не было. И при соприкосновении с русской системой мобилизации они либо исчезали, либо включались в нее. Система мобилизации вполне годилась для соперничества с европейскими народами и кочевниками до монголо-татар.

При этом система мобилизации русских, за исключением самых высоких уровней, была не государственной, а сетевой, основанной не на принуждении, а на обычаях и ментальных установках.

Отсюда способность русских эффективно действовать на войне, во время стихийных бедствий и пр., а также отсутствие широкого взаимодействия в повседневной жизни, которое исторически было уделом узкой группы своих. Обширные, постоянно консолидированные коллективы своих у русских отсутствовали, за исключением казачества на южных рубежах. Последнее имело многовековой уникальный опыт их создания и функционирования.

В ходе создания Московского государства принялись активно работать с механизмом мобилизации по направлению увеличения масштабности и длительности его действия, а также огосударствления, замены сетевой самоорганизующейся системы централизованным государственным принуждением.

Дело в том, что традиционные механизмы мобилизации оказались несостоятельными в отражении монголо-татарской угрозы.

Эти тенденции постепенно нарастали, пока не уничтожили традиционные русские принципы самоорганизации.

Под влиянием фискальной политики государства и крепостного права у русских возникли обширные сельские поселения, где жили и постоянно соприкасались друг с другом уже не слишком свои люди.

В значительной степени гибкие и адаптивные русские приспособились к такой ситуации. Возникло деревенское понятие о «своих», среднее между родовым хутором и волостью, которое оказалось достаточно жизнеспособным, но в изрядной степени искусственным, как и многое другое в русской жизни.

Отсюда и диаметрально противоположные оценки

достоинств русской крестьянской общины в предреволюционный период.

Многие русские люди оказались в фальшивой и двусмысленной ситуации, когда в качестве «своих» им предлагают отнюдь не таковых или недостаточно таковых. Отсюда стали распространяться фальшь и показуха в человеческих отношениях, стремление эксплуатировать без ответной отдачи «коллектив», имущественные и другие конфликты. Наличие фальшивых и настоящих своих приводило к тому, что и к настоящим «своим» начинали относиться как к чужим. Либо формально единый коллектив оказывался неорганизованным конгломератом фракций и групп, в которые собирались настоящие «свои». Крепостное право подорвало традиционные устои русской жизни, но не среди казаков, сибиряков, поморов и пр.

Большевизм оказался крепостным правом в кубе. Из всех форм мобилизации стала возможна только государственная. Самоорганизации фактически ликвидированы вплоть до уровня семьи. Русский народ оказался в «вечном походе» ради интересов коммунизма. Чрезвычайные условия были искусственно и насильственно сделаны нормой теперь уже на всей территории страны. Всем русским был привит менталитет одновременно крепостных и чиновников – сверху донизу, – которые стали абсолютно атомизированы и подконтрольны.

Всех «своих» и «чужих» смешали в некую амальгаму. И русские почувствовали себя в огромной коллективной тюрьме-казарме, где ни у кого нет ничего своего.

Традиционные стабильные группы русских были разрушены, особенно территориальные и субэтнические. Им на смену со временем пришли очень рыхлые и дробные, внутренне неоднородные и нестабильные идеологические и социальные общности.

Со времён эпохи застоя русские стихийно борются за восстановление своих индивидуальных хуторов, хоть в виде земельного участка с постройкой за городом или в дальнем зарубежье или просто ментального хутора из собственных представлений обо всём в виде блога в социальных сетях и пр. Нынешние русские едва ли не на физиологическом уровне не приемлют что-либо «единое» и «общее», не хотят иметь ничего общего с соседом. Государство, город, рабочее место русский человек на деле воспринимает примерно как тюремную камеру, стараясь выгородить себе и наиболее узкому кругу своих собственное место, отгородиться от чужаков, отделиться от остальной камеры (казармы), хотя бы даже и виртуально.

Только вот подбор своих и чужих очень импровизированный. В чужих оказываются родственники, соратники и пр., а в своих как-то особо никого нет. На нынешних хуторах обитают не слишком жизнеспособные бобыли и бобылки.

Но борьба за хуторизацию идёт полным ходом. Она изначально зиждится на подлинно глубинном ментальном уровне и не имеет никакого отношения к так называемым «убеждениям». Всевозможные коллективисты, имперцы, националисты, социалисты и коммунисты хуторизируются ещё быстрее всех.

Русские очень гордятся и всячески подчёркивают своё отличие друг от друга. Для нас они нередко гораздо важнее сходства, вплоть до отрицания русскости как таковой – своей или чужой.

Произошло оживление старых территориальных субэтнотосов: казаков, сибиряков, поморов и пр. Но наиболее активно развиваются квазисубэтнотосы, не имеющие территории, прежде всего квазисубэтнотос властной элиты и следующие за ней либералы. Сделана заявка на создание своего квазисубэтнотоса со стороны националистов и православных уранополитов. Процесс ква-

зисубэтнизации постепенно распространяется «сверху вниз». Сдерживает его не столько давление ослабевшего государства, сколько внутренняя рыхлость и индивидуализм.

Древнерусские и старые территориальные субэтносы отличались самодостаточностью и включали в себя все необходимые для выживания сферы человеческой деятельности. Нынешние социально-политические квазисубэтносы к самостоятельному выживанию не приспособлены.

И не нужна русским никакая единая и общая «национальная идея». Вернее, она давным-давно есть. Это создание собственного хутора, его защита и укрепление, а всё остальное имеет значение только применительно к интересам этого хутора.

На деле это очень по-русски и изнутри идёт, а не от пропаганды, которая давно превратилась в «искусство ради искусства».

Только вот древнерусские хутора существовали иногда не одну сотню лет! А нынешние импровизации бобылей и независимых и свободных бобылок часто крайне беззащитны и нежизнеспособны. (Согласно древнерусской социальной системе большинство наших «образованных горожан» именно бобыли и бобылки, потому что за ними никто не стоит.) Нет никакой отработанной системы мобилизации и самоорганизации хуторян, а есть только отдельные, ограниченные во времени и пространстве импровизации, например, православные общины никак не объединены, и их деятельность крайне плохо скоординирована, если даже по отдельности они очень даже ничего. В отсутствие координации действий самоорганизации патриархия душит общины как хочет, потому что люди надеются на государство и легитимные структуры. В наше время действительно жизнеспособно может быть только то, что выходит из системы и создаст собственную.

Так что хутора как появляются, так и исчезают как первый снег при нулевой температуре, ибо и изнутри хлипкие, и друг другу не помогают. Кое-какие, конечно, выживают и подумывают об объединении с другими. Особенно этот процесс активизируется, когда государство окончательно просядет и не сможет уже ни защищать, ни давить.

И начнётся новый виток этногенеза на месте русского народа либо банальной ассимиляции. И новый менталитет русских будет определять правила и условия объединения, которые станут жёстко влиять на внутреннее устройство хуторов, стандартизировать их: такие в нашу сеть возьмём, а такие – нет. А в сети хотя бы жить можно, хотя бы как-то протянуть.

Русская русофобия: реальные причины

В связи с событиями на Украине мы «грубо и зримо» в очередной раз столкнулись с некоторыми явлениями, с такими как фактически русофобский настрой многих этнических русских, в том числе и называющих себя националистами.

Под панцирем российской имперской государственности у русских сохранились представления о необходимости жить отдельными компактными, максимально независимыми сообществами, каждое из которых максимально подчёркивало свою самостоятельность. Сохранению такой архаики способствовало само имперское государство, выстраивавшее такие сообщества в иерархическом порядке. Их раздробленность и соперничество были крайне удобны для сохранения власти имперской элиты.

Русские осознавали государство как некий внешний панцирь, под которым можно и нужно вести фактически прежнюю доимперскую жизнь. Это способствовало появлению слоистости русской этнической ментальности, в которой более архаичные элементы не трансформировались, а сохранялись сравнительно нетронутыми под более современными наслоениями. Русские очень легко меняли «вывески» и внешние формы, но прекрасно сохраняли самое консервативное содержание зачастую в неявном, внешне абсолютно «модерновом» виде.

Сообщества русских, претендующих на независимость за исключением казачеств, перестали быть территориальными, став в начале социально-сословными, что проявлялось в сословной розне, неприятии социальными группами друг друга. Потом это деление ста-

ло ещё более дробным: партийным и субкультурным. В среде интеллигенции, например, оформились западники и почвенники, левые и правые и их всевозможные типы и подтипы.

Если не брать уровень парадных деклараций, в действительности все эти партии и субкультуры претендуют едва ли не на национальную независимость и едва ли не на этническую самобытность. Никакой борьбы за объединение реально нет. Наоборот, идёт размежевание и кристаллизация мельчайших типов и подтипов. Как в удельный период Руси собственные княжения образовывались в самых наимельчайших городках. И все эти наноквазисубэтноты (например, различные типы патриотов, консерваторов) и более масштабные квазисубэтноты (представители власти, либералы) активно борются за ресурсы и влияние. И отсутствие солидарности, ярость вражды между внутрирусских наноквазисубэтнотосов гораздо сильнее, чем между схожими партийными и субкультурами группами многих других народов. Иногда они доходят едва ли не до уровня межэтнического конфликта.

Трагичность ситуации во многом в том, что члены этих структур вынуждены сосуществовать на одной территории, и не только географической, но и социальной. А уж русофобия многих киевских русских объяснима тем более!

Свою роль сыграло и крайнее разнообразие в русской среде социально-психологических поведенческих типов. Имперский русский народ сыграл свою историческую роль. Внутри его кто только не появлялся!

Причём уже третье столетие подряд российское «правительственное начало» испытывает перманентный кризис, попыткой выйти из которого и стала большевистская революция. Но кризис остановить уже нельзя. Ведь государствоопределяющей идеей была оборона засечных черт от кочевников. И в её отсутст-

вие российское государство обречено, тем более что от нынешних выходцев из Азии оно русских не обороняет.

Поэтому имперское «правительственное начало» в общем-то теряет всякую легитимность. И именно поэтому так активны и непримиримы квазисубэтноты внутри русских. Они чувствуют исключительно собственную легитимность, и больше ничью.

Характерен в этой связи быстрый рост популярности среди самых разных русских людей исторического антинорманизма. Это прямой признак потери легитимности «правительственного начала». Ведь именно его величие, антологическое право на господство над Русью обосновывали норманисты.

Социопсихологические причины русской русофобии

Необходимо добавить ещё и о специфических социопсихологических причинах русской русофобии.

Как уже говорилось, русские очень разные и образуют массу мелких объединений, стремящихся к самодостаточности и удовлетворению своих интересов за счёт других коллективов русских. Поэтому общерусский патриотизм всегда был идейно ориентирован на защиту интересов «чужих» и жертвование чем-то «своим». Особенно активно приучали жертвовать ради чужаков, выступающих в роли «начальников».

Это было необходимо в условиях чрезмерных различий внутри этноса. Только вот психологические издержки оказались слишком серьёзными. Русские привыкли считать «русскими» каких то чужих и посторонних, а не себя и своих. А русскость – это то, ради чего надо жертвовать, ничего взамен не получая.

Поэтому, отстаивая свои групповые или личные, действительно кровные интересы, русский закономерно начинал бегство от русскости, будь он хоть интеллигент, казак или житель Калининградской области.

К тому же любовь к каким-либо посторонним при таких установках легко превращается в самоцель. Начинают любить европейцев или азиатов, национальные меньшинства или Третий рейх.

А как было бы хорошо и правильно, если бы русскому с детства внушали: «Ваня, русский – это, прежде всего, ты и твои близкие. И интересы русского народа – это защита тебя и твоих близких».

Так и надо воспитывать молодое поколение.

Основные причины русской русофобии

Менталитет русского народа не соответствовал государственному устройству, и государство во многом не принимало свой государствообразующий народ. А народ – это государство.

Инстинктивное неприятие русскими больших человеческих общностей, желание быть членом компактной, автономной и независимой от других группы определяют возникновение стремления противопоставить себя другим группам русских.

Специфика патриотической идеологии, призывавшей русских защищать не себя, а кого-то другого, обусловила то, что защита своих кровных, а также групповых интересов приобретала антирусскую направленность, или же русский человек начинал отстаивать интересы чужаков.

Восприятие русских иностранцами.

Русских очень многие не любят.

Россию воспринимают как иной мир – мир хаоса, отличного от космоса, как на Западе, так и на Востоке. Именно этот факт отражают многочисленные странные мифы о том, что русские живут в лесу в одних избах с медведями и пр.

Иностранцы где-то чувствуют, где-то понимают слабость среди русских внеличных норм, силу индивидуального и стихийного, иррационального начала. И именно это характерно для внешнего мира, мира хаоса.

Для этого мира также характерно оборотничество, несоответствие кажимости внутреннему содержанию. Здесь логично вспомнить российскую вывесочность, потёмкинские деревни, «ибанство».

Особое неприятие вызывает тот факт, что это всё тем не менее работало, причём не без успеха и на протяжении нескольких веков. Не исчезло, только появившись, но добилось порой более значимого результата, чем «нормальные люди». Самым разным носителям различных идеологий «космической упорядоченности» это кажется и казалось противоестественным и неправильным, а также соблазнительным и опасным. Воспринимается это как угроза социальному космосу, как опасная и вредная альтернатива «правильной» картине мира.

На Западе отдельно не любят русских как европейцев, веками живущих в азиатском деспотическом обществе, что кажется противоестественным и опасным прецедентом. А жители Азии не любят русских как европейцев.

Дополнительная причина нелюбви – Россия разрушила на Западе слишком много гегемонистских планов

и великих имперских мечтаний: от Польши и Швеции до Франции и Турции была и даже остаётся неким антиподом США.

Русских ненавидят так же, как и любой другой великий народ, чего-то реально добившийся в истории, как ненавидят китайцев, евреев и тех же американцев. Особенно такая ненависть характерна для «маленьких, но свободолюбивых».

Но восприятие России как чего-то альтернативного «порядку вещей» порождало и многочисленных русофилов, «порядок вещей» не очень любящих. Это и многочисленные «друзья Советского Союза», и нынешние пророссийские деятели в Латинской Америке, Европе и США.

Отдельно можно поставить любителей русской этнической традиции, православия, которых немного, но которые есть везде.

Если общественный и социальный строй русских понимания часто не вызывал, то конкретные достижения нашего народа получили всеобщее признание. Воинственные восточные и южные люди любили и любят автомат Калашникова, помещали его на гербы и слагали песни о нем. Рафинированные столичные японцы не первое столетие преклоняются перед Достоевским, Толстым и Чеховым. Гастроли Большого театра производят фурор в Нью-Йорке. Даже ястребы холодной войны аплодировали полёту Юрия Гагарина. И перечень этот можно продолжать долго.

Почему нерусские становились русскими, а русские – нерусскими (подробнее)

К сильным и знаменитым, «имперским» народам вообще с большим желанием присоединяются представители других народов. Это известно ещё с древности. И русские – не исключение. Представители многих народов отдельными семьями и небольшими группами поселялись среди русских и довольно быстро русифицировались.

Необходимо отметить, что благодаря тому, что государство русских было сильным, среди них находиться было элементарно безопаснее. Малороссы и белорусы легко воспринимали русскую идентичность через лояльность к русскому государству и государю.

А так к русскости особо никто никого никогда не принуждал, и без неё можно было жить порою ещё лучше, чем с нею.

Особую роль в принятии русскости играл квази-этнический характер социально-профессиональных идентичностей русских, их нередко большая значимость для носителей. И русскими становились те нерусские, для кого подобная идентичность была важнее других, и кто жил рядом (вместе) с русскими. Очень важна была для некоего человека идентичность русского офицера, и он мог и обрусеть на этой почве, хотя и необязательно. Этот фактор сыграл огромную роль в обрусении переходивших на русскую службу татарских аристократов.

А ещё чаще обрусению подвергались жаждавшие личной бытовой свободы и самовыражения, тяготившиеся мелочной регламентацией быта и пр. В русской среде можно было позволить себе больше, чем в любой другой – западной или восточной. Достаточно было «видеть берега» и не противопоставлять себя определённым личностям и их группам.

Особенно ярко и наглядно этот фактор действовал в принятии представителями многих народов русской идентичности через статус казака.

Весьма сходными были и причины принятия православия. Конечно, у кого-то оно затрагивало глубокие религиозные струны души и духа, а кто-то решал таким образом карьерные и матримониальные вопросы.

Но очень многие принимали православие, чтобы самостоятельно и по собственному желанию устраивать свою религиозную жизнь, что не всегда было возможно в различных «других» религиозных общинах. Быть может, человек хотел глубоко заняться своей религиозной жизнью, а в «его» общине царила сухая рутина, или он по каким-то «традиционным» причинам не имел достаточного доступа к углублённым религиозным практикам.

Или же, наоборот, его угнетала чрезмерная клерикализация и религиозная регламентация быта. А он хотел вести образ жизни светского человека или просто строить свою религиозную жизнь индивидуально, совершенно независимо от других. И здесь православие (особенно периода Империи) могло очень помочь такому человеку. Наглядный пример – великий русско-еврейский философ Лев Шестов, перешедший в православие и создавший собственное направление религиозного экзистенциализма.

Бежали русские люди из русских, например, в чеченцы и дагестанцы во время Кавказской войны. И даже были случаи – в индейцы на Аляске.

Не нравилось им в целом то же, что нравилось другим: отсутствие чётких правил и некоей стабильности, боязнь произвольного и иррационального, особенно у облечённых властью...

Чем сильны русские, чем – другие народы

У русских нередко слабо с равномерным общим уровнем, зато много выдающихся людей в разных областях и в разных местах. На этих-то людях всё и держится. Этим выдающимся личностей может быть не так уж мало, их могут быть целые группы. Но меньшинство слишком часто делает больше, чем все остальные. Потому так важен «сильный лидер». А представители «других народов» часто делают понемногу, но всё.

Только вот в японском, немецком и американском коллективе из ста человек каждый выполняет более или менее равный объём работы. Среди русских гораздо резче выделяются двадцать лучших и двадцать худших.

Есть немало православных святых и их последователей, а также немало религиозно-индифферентного населения.

Любая «средняя температура по палате» гораздо меньше характеризует русских, чем представителей других народов. У кого конкретно эта «средняя температура» – гораздо меньше, а больше – крайних значений.

Защита русскими Донбасса выявила очень ярких и мужественных лидеров и героев, которые успешно действуют и за себя, и за «тех парней», которые массово уклоняются от участия в боевых действиях.

Когда чеченцы обороняли Чечню, очень ярких лидеров и героев среди них было меньше. Зато мужское население «в среднем» гораздо активнее и эффективнее принимало участие в борьбе.

О русской диаспоре

Почему русская диаспора не поддерживает Россию и быстро ассимилируется

Первое было почти всегда, а второе – иногда.

Диаспора для русских на деле – выделение независимой колонии, отдельного полиса, по своей сути отличного от метрополии и стремящегося к независимости от неё. Так было и так остаётся.

Однако чем дальше в прошлое, тем больше русская диаспора не склонна к ассимиляции. Наоборот, очень консервативна, устойчива и сплочённа. Белая эмиграция была гораздо более устойчивее последующих «волн». А старообрядческие общины сохраняли себя на чужбине с начала XVIII – до XX–XXI веков.

Но устойчивость русских диаспоральных общин постоянно понижалась прямо пропорционально усилению государства. Со временем русские становились всё более зависимыми от любого государства, хоть русского, хоть нерусского. У них отмечается гражданская лояльность ко всему, что управляет, но при этом сохраняется архаическая потребность создать особый полис.

Так сложилась специфика русской диаспоры.

Почему русских не любят

Причины антирусских настроений на территории РФ, которые резко выросли после относительно долгого периода относительного межнационального согласия, совместно выигранной гигантской войны и экономического процветания, вызвали много вопросов. Предлагались версии (и во многом обоснованные) международной инсперированности межнациональных конфликтов. Но есть и внутренние объективные закономерности антирусских настроений.

В первую очередь русские в своё время победили многие народы РФ на поле битвы. И русская (иногда формально) власть господствовала над ними. За такое не любят все народы. И это понятно.

Также русские активно строили для покорённых народов школы, больницы и предприятия, дороги и целые города. Очень многим давали образование, статус и путёвку в жизнь.

Если уж с военным поражением и господством как-то можно смириться, то с этим нельзя никак. Такого не прощают.

У большинства народов мира с древних времён существовала система обмена статусными дарами. Кто больше подарил, у того и выше статус. А кто меньше – тот слабый, младший, зависимый. Иногда из такого обычая вырастало долговое рабство.

А малые народы при всём желании не могли сделать для русских столь же много добра. Вот поэтому национальные интеллигенты абсолютно искреннее писали, что чувствуют себя рабами.

Поэтому же наиболее сильные и способные «нацмены» нередко относились к русским более лояльно, чем их соплеменники, потому что у них была возможность отплатить добром за добро пусть не на этническом, а на личном уровне.

Не стоит приписывать эту ситуацию особой неблагодарности российских малых народов. Явление это общечеловеческое, распространённое, например в отношениях между самими русскими. Недаром возникла пословица: «Не поя, не кормя, ворога не наживёшь». Не зря наиболее щедрые благотворители и народолюбцы порой больше всех страдали во время революционных событий.

И всё это касается далеко не только русских: тех же англосаксов не сильно любят там, где они что-то строили и создавали инфраструктуру.

Свою роль сыграли и ментально-культурные различия между русскими (восточными славянами) и тюркскими и кавказскими народами России. У вторых огромную роль играет триада коллектив – обычай – регламентация быта. А у восточных славян – антропоцентризм – индивидуализм – разнообразие и импровизация.

Поэтому восточнославянский мир нередко казался (и кажется) кавказцам и тюркам миром хаоса, где отсутствует порядок, а также где человек не может удержаться от огромного соблазна выйти за общественные рамки и реализовать личные и индивидуальные склонности и задатки, часто далёкие от традиции.

Тем более что этой возможностью активно пользовались, особенно при советской власти. И последствия этого были двоякими. С одной стороны, появились весьма достойные интеллектуалы и специалисты, образованные люди. С другой – ничего полезного не сделавшие, но наглые выскочки; алкоголики и уголовники, совершившие преступления против своих, а не чужаков. Это наряду с распадом и деградацией традиционной системы жизнеобеспечения. Такова была плата за вхождение в модернизированное и урбанизированное общество, которое ассоциируется у этих народов именно с Россией.

Такие факты были подняты на щит теми, кто «чувствовал себя рабом». А сами они сформировались на основе советской политики коренизации, когда малые народы прошли нацбилдинг и получили собственную, порой целенаправленно выращиваемую «русской властью» интеллигенцию.

Свою роль сыграла и самодискредитация русских, у которых в процессе модернизации была во многом уничтожена не только традиционная, автономная от государства система жизнеобеспечения, но и самоорганизация как таковая. (Самоорганизация русских сравнительно мало была связана с вопросом обеспечения безопасности (прерогатива государства) и оказалась относительно уязвимой. У тех народов, где она сохраняется до сих пор, исторически отвечала и за безопасность, не говоря уже о насильственном характере самой модернизации.)

Следствием этого стали массовые факты несоблюдения русскими собственных традиций и моральных устоев, насилие русских над русскими, неуважение друг к другу одновременно с неспособностью кормить и защищать себя без помощи государства.

Учитывая большое внутреннее разнообразие русских, они часто вообще не воспринимаются как единое целое. Определённые группы русских или отдельные люди вызывают резкое неприятие, когда как другие – вполне позитивное или нейтральное отношение.

С одной стороны, причинами русофобии стали сильные качества русских (военные победы, сильное государство, создание на огромных территориях урбанистического уклада жизни), с другой – такие слабые стороны, как внутриэтнические конфликты и слабость самоорганизации, а также нейтральные качества, которые могут выступать и как позитивные, и как негативные, но отличные от собственных (антропоцентризм, индивидуализм).

Мы для них вне закона

Почему представители «мигрирующих народов» так относятся к западным народам, включая русских? Как говорится, «так, а не иначе».

Вообще носители традиционных культур относятся к слабым чужакам, которые по определению есть рабы, пленные, что напрямую обозначено во многих древних языках.

Но есть ещё и специфические моменты, связанные с восприятием человека постмодернистского общества носителем более или менее традиционной культуры. Последний живёт в мире, где люди чётко делятся на своих и чужих. Система своих иерархизирована, имеет разные уровни. Причём своих человек традиционной культуры очень часто не выбирает. Они даны ему как обязательная данность, например родня, соотечественники.

Постмодернистский человек живёт в мире, где существуют он и чужие. Чужие самые разные – относительно враждебные, дружественные, но чужие. Свои может и есть, но их совсем мало. И это необязательно родственники и соотечественники. При этом состав этих малочисленных своих нестабилен. Вчерашний свой может сегодня уже быть чужим и наоборот.

Чёткое деление на своих и чужих существует только в некоторых субкультурах.

Раз нет системы коллективов своих, значит нет системы регулирующих их нравственных ценностей, религиозных догм и пр.

Носитель традиционной культуры воспринимает это общество как общество изгоев (не членов каких-либо коллективов и групп) и вообще нелюдей. Его атомизированные индивиды представляются ему животными, оборотнями, бесовским отродьем. А социум – не космосом, а хаосом. Город – фактически не городом, а

лесом, в котором снуют слабенькие говорящие зверушки, являющиеся, по своей сути, осквернёнными. Такая оценка очень сходна с оценкой изгнанников во многих традиционных культурах – людей, объявленных установленным образом вне закона, исключённых из человеческого общества.

И, с одной стороны, от них надо держаться подальше. Жить надо со своими. С другой – на человекоподобных зверей можно охотиться, их можно стричь и использовать по-другому. С этими лесными жителями он не связан никакими рамками. С ними нельзя жить, но их можно использовать. Если горец не живёт в стаде горных баранов, это не значит, что он на них не охотится и не ест их мяса...

Это не означает, что организованных в систему коллективов выживания чужаков любят и уважают, но, по крайней мере, чаще всего признают.

Как правило, носители такого мировоззрения весьма простые люди, которые по поводу своего мировосприятия не рефлексируют и концептуально его не формулируют. Но есть и концептуальная рефлексия, например непринятие и непризнание исламистами западного общества и любого неисламистского режима.

Отнюдь не все представители «мигрирующих народов» придерживаются таких принципов. Есть немало в той или иной степени усвоивших западные принципы. Больше всего таких среди образованных людей, интеллигенции.

Однако существует и полностью противоположное проявление влияния западной культуры на «мигрирующие народы». А именно – концептуальное непринятие даже самой возможности иного и чужого, потребность в едином гомогенном мире. Поэтому есть немало европейски образованных представителей «мигрирующих народов», которые концептуально и последовательно отрицают западную культуру, особенно её идейную со-

ставляющую, и признают лишь свою. Немало представителей исламистского движения получили неплохое западное образование.

Так что европейцам, и в частности русским, крайне необходимы коллективы выживания и их сети. И не только потому, чтобы давать отпор агрессии со стороны представителей «мигрирующих народов», но и чтобы легитимизировать себя как вероятных союзников для немалого числа носителей традиционной культуры, многие из которых также не в восторге от активности представителей других носителей традиционной культуры.

7. Варианты будущего

Поствеликороссы

Никто не знает, что случится в будущем с Россией и русскими, хотя кое-что можно попытаться предсказать, если уяснить, к какому типу цивилизационного развития русские относятся.

Одни цивилизации развиваются по единой матрице. Государство и образ жизни народа воспроизводятся раз за разом. Так, например, обстоит дело в Китае. Каждая династия восходила к вершинам славы, а затем приходила в упадок. Следовал период междоусобицы, зачастую с иноземным завоеванием. Потом всё возвращалось на круги своя. Тот же народ, та же государственность, схожая культура. Возможно, модернизация при коммунистах и культура постсовременности внесёт изменения в эти циклы, но это покажет время.

Есть и другие формы развития цивилизаций, например греческая. Здесь каждому периоду соответствует своя модель государственного устройства, своя культура, религия. Происходят значительные перемены в языке. Фактически каждый раз появляется новый народ, имеющий преемственную связь с предыдущим.

Первый период греческой цивилизации – крито-микенский. Для него характерен конгломерат мелких монархий, объединённый вокруг дворца, достаточно высокая культура. Потом – упадок дворцового хозяйства, нашествие «народов моря», упадок, дорийское завоевание, а затем период классического древнегреческого полиса, радикальная перемена общественного устройства, религии, языка. Вместо монархии – республика, развитая общинная форма самоорганизации. Преемственность сохраняется через язык и гомеровский эпос. Далее – упадок полиса, завоевание греков Александ-

ром Македонским, затем – римлянами, и переход греков в христианство.

Греки Византийской империи создали новое, имперское государственное устройство, новое самоназвание – ромеи, новую религию – христианство, новый язык – среднегреческий. Но в языке сохраняется преемственность, а также во многом и традиционная греческая образованность. Затем происходит упадок Византии и османское завоевание.

Возникновение новогреческого народа: новый язык, новое мировоззрение и образ жизни. Сочетание господства традиционных балканских коллективов выживания и стремления к европейской буржуазности. Новое государственное устройство – конституционная монархия, позже современная европейская республика. Преемственность в языке и религии – православии.

Таким образом, некоторые народы проходят периоды кардинально разной социальной организации. Причём каждому виду государственности и социальной организации соответствует другой, новый народ, имеющий при этом преемственность и прямое родство с предыдущим, то есть потомки неких людей, сохраняя историческую память, организуются по-новому, и возникают преемственные этносы. Нужно ли их считать отдельными народами или общим историческим целым – вопрос спорный.

По нашему мнению, именно в такой форме происходит историческая эволюция русского народа.

Сначала – домонгольский период. Для него характерен общинно-полисный тип организации общества. Русь состояла из конгломерата самоуправляющихся общин-государств, напоминающих древнегреческие полисы. «Землёй» управляло вече самого крупного «старейшего» полиса. Оно находилось в договорных отношениях с князем, выполнявшим функции – военную и третейского судьи.

Позже, в XIII–XV веках, на северо-востоке Руси сложились вначале государства с сильной княжеской властью и с ослабленным вечем. Дело в том, что эти земли были колонизируемые, и людей населял туда князь. Потом на этой территории сложилось московское деспотическое государство. На его формирование повлияли золотоордынские традиции власти, но важнейшее значение оказал тяжелейший внешнеполитический прессинг. Московские войска каждое лето должны были отправляться в поход на южные рубежи против крымских татар (и всё это при недостатке всевозможных ресурсов.) Ни в одном тогдашнем государстве такой необходимости не существовало. Это привело к появлению жестокой дисциплины и диктата в общественной и социальной жизни. Вышестоящие стали полновластными распорядителями судеб нижестоящих, а государь – распорядитель судеб всех и каждого.

Постепенно элита России консолидировалась и уничтожила последние общинно-полисные традиции Руси. Это произошло при Петре I с введением поверхностной европеизации правящего класса и подчинением государством казачества. Одновременно сохранялся и деспотизм. Он уже не был насущной необходимостью, но был накрепко вписан в традицию российского общества. По-другому оно уже не могло быть организовано. К деспотическому управлению, государственничеству было приспособлено всё, включая самые глухие уголки национальной психологии. При этом в XVIII веке начался процесс приватизации высшей власти её низовыми носителями. Тогда – в лице дворянства.

Не буду пересказывать доктрину В. Д. Соловья о том, что российское государство эксплуатировало русский народ как некая внешняя агрессивная сила, но при этом народ получал выгоды от симбиоза с властью. Постепенно давление власти всё увеличивалось. Наи-

большее воплощение российский имперский принцип получил при коммунистах. Они на время приостановили процесс приватизации деспотической власти её носителями, вернули ей былую энергию и радикализм. На народ оказывалось максимальное давление, но была и максимальная отдача.

Теперь же и русское государство, и русский народ пришли к конечной точке своего развития. Дальше не может существовать ни традиционная государственность, ни исторически сложившийся русский народ. Деспотическая государственность полностью потеряла эффективность. Теперь она не строит, а с успехом уничтожает не только народ, но и само себя. Это проявляется в откровенно отрицательном отборе на чиновничьи должности, в неэффективности силовых структур и пр. Государство целенаправленно разрушает систему здравоохранения и образования, науку, армию и т. д. Такого никогда не было на всём протяжении российской истории.

А главное, государство перестало быть деспотическим и этатистским. Оно стало откровенно олигархическим. В наше время осуществилась вековая мечта русских бояр и коммунистов-оппозиционеров. Они стали никому не подконтрольными господами, владельцами страны, такими, какими были польские магнаты накануне крушения Речи Посполитой. Высшая власть пока ещё что-то может, но она постепенно сдаёт последние позиции. Период великорусской государственности завершается.

Фактически уже не существует и великорусского народа. Коллективы выживания русских были разрушены в середине XX века. Нравственные и религиозные ценности практически полностью преданы забвению. Утеряны навыки и механизмы национальной самоорганизации как на низовом, так и на собственно национальном уровне. Русские слишком привыкли до-

бываться успеха за счёт страданий своих соотечественников. Это касается как элиты, так и самых низов. Ради сиюминутной выгоды мы готовы заставить страдать как статистическую массу соотечественников, так и собственных близких. Во многом это следствие «приватизации» абсолютной власти русских начальников и подражание её в низах. Элита всегда подаёт пример.

Этап приватизации – свершившийся факт. Уже никого нельзя заставить жертвовать чем-либо ради интересов государства. Служилая деспотическая империя ушла в прошлое.

Хотя и сейчас есть люди, готовые противостоять умиранию и энтропии. Нарастает русское национальное сопротивление (но сейчас ещё оно достаточно слабое в силу указанных выше причин), растёт и правозащитное, и экологическое движение и т. д. Но никто не занимается восстановлением московской империи. Призывы к её воссозданию всё больше вытесняются на периферию идеологической жизни. «Борцы с системой» строят новый русский народ.

Великорусский имперский период, начавшийся в XV веке, завершается. Кардинально меняется и сам народ, и роль государства в его жизни. Она больше не будет прежней, «традиционной». На обломках «старого» русского народа должен появиться народ новый, как это было в период перехода от Руси Киевской к Руси Московской. Наступает время для появления третьей, исторической, формы русских (если следовать преемственности, то русские домонгольской Руси – великороссы – третий народ (поствеликороссы).

При переходе от полисного домонгольского периода к московскому у русских были мощные коллективы выживания. Они помогли сохранить значительную преемственность между двумя народами. Теперь русские коллективы выживания практически разрушены. Их надо создавать заново. Это абсолютно необходимо, так

как создание народа вообще без дееспособных коллективов выживания невозможно. Однако необходимость почти всё создавать заново оставляет гораздо меньше возможностей для налаживания преемственности.

Будущий русский народ наверняка будет весьма радикально отличаться от нынешнего. Может кардинально поменяться религия, образ жизни, ментальность. Скорее всего, будет существовать преемственность в языке. Однако он тоже значительно изменится. Изменения в русском языке мы уже можем наблюдать и сейчас. Очень вероятно, что третьему русскому народу придётся также пройти через иноземное господство. Велика вероятность, что на месте великороссов возникнет не один, а несколько народов.

Но достаточно быстро после падения нынешнего режима на территории нынешней России возникнет три основных вида организации общества: типично восточная деспотия с населением преимущественно восточного происхождения; территории, на которых в трансформированном виде будут продолжать существовать остатки постсоветского общества; серые зоны со слабой государственной властью, в которых будут существовать независимые и полунезависимые общины и владения, а процесс развития потомков русских на этих территориях будет идти по-разному.

Приспособиться к такому необычному и неудобному будущему будет весьма и весьма трудно. Выживут самые цепкие, трезвые и сплочённые. Для этого надо создавать коллективы выживания, которые смогут обеспечить автономное выживание организованным группам русских. Надо опробовать несколько вариантов таких коллективов. А потом история сама отберёт их наилучшую форму и наилучшее идеологическое обеспечение.

Выводы

Конечно, полностью описать менталитет русских очень трудно. Здесь показаны только некоторые специфические черты, отличающие именно русский менталитет или же относящиеся к социально-политической сфере жизни русского народа.

Одна из объективных черт русского менталитета – крайняя изменчивость социальных и территориальных групп – временная и индивидуальная. Эта черта обусловлена крайним индивидуализмом и групповым партикуляризмом, которые не ограничивались относительно слабыми социальными шаблонами и стандартами.

Ко всему прочему, периодически появлялись элементы ментальности, противоположные ранее существующим. Нередко – как реакция на них.

История русского менталитета – это история менталитета отдельных групп русских в отдельно взятый промежуток времени. Русский менталитет нужно собирать как очень сложную, многоцветную мозаику, выявляя общее и особенное. Причём многие её фрагменты восстановить уже невозможно. Попросту не сохранились источники, например о менталитете многих местных групп крестьянства.

Дробность и разнообразие групп русских часто было следствием политики государства, стремившегося к легитимизации в глазах народа. Так появились либералы и уголовники.

Современные социально-психологические исследования также отражают только современное состояние менталитета опрашиваемых представителей социальных групп, которое является продуктом длительной эволюции и деформационных процессов.

Точность исследований русского менталитета снижают и другие факторы, например путаница между

элементами менталитета и культурными нормами. Последние очень часто принципиально противоположны ментальным установкам.

Точность исследований и представлений о русском менталитете снижает и своеобразный русский консерватизм, когда за легко сменяемыми, активно демонстрируемыми «вывесками» сохраняется прежнее содержание.

В среде русских слишком велик разлад между декларируемым идеалом, должным, отстаиваемым «на словах», пусть даже вполне искренне, и тем, что движет реальными поступками русского человека, попытками создать ложный образ самого себя в своих же собственных глазах.

Последнее особенно касается современных русских, в значительно меньшей степени – исторических.

Индивидуализм и групповой партикуляризм создали значительную сложность в восприятии русскими своего и чужого.

Русский на практике часто ставит гораздо выше свою личную самость, свои личные убеждения по отношению к взглядам и принципам социального окружения, демонстрируя им чисто формальную лояльность.

Отдельная группа русских слишком часто ставит свои «внутренние» принципы и ментальные установки гораздо выше неких «общерусских», «православных», «коммунистических» и других принципов, считавшихся среди русских на тот момент общепринятыми. В этом случае к «общепринятому», «общенациональному», «общегосударственному» часто не демонстрируется даже формальная лояльность.

Именно этими реальными особенностями обусловлены туманные рассуждения о «загадочности», «непознаваемости», «мистичности» русской души и её противоречивости, а также диаметрально противоположные описания и оценки национальных качеств рус-

ских, большинство из которых имеют под собой реальные основания, но далеко не полны, односторонни и половинчаты.

***

Каким образом появляется новый этнос на месте старого (старых)? В идеально неподвижных и неизменных условиях «старые» этносы могут существовать очень и очень долго. Но так бывает крайне редко — условия меняются. Перед этносами появляются новые вызовы в виде изменения природной среды, взаимодействия с сильными иноплеменниками. Очень сильные и развитые этносы сами меняют условия своего существования, да так, что появляется очень серьёзный вызов. Обо всём этом немало писал историк-теоретик Арнольд Тойнби.

Люди, как известно, очень разные. И вот многие представители этноса не могут приспособиться к новым условиям. Они либо погибают, либо просто не дают потомства. А другие категории, наоборот, обладают востребованными психофизиологическими качествами. Они выживают, активно размножаются, зачастую смешиваются с иноплеменниками, которые обладают такими же актуальными антропологическими характеристиками.

Отбор зачастую происходит за счёт гибели значительной части этноса в тяжёлых условиях или же половым путём. Мужчины, как известно, весьма разнообразны. Так вот женщины предпочитают иметь детей от определённых категорий (категории) мужчин, которые обладают адаптивными в данных условиях качествами, и не имеют детей от неадаптивных мужчин, или же адаптивные мужчины просто получают возможность захватывать женщин и использовать их для рождения детей от себя.

В человеческой популяции-этноте начинаются серьёзные биологические изменения. Адаптивные качества «тянут за собой» новые особенности, иногда нейтральные, иногда могущие в случае чего стать откровенно опасными или могущие в одних случаях быть опасными, в других – полезными, в-третьих – нейтральными.

Таким образом, на месте гумилёвского пассионарного толчка нужно поставить тойнбианский вызов, на который не смогла ответить прежняя этническая структура (структуры) как целое, но смогли ответить отдельные люди и группы людей.

Наряду с пассионариями, активными новаторами особое внимание нужно уделить эффективным приспособленцам и приспособленкам, физически и психологически выносливым, здравомыслящим и здоровым, могущим и хотящим выжить и размножиться. Для начала этногенеза они должны быть в достаточном количестве. И именно они обеспечивают победу группы пассионариев своей поддержкой. Есть их поддержка – есть и этногенез.

Изменения происходят и в области менталитета и культуры. Значительно меняется этнический стереотип поведения, картина осознания себя в мире и образцы поведения, пути достижения общезначимых для людей ценностей, в общем, то, что Светлана Лурье считает этнопсихологическими особенностями. Это происходит после того, как значительная часть этноса исчезает, а другая, наоборот, укрепляется и (или) смешивается с иноплеменниками.

В этнической психологии происходит примерно то же, что и в биопсихологии. Актуальные, крайне необходимые качества «тянут за собой» «все остальные», а человеческая жизнь, даже самая архаичная, изменчива, и «побочные эффекты» адаптивных качеств могут быть крайне опасными.

Тут в дело вступают культура, система ценностей, социальные нормы, которые призваны усилить действие адаптивных биоментальных качеств и минимизировать влияние «побочных», дезадаптивных.

Вот и появляется новый этнос с новой культурой, психологией и даже биологией на основе части одного или нескольких старых. Иногда иноплеменники полностью ассимилируют некий этнос и сами частично изменяются под влиянием субстрата. И ничего необычного в этом нет.

Отличие современной ситуации заключается в снижении фактора природной среды при влиянии на формирование этнических особенностей. Особенности этносов, сформировавшихся в определённой природной среде, в современной урбанизированной среде не получают подкрепления и медленно размываются. На самом деле неизвестно, могут ли в сильно урбанизированной, сравнительно мало зависимой от природных условий среде формироваться новые этносы или же не могут, или же могут возникать лишь группы, манипулирующие «старыми» этническими другими видами идентичности, а новые этносы могут возникнуть только со снижением уровня урбанизма.

Необычны случаи, когда этнос, многократно и значительно меняясь по всем вышеуказанным параметрам, продолжает сохраняться, то есть сохранять прежнее самосознание и самоназвание. Это происходит в случаях, когда преемственность принадлежности к «старому» этносу, сохранение самоназвания и самосознания сами являются неким адаптивным фактором культуры.

Такое полное изменение, сопровождаемое потерей значительного числа «своих» и приходом массы «чужих», неоднократно происходило с евреями. Но этот народ продолжал существовать, потому что его этноконфессиональная традиция обеспечивала очень высо-

кий уровень этнической сплочённости и мобилизации. Быть евреем всегда значило быть частью реальной социальной силы при всех возможных неудобствах.

Сыграла свою роль такая специфическая книга, как Талмуд, а точнее, его предписания, которые оказались отличным средством укрепления и восстановления этнических границ в случае угрозы их стирания.

В огромной степени ослабяившиеся, превратившиеся из кочевников в земледельцев венгры (мадьяры) также предпочли сохранить прежнюю идентичность и язык по разным причинам. Во многом венгерская идентичность ассоциировалась с успехом, господством, доминированием, угрозой соседям. Такая идентичность была крайне важна и для общения с крайне агрессивными соседями: немцами, поляками, средневековыми чехами, которым тоже очень нравилась плодородная Паннонская равнина.

Тюрки-болгары также были отличными воинами, что и доказали войнами с Византией. Но их идентичность не была столь «грозной» и «успешной». Поэтому болгары в схожих условиях благополучно славянизировались.

***

Русскому народу предстоит претерпеть коренные изменения, потому что форма политического существования великороссов – империя – изжила себя и восстановлению не подлежит. А, как известно, империя для нас и наших предков – больше, чем государство. И, несмотря на крайнюю важность, дни её сочтены.

Потому что для восстановления империи нужна развитая сеть коллективов выживания и высокий уровень самоорганизации. Сейчас этого нет. Но всё это было во время Смуты, революции и Гражданской войны. В этих случаях русские могли самостоятельно, без указ-

ки сверху объединяться для решения масштабных проблем, во многом потому, что обладали самостоятельными, хорошо организованными низовыми ячейками: общинами, коллективами родственников, единомышленников.

Таковыми, которые помогали восстанавливать империю не только русским, но и тем же китайцам. У них основой для новых имперских проектов служили мощные кланы, общины, разветвлённые тайные общества и пр. – словом, организации отнюдь не имперские, а зачастую попросту антигосударственные, но без которых пришедшая в упадок империя возродиться не может.

Наша империя при Сталине всё это благополучно уничтожила, и спасти её теперь некому. Условия жизни станут кардинально иными. Появится новый народ (народы).

По сути, уже бывшие великороссы будут втянуты в новый мощный цикл этногенеза. Громадное количество русских будет уничтожено или же ассимилировано, в том числе и вполне добровольно, самыми разными народами: украинцами, черногорцами, англосаксами, дагестанцами и пр.

После падения нынешнего режима будет иметь место более или менее долгий «февральский» период. Слабосильные оппозиционеры и бывшие «верные путинцы» будут слабо трепыхаться без особого толку. Потом последует интервенция либо «октябрьский вариант» в виде ваххабитской революции. При этом вряд ли установится надёжный контроль над всей территорией РФ. Начнётся период противостояния ваххабитов и пёстрых антиваххабитских сил, сопровождаемый интервенциями, который, очень вероятно, завершится тем, что разные территории нынешней РФ будут развиваться обособленно.

Многие русские люди имеют очень мало шансов на выживание при неофеодализме. Некоторые не облада-

ют необходимыми качествами, чтобы выжить в условиях, даже немного более худших, чем нынешние. Другие выжить теоретически могут, но фактически не захотят остаться без привычного мира и погибнут. Третьи обладают и способностями и желанием выжить, но будут применять неверные методы, которые не будут работать при нефеодализме. Например, станут слишком полагаться на себя и действовать без достаточной поддержки со стороны надёжных людей. Они тоже обречены на гибель. Четвёртые попытаются создать коллектив выживания, но не смогут в нём правильно себя вести: будут тянуть одеяло на себя и паразитировать друг на друге. Такие тоже погибнут.

Из русских при нефеодализме могут выжить три типа людей: приспособленцы, обладающие полезными навыками, которые могут стать кем угодно, лишь бы выжить, и те, которые смогут «встроиться» в не ими созданные коллективы и структуры, или те, которые сумеют построить эффективно долговременно действующие коллективы выживания.

Это не носители каких-либо идеологий, мировоззренческих систем и социальных групп. Это просто группы людей, могущих положиться друг на друга в любой ситуации, свято соблюдающие обязательства по отношению друг к другу, чтобы ни происходило. И такие группы не должны быть совсем уж мизерными, они должны включать в себя по крайней мере несколько человек. А вот таких людей у нас мало, гораздо меньше, чем «носителей мировоззрений».

Многие родовые линии русских пресекутся, какие-то будут ассимилированы. Оставшиеся окажутся совершенно в новых условиях. От немногих потомков современных русских могут пойти разветвлённые генеалогические линии. Скорее всего, будут иметь место процессы этногенеза одного нового народа или нескольких.

Менталитет русских и западных европейцев – менталитет народов, не живших веками бок о бок с врагами. От них их всегда отделяло государство, и встречались они с ними на поле боя. Эти народы после окончания процесса своего формирования не были надолго поработаны другими. Поэтому в нашем менталитете не было того страха перед чужаком и ненависти к нему, который характерен для жителей Восточной Европы или Востока. Последние вообще завоёвывались крайне жестоко и многократно, что и позволило внедрить русским и западноевропейцам установки либерализма и толерантности.

Но теперь, наверное, русский менталитет пройдёт длительный путь ксенофобизации.

Это коснётся далеко не только русских. Огромное количество человеческих популяций исчезнет или пройдёт сквозь «бутылочное горлышко», резко уменьшившись. Человечество вновь постигнет та же судьба, как при переходе от палеолита к мезолиту, когда исчезла богатейшая мегафауна и очень многие люди не знали, чем им теперь питаться.

На определённых территориях русскость может уцелеть, конечно, её не будет там, где с нами будут расправляться так же быстро, как в Чечне или Таджикистане.

А вот в ситуации относительно постепенной экспансии иноплеменников, которая займёт несколько десятилетий, ситуация может быть другой. Значительная часть русских, возможно, уедет. Другая же, предположительно, сможет организовать в реально действующие коллективы выживания и их сети. В их рамках русские смогут выживать на этой территории веками, даже будучи меньшинством и претерпевая гонения! И в таких условиях народы крепнут и развиваются. Презрение, гонение со стороны «большинства» убивают одиночек. А сильный коллектив становится только сильнее. Внешнее давление для таких коллективистов

служит мощным жизненным стимулом. Это с успехом доказали русские старообрядцы.

Другой вариант, сходный с предыдущим. В полиэтничном обществе за русскими закрепляется некое место в иерархии этносов и этносоциальном разделении труда. Русские занимают свою этносоциальную нишу, наверняка связанную с чем-то из прежней, «цивилизованной» жизни, например инженерно-технические работы, медицина. Может закрепиться мнение, что нормально подобную работу могут выполнять только русские или некие их потомки. И человек, если хочет заняться чем-то таким, должен быть принят в русской среде. Так будут думать и те, кто русских совсем не будет любить и уважать.

Сравнивая с Древней Мезоамерикой, получатся некие «тольтеки» среди «чичимеков». «Чичимеки» стали политической элитой, а «тольтеки», бывшие владыки империи, – полупривилегированными ремесленниками и интеллектуалами.

Третий вариант – русский «остров Крым», или византия – территория, сохранившая максимальную преемственность с исторической Россией, максимально цивилизованный, комфортный, технизированный образ жизни. Территория, населенная по преимуществу русскими и имеющая, скорее всего, русскую власть. Это будет место, куда съедутся русские с других территорий, и не только они, а просто подлинники цивилизованного уклада жизни.

Конечно, русская византия не будут копией РФ или СССР. Нравы здесь будут гораздо более жёсткие и архаизированные, хотя и в меньшей степени, чем на сопредельных землях. Но многие функции, которые сейчас выполняет государство, будут осуществлять коллективы выживания, например обеспечение стариков, детей-сирот. Это будут делать коллективы родственников, территориальные общины.

Понятно, что менталитет всех этих вариантов «поствеликороссов» будет очень далёк от нашего. Скорее всего, гораздо менее сложный, оригинальный и противоречивый, гораздо более коллективистский, ориентированный на традицию и соответствующий общим установкам культуры выживания, с чётким делением на «своих» и «чужих».

Тем более что необходимые культурные противорессы негативным сторонам русского менталитета, ранее весьма эффективные, ныне уничтожены государством, а негативные доведены до абсурда тем же государством, которое готовится к уходу в небытие.

Потомков русских может спасти только новый виток этногенеза: появление фактически нового этноса с новой ментальностью, основанной на принципах культуры выживания, коллективизме и традиционализме.

Вместо рекомендаций

Как же русским лучше всего реагировать на заселение их земель кавказцами и другими мигрантами?

В первую очередь необходимо сразу сказать, что от «простых и политических» решений долговременного толка не будет.

Речь идёт и о «свержении проклятого режима», и об изгнании кавказцев и мигрантов из русских регионов.

Нравы нашей элиты в целом соответствуют нравам самых что ни на есть простых людей и нравам оппозиции тем более. Так что власти, пришедшие на смену путинцам, скорее всего, с успехом продолжат их дело и доведут до «победного конца».

А если все кавказцы и мигранты враз исчезнут из русских селений? Если русские будут себя вести, как вели, то этот отрадный факт нам совершенно не поможет. Просто вымрем «без посторонней помощи» от низкой рождаемости, алкоголизма, наркомании и ненависти друг к другу.

Это не значит, что не надо бороться с этническим криминалом и нелегальной эмиграцией. Но это надо делать не в форме эпизодических избиений дворников или возмущённых постов в соцсетях, которые полезны исключительно полиции и ФСБ (помогают выполнять план).

Необходимо вести планомерную борьбу с такими явлениями, как бирюлевская овощебаза или какой-либо наркопритон. Дело это трудное и требует создания организации и длительной, планомерной борьбы, организации по возможности действенной и разветвлённой работы, включающей в себя специалистов самого разного профиля: и самбистов и юристов, как говорится. Таким образом, нужно создавать те самые «оборонительные» коллективы выживания, о которых пишет и в деятельности которых участвует Александр Жучковский. <http://juchkovsky.livejournal.com/>

Основной смысл русской национальной борьбы – не только и не сколько «великая окончательная победа», после которой можно будет «расслабиться». Русская национальная борьба – это, прежде всего, школа самоорганизации, отработка навыков жизни при неофеодализме.

Действительно, революция нужна, но революция нравов и образа жизни на основе создания коллективов выживания – или русские проведут её сами, или им её проведут кавказцы, азиаты и салафиты.

Нужно кардинально изменить представление о том, кто есть нравственный и порядочный человек.

Сейчас так называют какого-то раба, который постоянно чего-то «не делает», «никого не обижает» например. Если он православный – то воздерживается от пищи в пост, чего-то там не смотрит или не читает, куда-то не ходит, ещё выполняет определённые ритуалы.

Неудивительно, что над таким «порядочным человеком» все смеются, и зачастую просто предпочитают быть «непорядочными».

На деле нравственный и порядочный человек отличается одним главным качеством: он осознанно и целенаправленно приносит пользу людям, вполне конкретным людям, а не «всему человечеству». И даже не всему русскому народу.

И такой человек никогда не может быть «хорошим всем», даже если он не проявляет ни к кому агрессии и никому специально не вредит. Принося кому-то пользу, человек всегда неизбежно переходит дорогу другим. Пусть эти «другие» для смиренного христианина – сатана, бесы и враги христианства. Человек, который не переходит никому дорогу, как правило, бесполезен вообще и глубоко аморален и эгоистичен.

Возьмём некоего мужичка, который не пропускает ни одной юбки и любит «шашлычок под коньячок», но на которого его родные и друзья могут положиться. Он

не просто «посочувствует», а предпримет вполне конкретные действия в пользу конкретного человека.

Это без всякой натяжки светоч морали.

Возьмём некую набожную старую деву, которая из церкви не вылезает и все посты соблюдает. Живёт себе и живёт, ни во что особо не вмешивается, никому не помогает. Читаем места в «Евангелие», посвящённые фарисеям.

Но, конечно, в конкретном коллективе существуют определённые обычаи, правила и установки, которые без разговоров соблюдаются всеми. Если коллектив православный – там и посещения служб, и посты, и ограничения на женскую одежду, и круг чтения.

Русский человек должен избавиться от ложного чувства личной исключительности, что все должны делать «так, как надо», а ему одному закон не писан, что с ним не может случиться того, что произошло с «лохом Васей». Русский должен понять, что он принципиально «такой, как все». И что если он что-то от других ожидает или требует, то сам должен всё это выполнять. И если «кому-то» плохо, то и его запросто может постигнуть та же участь.

Есть ещё очень нужные «программы» в области нравов, например поднятие статуса русского мужчины до традиционного и превращение русской семьи в большую патриархальную, где и деды, и отцы, и внуки живут вместе или по соседству. По крайней мере, постоянно общаются, очень многое делают сообща. Просто такая семья и самостоятельно детей поднять может, и позаботиться о стариках и инвалидах. Ещё она – какая-никакая, а боевая единица...

Для этого надо резко и быстро поднять статус русского мужчины, но здесь есть большая загвоздка. Высокий статус мужчины – патриарха – это как статус монарха. В первую очередь – обязанности и жестокий «спрос», а уж потом права, пусть и немалые. Многие

ли русские мужчины готовы не пользоваться преференциями, а «отвечать»?

Многие никаких особых преференций и недостойны, автор этих строк – в первую очередь, например, потому что детей нет, не говоря уже о таких до боли знакомых типажах, как женоподобный интеллигент или алкаш (наркоша) из бывших гопников, который «круто выставляет на бабки» собственную бабушку, которая вынуждена просить милостыню на хлеб.

Однако уже сейчас есть немало русских мужиков, которые делают и отвечают и за тех парней, и за тех девчат, реально справляются с ответственностью и за себя, и за других. Они должны быть избавлены и от внимания ювенальной юстиции, и от назойливо проталкиваемых мнений менее компетентных и сильных «чад и домочадцев». Мнение этих людей должно приниматься в расчёт гораздо меньше, чем это делается сейчас.

Главное, мальчиков после семи лет не должны воспитывать женщины, даже самые успешные и достойные. Ни в коем случае! Быть может, биологический отец может оказаться совершенно недостойным воспитателем, таких, к сожалению, немало. Тогда должен быть найден другой мужчина, пусть даже не отчим. Может быть, дед, брат матери, приходской священник, тренер по рукопашному бою, лишь бы мужчина был достаточно сильным и ответственным. Вообще, брат матери в качестве воспитателя – явление распространённое в мировой практике, так же как и воспитание мальчика мужчиной, который не отец и не отчим. Если мужчина достойный и с педагогическим талантом – он может воспитывать и десяток таких мальчишек. Женщина, если даже она богата и успешна, может только давать деньги, но ни в коем случае не вмешиваться в процесс воспитания! Конечно, чужих детей воспитывать нередко легче, чем своих, потому что воспитатель проявля-

ет больше объективности и здравого смысла и меньше эмоций, часто – вредных.

Мне могут возразить: «А оно ему надо? А деньги у него будут?» А вот для этого и нужен коллектив выживания, в котором не на собрания ходят и не резолюции принимают, а занимаются конкретными жизненными проблемами членов коллектива, чтобы и мотивация была, и деньгами помогли, но не тому, кто на печке лежит и пальцем шевельнуть не хочет. Такого можно из коллектива (неродственного) и выгнать, а поддержать того, кто работает и на себя, и на того парня.

Или вот пенсионная система потихоньку исчезает. И не только в России, это мировой тренд. Просто «в связи с рождаемостью» (точнее, нерождаемостью) пенсионеров кормить некому. Вместо пенсии – коллектив выживания! Так все люди испокон веков жили. Прежде всего, речь идёт о родственных коллективах выживания, но об одиноких стариках могут заботиться религиозные и территориальные коллективы выживания.

Нельзя забывать, что мужчина – это лицо политическое, государь. Поэтому любой полноценный русский мужчина должен непосредственно осуществлять политическую власть, и не только у себя дома. Он вместе со всеми остальными должен непосредственно участвовать в управлении, если не всей страной, то по крайней мере своим городом или селом, например через народный сход, который должен стать важнейшим органом местной власти, собирающимся регулярно.

С восстановлением традиционной семьи можно перейти к восстановлению традиционного гендерного разделения труда, когда семью полностью обеспечивает мужчина (мужчины), а женщина лишь мать и домохозяйка. Зачем это нужно? Только такая семья может обеспечить для этноса нормальный уровень рождаемости, достаточный для воспроизводства и естественного прироста. Тогда как в семьях, где муж и жена оба рабо-

тают и «делают карьеру», чаще всего очень мало детей, если они вообще есть.

Об этом замечательно написал в своей книге «Ударное вымирание» питерский бизнесмен Сергей Никитин, обосновавший необходимость для воспроизводства русского народа и нормального развития экономики переориентацию женщин с работы на семью и материальное обеспечение стариков их детьми.

Конечно, на практике, в случае резкого сокращения работающих женщин, общество обеднеет, хотя бы на некоторое время. Но без этого русские тупо вымрут!

Стоит заметить, что в своей книге Сергей Никитин, человек очень и очень не бедный, сознательно или бессознательно ориентируется на таких же, как он. Большинство же русских были, есть и будут не слишком состоятельными, поэтому для обеспечения нормального благосостояния простой русской семьи очень важны тесная экономическая кооперация между родителями и детьми, между братьями и сестрами, а также участие в более разветвлённых сетях взаимопомощи (конфессиональных и пр.), возможно, включающих не одну сотню «своих». Это, например, позволит резко снизить риски при ведении малого и среднего бизнеса, как это делают различные этнические диаспоры.

Кстати, своей надомной работой женщины тоже могут внести немалый вклад в семейный бюджет, как это и было издавна на Руси. Например, в Средние века русские женщины и девушки ткали великолепные льняные ткани, которые вполне конкурировали с изделиями индийских ткачей-профессионалов, в своё время бывших едва ли не лучшими в мире.

Конечно, не стоит увлекаться одной только архаизацией. Если делать это без рассуждения, можно просто утратить имеющиеся преимущества, совершенно в недостаточной мере приобретя новые. Необходимо сохранять и наши наличные преимущества: прежде всего это относительно высокий уровень образования и тех-

нических знаний, которые при правильном использовании могут в какой-то мере компенсировать недостаточно развитую систему самоорганизации и взаимопомощи, сохранить мощные структуры «государственного» уровня. Даже те русские, которые не относятся к «образованному классу», должны стремиться быть настоящими профессионалами, в том числе для того, чтобы выполнять обязанности глав семейств.

В XIX столетии кавказцы были гораздо более мужественными, храбрыми и сплочёнными, чем сейчас. И русские одержали над ними верх во многом за счёт государственной организации и уровня образования и технических навыков.

Конечно, значительная часть гуманитарной и теоретической культуры, наименее значимой для выживания, исчезнет. С чем это произойдёт, а с чем – нет, нельзя определить заранее. Это выяснится в процессе создания коллективов выживания. Исчезнет то, что не будет значимо для членов успешных коллективов выживания, даже в качестве знамени или части досуга.

Ещё раз повторяю, реализация изложенных выше принципов потребует настоящей революции – революции быта и нравов. Русским придётся сломать себя через колено. И сделать это самим, иначе за нас это сделают другие, безо всякой пощады к нашей культуре и идентичности.

В осуществлении этих чаяний не стоит чрезмерно уповать на носителей какой-либо конкретной религии или идеологии, субкультуры. В наше время все они имеют слишком сильный «игровой» элемент. Любое учение и стиль жизни используют для самовыражения, снятия стресса и поднятия собственной значимости. Сравнительно редко в наше время какое-либо учение побуждает к активным и самостоятельным действиям на пользу себе и окружающим, к самопожертвованию.

Таким образом, для выживания русских необходим синтез культуры выживания и культуры достижения.

Всё это может быть реализовано лишь через коллективы выживания, для создания которых нужна не приверженность к идеологии, а психологическая и витальная силы. Коллектив выживания создаёт тот, которого серьёзные долговременные испытания не ломают, а побуждают к борьбе, и не только за свои интересы, но и за интересы других людей, хотя бы нескольких. Этот человек к тому же находит и тех, кто будет реально помогать ему самому.

Таких людей среди современных русских относительно мало, но они есть.

Какие качества будут востребованы у русских людей при неофеодализме?

Много различной «узкоспециализированной» публики останется не у дел, даже если она сейчас блещет талантами и успешностью. Востребованы будут пусть не блестящие, не самые выдающиеся в разных отношениях, но гибкие и адаптивные люди, способные приспособиваться к совершенно незнакомым и (или) тяжёлым условиям.

Востребованы будут также социальные русские, умеющие объединяться в дружные коллективы. И эти коллективы должны уметь эффективно взаимодействовать с другими коллективами. Тут важны самые разные социализирующие психологические качества: эмпатия, равнодушие, умение выполнять свои обязательства и заставлять выполнять их других и пр. Важным адаптивным качеством будут сильные родственные и дружеские чувства.

Из профессионально-психологических навыков в большой степени станут востребованы боевые и воин-

ские: способность руководить и подчиняться, владение оружием и пр.

Также будут весьма нужными навыки по использованию, ремонту, сборке и конструированию самых разных видов техники. Однако уклон будет в той или иной степени перенесён с IT-технологий и «гаджетов» на военную технику, транспорт, различные устройства по производству сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Также очень будет цениться способность выращивать различные сельскохозяйственные культуры и домашних животных, что, однако, в сколь-нибудь значимых масштабах затруднительно без силовой защиты и технического оснащения.

Среди немногочисленных «интеллектуальных знаний» будут востребованы медицинские и инженерные.

Все остальные вообще рискуют не вписаться в общество будущего.

Понятно, что для выживания при неофеодализме будут нужны сила, сплочённость, умение договариваться и действовать организованно, а также полезные технические, сельскохозяйственные и боевые навыки.

Но они – не главное.

Главное – это желание жить, не покидающее ни при каких условиях. Любовь к жизни не ради каких-то радостей, а ради неё самой, какой бы она ни была, а также желание любой ценой помочь выжить ещё каким-нибудь людям.

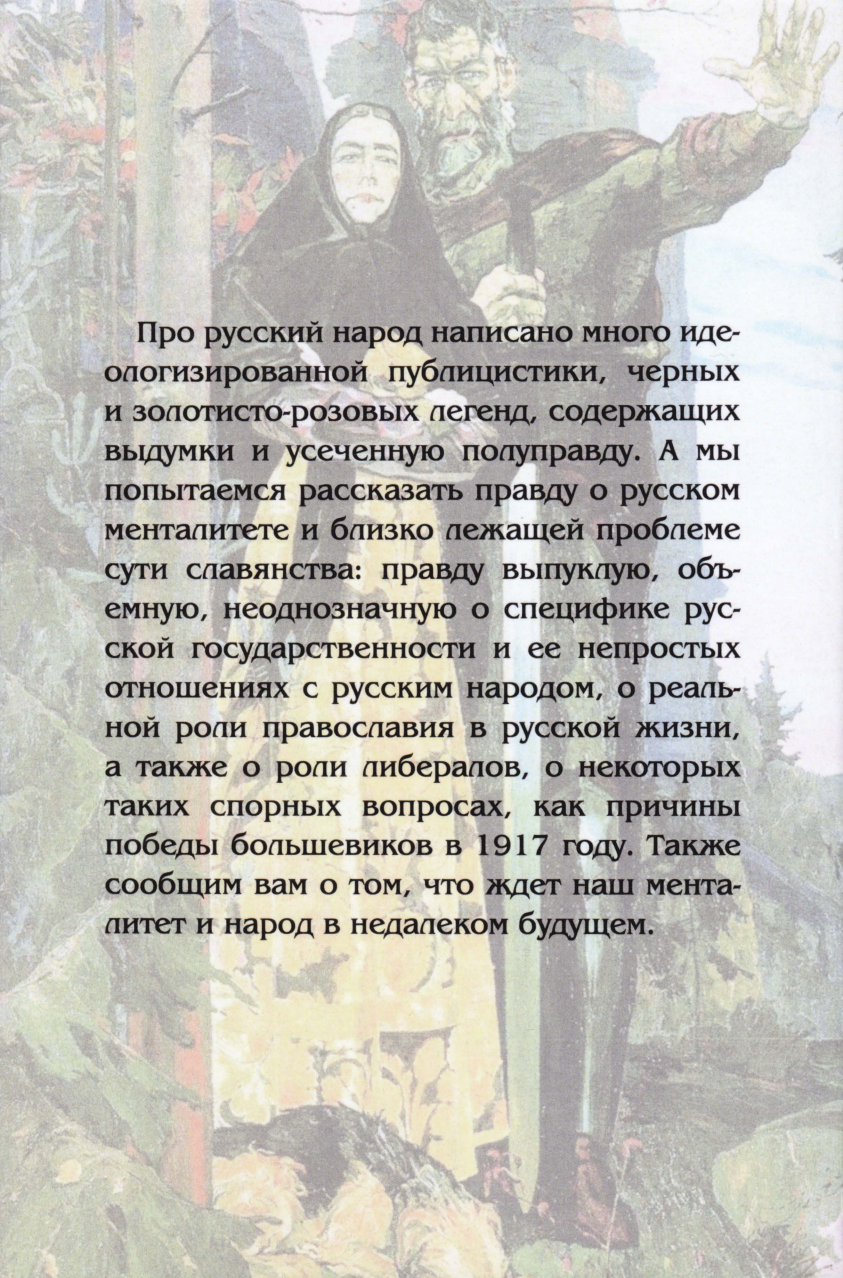
Семен Резниченко

Русские и русскость

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки: Е.В. Семенова,
Печать: ИП Бурина А.В. («Традиция»)
www.traditciya.ru, E-mail: orders@traditciya.ru

Подписано в печать 10.07.15г.,
Формат 84x108/32,
Усл.п.л. 7, тираж 200 экз.

Про русский народ написано много идеологизированной публицистики, черных и золотисто-розовых легенд, содержащих выдумки и усеченную полуправду. А мы попытаемся рассказать правду о русском менталитете и близко лежащей проблеме сути славянства: правду выпуклую, объемную, неоднозначную о специфике русской государственности и ее непростых отношениях с русским народом, о реальной роли православия в русской жизни, а также о роли либералов, о некоторых таких спорных вопросах, как причины победы большевиков в 1917 году. Также сообщим вам о том, что ждет наш менталитет и народ в недалеком будущем.